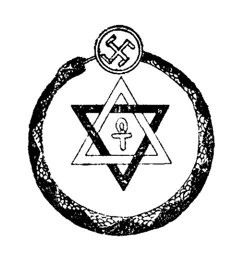

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

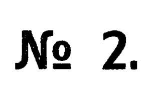
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 февраля.

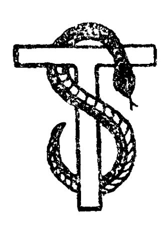

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

№ 2.

Отъ Редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ

февральской книжки „Вѣстника Теософіи“.

стр.

1. Главныя теософическія положенія. Соотношенія теософіи съ наукой, философіей и религіями. Д-ръ Т. Паскаль. Перев. М. Карель 1
2. Древняя Мудрость, А. Безантъ. Перев. Е. П. 11
3. Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ, д-ръ Р. Штейнеръ. Перев. В. Лалетинъ. 30
4. Теософія и новая психологія (ясновидѣнье и яснослышанье), А. Безантъ. Перев. Е. П. 39
5. Исторія года, М. Коллинсъ. Перев. Е. П. 53
6. Любовь, стихотвореніе * * * 57
7. Гностическій гимнъ, М. Волошинъ 58
8. Тримурти, стихотвореніе, Б. Форшъ 60
9. Передъ вратами (сказка), О. Форшъ 61
10. Теософія въ Индіи, Alba 69
11. Обозрѣніе теософической литературы, Alba 75
12. Научное обозрѣніе (Гипотеза Густава Лебона), М. К. . . 78
13. Письма къ читателямъ, Другъ читателя 89
14. Отзывы о книгахъ 94

Приложеніе. Великіе Посвященные. Очеркъ эзотеризма религій Эдуарда, Шюре.

От ъ Редакціи.

Съ мартовской книжки въ журналѣ открывается новый отдѣлъ: „Вопросы и отвѣты“, въ которомъ Редакція ставитъ себѣ задачей итти навстрѣчу духовнымъ запросамъ своихъ подписчиковъ.

—

Въ № 1-мъ „Вѣстника Теософіи“ вкрались нижеслѣдующія *опечатки*, которыя Редакція проситъ исправить:

1) На стр. 48-й, 9 строка снизу, напечатано: „*Орундъ*, обнимающій всѣхъ посвященныхъ“... Слѣдуетъ читать: „*Орденъ*, обнимающій всѣхъ посвященныхъ“.

2) На стр. 49-й, 17 строка снизу, напечатано „понитаемыми“, надо „почитаемыми“.

3) Въ статьѣ „Древняя Мудрость“, на стр. 39-й, послѣ 5-й строки сверху, пропущена фраза; послѣ словъ: „Всѣ эти разсказы можно считать вымысломъ позднѣйшихъ временъ“, слѣдуетъ вставить:

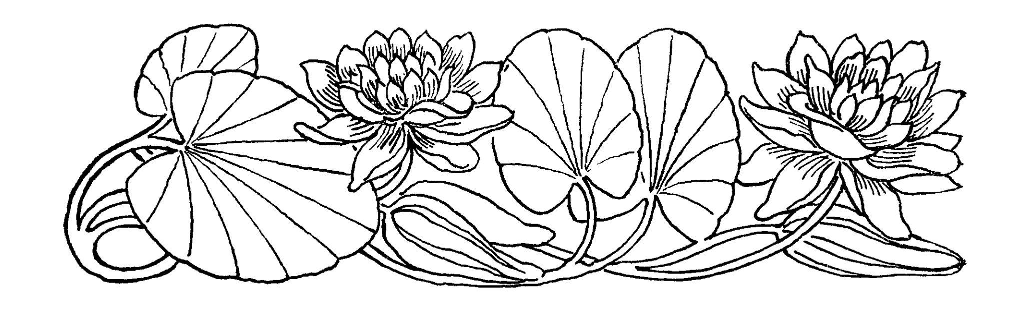
„Подобныя исторіи постоянно повторяются о Посвященныхъ различныхъ степеней, и они вовсе не представляютъ собою „вымысла“; что касается Ко-Юана, то интереснѣе будетъ выслушать его собственный отзывъ о книгѣ“.

„Когда я пріобрѣлъ истинный Tâo . . . . (и далѣе какъ въ книгѣ).

4) Пословицу на стр. 46-й слѣдуетъ читать такъ: „Добрый подобенъ кокосовому орѣху; остальные подобны *jujube* *), только съ вида красивому“.

---

*) Jujube обозначаетъ цѣлебное растеніе.

Главныя теософическія положенія. Соотношенія теософіи съ наукой, философіями и религіями.

I. Теософическія бесѣды 1900 г. слушателямъ Женевскаго университета. читанныя д—ромъ Т. Паскалемъ.

Бесѣда 1-ая.

Теософія и ея главныя положенія.

Что такое Теософія?

Это божественная Мудрость или лучше можно было бы ее назвать наукой Жизни. Единственно Господь познаетъ въ цѣлости божественную науку, ибо Самъ создалъ Вселенную; Онъ руководитъ ею Своимъ разумомъ, животворитъ Своей любовью, направляетъ Своей волей. Но существа составляютъ обширную іерархію Космоса и, по мѣрѣ пробужденія ихъ способностей, они получаютъ возможность познавать, отчасти, Жизнь Вселенной. Человѣкъ уже постигъ не одну тайну Природы; существа сверхчеловѣческія проникли еще гораздо глубже въ ея нѣдра, а существа, достигшія божественности, познаютъ еще болѣе глубины Истины. И въ этой іерархіи, какъ и въ человѣческой семьѣ, старшіе помогаютъ младшимъ; самые высшіе, существующіе на нашей планетѣ, то есть тѣ, которыхъ теософы называютъ Учителями, потому-что они повелѣваютъ всѣми силами, дѣйствующими на планетѣ — землѣ, наставляютъ нѣкоторыхъ людей высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, именуемыхъ учениками, которые передаютъ своимъ послѣдователямъ то, что тѣ въ состояніи понять; ученики счастливы, имѣя возможность изливать на людей страждущихъ или ищущихъ познанія, тѣ крупицы этой божественной науки, которыя сами они могли воспринять.

Итакъ Теософія принадлежитъ всѣмъ временамъ и всѣмъ странамъ; только названіе ея измѣнялось съ теченіемъ вѣковъ. Но всплыла она вновь въ концѣ прошлаго столѣтія, въ моментъ, когда умъ человѣческій, утомленный догматизмомъ буквы, не находя въ религіяхъ достаточнаго свѣта, кинулся въ матеріализмъ и погрузился въ сомнѣнія. Въ этотъ моментъ предсталъ Посланникъ, чтобы повторить древнюю истину; онъ явился принести болѣе крупную частицу этой истины, чтобы снова всѣ могли получить надежду, снова стать на путь, временно помраченный.

Ученія Теософіи безграничны и составляютъ обширную литературу; здѣсь я приведу только нѣкоторыя—именно тѣ, которыя могутъ имѣть практическое значеніе, и у меня хватитъ времени только, чтобы коснуться ихъ. Я даже не могу вполнѣ доказать всего, что имѣю изложить, за недостаткомъ времени *). Но это не представляетъ большой важности, ибо Теософія отнюдь не требуетъ вѣры, основанной на авторитетѣ—она говоритъ: вѣрьте только тому, что допускаютъ ваше сердце и разумъ. Тѣ изъ васъ, которыхъ я теперь заинтересую, могутъ найти въ Теософическихъ книгахъ, *если только они пожелаютъ удѣлить на это изученіе достаточно нужнаго времени*, всѣ доказательства, которыя только потребуетъ умъ.

Я коснусь сегодня вечеромъ четырехъ главныхъ пунктовъ: Строенія человѣка, Братства человѣчества, Закона Причинности и Закона возрожденія или Перевоплощенія.

I. Строеніе человѣка.

Сказано, что человѣкъ есть маленькая Вселенная—микрокосмъ. Онъ, въ зародышѣ, содержитъ въ себѣ всѣ возможности вселенной; нѣкоторое число этихъ возможностей, до извѣстной степени, уже развиты въ немъ; другія находятся еще въ зародышевомъ состояніи и разовьются только позднѣе. Вещество Вселенной не ограничено; еще недавно признавали только три его

*) Насъ обвиняли, что мы многое утверждаемъ, не представляя доказательствъ, но гдѣ же можно найти такого ученаго, который, являясь передъ аудиторіей, незнакомой съ той наукой, главныя основанія которой долженъ онъ представить въ нѣсколько часовъ, былъ бы въ состояніи доказать все изложенное имъ? Я же не ученый, а только изслѣдующій; Теософія представляетъ собой самую обширную и глубокую изъ наукъ, и въ ней заключаются ученія, касающіяся міровъ и тѣлъ невидимыхъ, полное доказательство существованія которыхъ можно получить только, развивая лично въ себѣ высшія чувства; наши критики, конечно, не думая того, требовали невозможнаго.

состоянія—твердое, жидкое и газообразное. Въ наше же время для объясненія нѣкоторыхъ утонченныхъ силъ, какъ свѣта, электричества, теплоты, наука признала необходимымъ допустить существованіе вещества еще болѣе утонченнаго, а именно эфира. Теософія же говоритъ, что существуетъ четыре эфирныхъ состоянія, а за ними находятся еще болѣе тонкія состоянія, необходимыя для проявленія высшихъ силъ: ощущенія, мысли, любви и воли.

Теософія учитъ еще, что какъ твердая матерія принимаетъ различныя формы, которыя мы называемъ видимыми тѣлами существъ, такъ и утонченныя состоянія матеріи принимаютъ нѣкоторыя формы—формы сферическія или чаще овоидныя.

Изслѣдованія гипнотизма и многихъ фактовъ изъ области психологіи доказали существованіе еще другого тѣла, кромѣ видимаго. Во время сна интеллектъ,—человѣкъ,—находится внѣ тѣла; тѣло живетъ, всѣ его животныя функціи совершаются, но его мысленность отсутствуетъ. Мозгъ работаетъ автоматически и воспроизводитъ впечатлѣнія, волновавшія его въ божественномъ состояніи, но изслѣдуйте его сонъ: онъ нелѣпъ, несвязенъ, и эта несвязность замѣчается послѣ пробужденія. Въ этотъ моментъ человѣкъ (душа Эго—Я) возвращается въ свое тѣло и обсуждаетъ свой сонъ.

Наоборотъ, есть возвышенные сны, во время которыхъ интеллектъ въ высшей степени свѣтелъ; тогда случается разрѣшать во время сна трудныя задачи, превосходящія степень развитія интеллекта въ бодрственномъ состояніи. Это происходитъ оттого, что мысленность пользуется болѣе тонкимъ орудіемъ, болѣе значительной силой вибраціи, а потому подобный сонъ—не тотъ пустой мозговой, о которомъ я только что говорилъ—отпечатывается рѣдко и несовершенно въ нашемъ мозгу, еще слишкомъ грубомъ, чтобы возстановить его своими ограниченными вибраціями.

Второе наблюденіе состоитъ въ томъ, что въ гипнотическомъ состояніи, когда мозгъ находится въ совершенномъ покоѣ и чувства парализованы, то нѣкоторыя высшія способности могутъ проявляться; иначе говоря, когда, находясь въ парализаціи гипноза, мозгъ перестаетъ вибрировать подъ вліяніемъ внѣшняго міра, то можетъ получить впечатлѣнія вибрацій того тонкаго тѣла, въ которое человѣкъ тогда облаченъ; въ подобныхъ случаяхъ, впечалѣніе это отпечатывается, потому что мозгъ находится въ совершенномъ покоѣ, и грубая вибрація, получаемая имъ отъ внѣшняго міра, не мѣшаетъ впечатлѣнію тонкой вибраціи тонкаго тѣла.

Этими случаями подтверждаются явленія подобныя тому, ко-

торый приводитъ вашъ соотечественникъ д—ръ Лядамъ въ своей книгѣ „Гипнотическій неврозъ (La Névrose hypnotique); онъ описываетъ одну даму, бывшую единственно разъ въ театрѣ, которая потомъ, находясь въ сомнамбулическомъ состояніи, могла пропѣть полностью весь второй актъ изъ оперы „Африканка“, которую она совершенно не знала въ бодрственномъ состояніи.

Эта особа запомнила оперу въ своемъ тонкомъ тѣлѣ—тѣлѣ астральномъ—ибо память, когда субъектъ находится въ этомъ тѣлѣ, т. е. во время своего сна, очень значительна, и эта дама могла въ опытѣ, о которомъ идетъ рѣчь, запечатлѣть эту память въ мозгу, приведенномъ сомнамбулическимъ сномъ въ полный покой.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сумашествія, больной во время вызваннаго сомнамбулическаго сна могъ становиться разумнымъ. Мозгъ, приведенный въ спокойствіе, освободившійся отъ суетливыхъ вибрацій, мѣшавшихъ проявленію разсудка, могъ воспринять здоровыя вибраціи разума, дѣйствующаго въ тонкомъ тѣлѣ во время гипнотическаго сна.

Въ книгѣ „Plantasms of the Living“ (Призраки живыхъ) комиссія психологовъ собрала сотни случаевъ, доказывающихъ, что когда человѣкъ теряетъ свое физическое тѣло (умираетъ), то онъ сохраняетъ тонкое тѣло, которое продолжаетъ существовать послѣ смерти, и можетъ проявляться на разстояніи. Спиритическіе феномены доказываютъ то же самое. Если бы я имѣлъ время, то могъ бы привести еще много подобныхъ доказательствъ существованія, по крайней мѣрѣ, этого тѣла, но я вынужденъ не останавливаться дольше на этомъ вопросѣ.

Всѣ религіи признаютъ многочисленность тѣлъ человѣка: египтяне насчитывали ихъ семь, индусы пять, римляне четыре; святой Павелъ упоминаетъ только о двухъ—о тѣлѣ душевномъ и тѣлѣ духовномъ *).

Теософія же учитъ, что число тѣлъ человѣка зависитъ отъ стадій развитія людей. Настоящее человѣчество обладаетъ тремя: тѣломъ видимымъ, тѣломъ, называемымъ астральнымъ, и тѣломъ мысленнымъ.

Видимое тѣло, физическое, вы всѣ знаете: говорить о немъ не буду; анатомы могутъ сказать вамъ о немъ больше, чѣмъ я. Но я считаю полезнымъ познакомить васъ съ той тонкой частью физическаго тѣла, которой присвоили названіе „эфирнаго двойника“: двойникомъ она названа потому, что когда матерія эта

*) Въ посланіи къ Өессалоникійцамъ говорится о духѣ, душѣ и тѣлѣ, гл. V, ст. 23. (Прим. перев.).

отдѣляется отъ человѣческаго тѣла, то принимаетъ форму видимаго тѣла; это замѣчается иногда частично у нѣкоторыхъ индивидумовъ съ своеобразнымъ строеніемъ организма, у сенситивовъ вообще и у медіумовъ въ особенности. Эфирнымъ же она называется потому, что состоитъ изъ эфира. Двойникъ никогда при жизни не отдѣляется у людей здоровыхъ, но во время агоніи мало по малу освобождается, и когда уже онъ вполнѣ отдѣлится отъ физической оболочки, наступаетъ смерть. Эфиръ этого двойника служитъ проводникомъ жизненной силы.

Я скажу также нѣсколько словъ о невидимой атмосферѣ, окружающей тѣло. Гипократъ называлъ его „энормонъ", Теософія--аурой здоровья; эта аура (атмосфера) состоитъ изъ тонкихъ излученій тѣла, выдѣляемыхъ избыткомъ въ немъ напряженнаго жизненнаго тока; въ аурѣ этой находятся микроскопическіе кристалики—жидкіе, газообразные и эфирные молекулы. Это элементы, выбрасываемые наружу теченіями жизненныхъ токовъ, которые излучаются изъ тѣла; когда жизненная сила въ нормальномъ состояніи, то она образуютъ родъ ореола изъ параллельныхъ лучей, исходящихъ, перпендикулярно, изъ накожной поверхности*); когда же состояніе здоровья очень ослаблено, токи эти уменьшаются въ силѣ и лучи ихъ приникаютъ къ поверхности тѣла, подобно спущенному зонтику.

Эта „аура здоровья" играетъ очень замѣтную роль въ физіологіи человѣческаго тѣла. Она служитъ регуляторомъ жизненнаго напряженія, родомъ предохранительнаго клапана, и составляетъ замѣчательную и важную систему очищенія. И, наконецъ, она есть органъ защиты. Въ самомъ дѣлѣ, самые опасные болѣзнетворные агенты **), тѣ напримѣръ, которые производятъ заразу, безконечно малы; они витаютъ въ воздухѣ, соприкасаясь съ нашимъ тѣломъ. Когда аура здоровья обладаетъ нормальной напряженностью, то отталкиваетъ эти болѣзнетворные агенты, напоминая этимъ немного колесо, которое своимъ движеніемъ отбрасываетъ грязь, прилипающую къ нему. Напротивъ, если тѣло ослабѣло, то лучи безсильно опускаются, жизненный вихрь не производитъ болѣе

*) Ихъ можно видѣть очень ясно на пластинкахъ экспериментаторовъ, которые за послѣдніе годы пробовали фотографировать жизненный токъ, излучающійся изъ рукъ: д-ръ Барадюкъ, комендантъ Теградъ, и въ особенности Іодко. Я прибавлю, что теософическое ученіе объ аурѣ здоровья было извѣстно задолго до этихъ научныхъ открытій.

**) Опасные потому, что они невидимы и ускользаютъ отъ нашихъ микроскопическихъ изслѣдованій.

дѣйствія центробѣжной силы и зародыши болѣзни проникаютъ въ организмъ.

Еще прибавлю одно слово о физическомъ тѣлѣ: оно заключаетъ въ себѣ извѣстное количество центровъ—центровъ нервныхъ, которые соотвѣтствуютъ аналогичнымъ центрамъ, расположеннымъ въ тѣлахъ высшихъ, о которыхъ скажу черезъ минуту, такимъ образомъ, что способности этихъ высшихъ тѣлъ—душевное волненіе, мысль, любовь, воля—могутъ проявляться въ видимомъ тѣлѣ.

Человѣкъ уже обладаетъ пятью чувствами; два еще разовьются. Изъ нихъ шестымъ будетъ зрѣніе, проникающее сквозь тѣла, которое уже было констатировано медициной въ Америкѣ; одинъ ребенокъ обладалъ даромъ успѣшно замѣнять Рентгеновскіе лучи своимъ зрѣніемъ и производилъ не мало медицинскихъ діагнозовъ; но было замѣчено, что подобныя упражненія очень его утомляли, почему явилось необходимымъ сократить эти пробы до двухъ разъ въ недѣлю. Нервная система современнаго человѣка не такъ еще тонка, чтобы имѣть возможность безъ утомленія выносить такія энергичныя вибраціи. Это шестое чувство имѣетъ своимъ орудіемъ опредѣленный органъ нервной системы, который не слѣдуетъ называть, потому-что опасно его пробуждать въ настоящей стадіи развитія.

Седьмое чувство зависитъ отъ другого нервнаго центра, служащаго ему орудіемъ и которое тоже еще несвоевременно назвать, по той же, уже приведенной мною только-что, причинѣ. Это чувство (интуиціи)—понятіе трудно опредѣлимое: это есть способность запечатлѣвать въ мозгу значительное количество вибрацій тѣла мысли, т. е. мыслей ментальнаго тѣла. Въ обыденномъ состояніи мозгъ получаетъ только самыя простыя мысленныя вибраціи и вслѣдствіе этого можетъ проявлять только очень ограниченное сознаніе; съ развитіемъ же центра седьмого чувства, мозгъ пріобрѣтаетъ способность получать гораздо большее число мысленныхъ вибрацій, и тогда духовныя способности необыкновенно увеличатся.

Современемъ эволюція совершитъ и этотъ прогрессъ, какъ и всѣ прочіе.

Первое изъ невидимыхъ тѣлъ человѣка носитъ различныя наименованія. На Западѣ часто его называютъ тѣломъ астральнымъ—названіе очень неподходящее, хотя оно и имѣетъ нѣкоторое основаніе: дѣйствительно, взору ясновидящихъ оно представляется свѣтящимся, и въ сравненіи съ тѣломъ физическимъ.

пожалуй, оно и можетъ, отчасти, напоминать свѣтъ небеснаго свѣтила. Въ средніе вѣка его называли тѣломъ звѣзднымъ, потому-что, по астрологіи, небесныя свѣтила именно на него оказываютъ свое дурное или хорошее вліяніе.

Въ Индіи его называютъ *Кама*; это слово санскритское и означаетъ страсть; дѣйствительно, это тѣло служитъ проводникомъ ощущенія и отъ него исходятъ желанія и страсти—все то, что относится къ этой области; вотъ почему въ Теософіи оно часто называется *тѣломъ желаній*.

Ему присваиваютъ еще наименованіе *животной души*, такъ какъ оно центръ жизненной дѣятельности животныхъ, а также психическаго тѣла, потому-что для настоящаго человѣчества оно прямое орудіе, необходимый сотоварищъ человѣка или скорѣе его мысленнаго тѣла.

Самымъ подходящимъ названіемъ его было-бы, пожалуй, *тѣло ощущеній*.

Оно разлито во всемъ человѣческомъ тѣлѣ и излучается изъ него, образуя вокругъ овоидную свѣтящуюся форму, которая простирается во всѣхъ направленіяхъ на разстояніи около 1 метра. Излученіе это свѣтящееся и голубоватаго оттѣнка; по словамъ посвященныхъ ясновидящихъ, всякое волненіе, всякое ощущеніе, всякая страсть и мысль отпечатлѣваются на его свѣтломъ фонѣ, какъ молнія специальной формы и цвѣта. Вообще же голубой цвѣтъ означаетъ религіозность, желтый—разумъ, розовый—любовь, свѣтло-красный—гнѣвъ, темно-красный—животныя страсти.

Это тѣло ощущеній обладаетъ центрами жизни — специальными центрами силы. Каждый изъ нихъ соотвѣтствуетъ одному изъ чувствъ и живитъ собой отдѣльную часть астральной матеріи, разлитой во всемъ существѣ такимъ образомъ, что чувства не являются сосредоточенными въ этихъ центрахъ, но могутъ быть проявляемы всѣми частями астральнаго тѣла, что и объясняетъ, почему нѣкоторые субъекты видятъ, читаютъ и слышатъ ногами, руками, лбомъ или подъ ложечкой.

Центры жизни астральнаго тѣла расположены соотвѣтственно главнымъ центрамъ физической нервной системы; четыре изъ нихъ находятся вдоль спинного хребта и три въ головномъ мозгу (мозгу и можжечкѣ); я упоминаю только о главныхъ. Я сказалъ вамъ, что ощущеніе не есть особенность нервной клѣточки, но астральнаго вещества, и это фактъ, несмотря на то, что его трудно доказать; наука въ свое время его откроетъ, по всей вѣроятности

скоро, или, вѣрнѣе, она не будетъ въ состояніи инымъ образомъ объяснять ощущенія; и точно такъ же, какъ она вынуждена была, логической необходимостью, допустить эфиръ, признаваемый физикой древнихъ, такъ точно прибѣгнетъ она и къ гипотезѣ существованія особой субстанціи, сверхфизической, для объясненія происхожденія чувствованій. Человѣкъ развоплотившійся — умершій, какъ ошибочно выражаются—продолжаетъ жить астральнымъ тѣломъ въ астральномъ мірѣ — это то, что индусы называютъ *Кама-лóка* (жилище тѣла желаній), греки—*Гадéсъ*, католики—*Чистилище*. Очистительная жизнь тянется тѣмъ долѣе, чѣмъ астральное тѣло крѣпче и грубѣе. Тѣ, которые жили чувственной жизнью, и жизненностью сильно насытили тѣло страстей, страдаютъ, потому что, не имѣя болѣе физическаго тѣла, не могутъ уже удовлетворять своихъ желаній: это и было символизировано „огнемъ" чистилища, муками Тантала, скалой Сизифа и т. д. Когда же энергія астральнаго тѣла настолько убавится, что дѣятельность центровъ страстей должна прекратиться, оно распадается, умираетъ— и человѣкъ, облеченный уже въ третье тѣло—*тѣло мысленное*, попадаетъ въ міръ ментальный—небо (въ индусской терминологіи девакана).

Это третье тѣло — тѣло мысли — состоитъ изъ еще болѣе тонкой матеріи; его спеціальный атрибутъ—мысль. Форма его, какъ и астральнаго тѣла, овоидная; излученіе его тѣмъ большаго объема, чѣмъ мысленное развитіе субъекта обширнѣе; цвѣта́ его и его свѣченіе прекрасны. По словамъ посвященныхъ, оно представляетъ собой двѣ особыя величины: одна изъ нихъ—меньшая— есть та, о которой я только-что говорилъ, другая же, совершая эволюцію, можетъ достичь до необычайныхъ размѣровъ. Первая изъ нихъ, собственно говоря, называется тѣломъ ментальнымъ, а вторая *тѣломъ причинности* (causal).

Тѣло мысли проявляетъ своими вибраціями конкретную мысль, т. е. мысль, имѣющую, такъ сказать, форму, тѣло же причинности — мысль отвлеченную (абстрактную). Тѣхъ, которые не знакомы съ философіей, довольно трудно заставить хорошо понять различіе между этими двумя порядками мыслей. Мысль абстрактная—это какъ бы зародышъ, который способенъ порождать большое количество мыслей конкретныхъ. Напримѣръ, абстрактная мысль красоты представляетъ собой корень всѣхъ видовъ красоты — всѣхъ прекрасныхъ вещей. Можно вылить въ форму мысль о красивомъ цвѣткѣ, но невозможно оформить абстрактную мысль красоты. Мысль абстрактная есть нѣчто синтетическое,

мысль конкретная—нѣчто аналитическое: красота только одна, а прекрасныхъ вещей существуютъ милліоны.

Тѣло причинности есть производитель абстрактной мысли, даже болѣе того—оно есть вмѣстилище всѣхъ причинъ, создаваемыхъ человѣкомъ по пути эволюціи. Причины эти изображены въ высшей ментальной субстанціи—субстанціи тѣла причинности вибраціонными оттисками, выражающимися малыми скопленіями субстанціи. Оттиски эти, рано или поздно, въ одномъ или другомъ воплощеніи, проявятъ себя, и такимъ образомъ человѣкъ пожнетъ плоды посѣяннаго имъ.

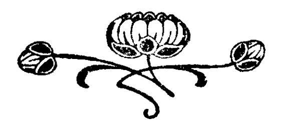
За жизнью въ Чистилищѣ человѣкъ пробуждается въ мірѣ мысленномъ — мірѣ, соотвѣтствующемъ тѣлу, въ которое онъ тогда облеченъ: это Девакана буддистовъ, Сварга индусовъ, Аменти египтянъ, Елисейскія поля грековъ, Небо христіанъ. Небо это продолжается, пока существуетъ тѣло мысли, которое тѣмъ долѣе сохраняется, чѣмъ болѣе въ немъ дѣятельныхъ центровъ жизни и чѣмъ матерія его утонченнѣе. Чѣмъ благороднѣе и сильнѣе мыслилъ человѣкъ во время своего воплощенія, чѣмъ болѣе помыслы его были спутниками и пособниками его сердца, тѣмъ долѣе и прекраснѣе его пребываніе въ раю; тѣ же мысли его, которыя отдавалъ онъ страстямъ или чувственности своего астральнаго тѣла, остаются и послѣ смерти связанными съ этимъ тѣломъ и составляютъ часть чистилищной жизни. Итакъ небо создается жизнью, проведенной въ физическомъ мірѣ, и религіи правильно утверждаютъ, говоря, что на небѣ тѣмъ больше наслажденія, чѣмъ заслуги выше. Но Теософія отличается отъ христіанства, которое учитъ, что рай вѣченъ, она же говоритъ, что посмертныя состоянія управляются законами справедливости и что пребываніе въ раю временно, такъ же какъ и пребываніе въ мѣстѣ очищенія—въ аду, какъ его называютъ, ибо ни единый человѣкъ не можетъ заслужить ни вѣчнаго рая, ни вѣчнаго ада: какъ существо конечное, онъ не можетъ создавать вѣчности добра или зла.

Когда тѣло мысли уничтожено, человѣкъ остается облеченнымъ тѣломъ причинности, и тогда онъ болѣе или менѣе сознателенъ, смотря по степени его развитія; часто находится онъ, временно, въ усыпленіи—обыкновенно короткомъ—усыпленіи возстановляющемъ; вслѣдъ за этимъ божественный Законъ пробуждаетъ къ дѣятельности заложенные въ его тѣлѣ причинности зародыши, и новыя тѣла получаютъ свое развитіе до новаго воплощенія—новаго пребыванія на землѣ. Вотъ нормальныя тѣла человѣка въ его настоящей стадіи развитія. Есть еще и другія тѣла,

которыя онъ позднѣе будетъ развивать, и они уже существуютъ въ зачаточномъ состояніи; я ограничусь только указаніемъ, что первое изъ нихъ будетъ проявлять чистѣйшую любовь, второе служить совершеннымъ органомъ воли; о другихъ же пока мы ничего еще не знаемъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Перев. **М. Карель.**

Изучай сердце людей, чтобы познать тотъ міръ, въ которомъ ты живешь какъ часть цѣлаго. Вглядывайся въ неустанно мѣняющуюся и волнующуюся жизнь вокругъ тебя, ибо жизнь эту составляютъ сердца человѣческія. И по мѣрѣ того, какъ ты будешь понимать ихъ значеніе, ты научишься читать и великое слово Жизни.

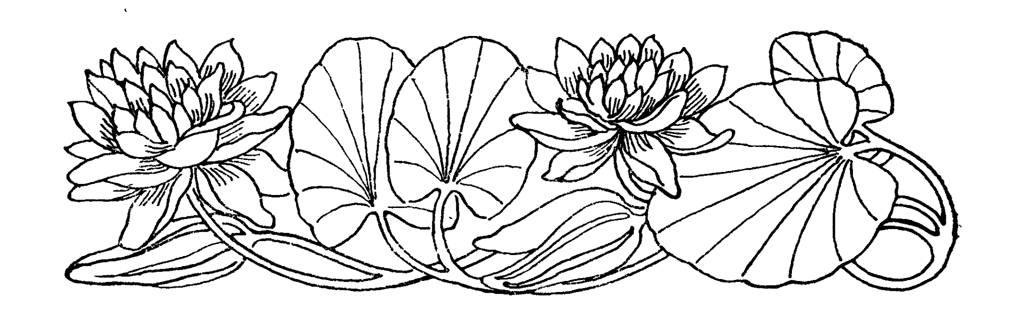
„Свѣтъ на Пути".

* * *

Вырастай, какъ растетъ цвѣтокъ, безсознательно, но съ горячимъ желаніемъ раскрыть свою душу небесамъ. *Такъ* нужно стремиться впередъ, чтобы раскрыть свою душу для Вѣчнаго. Вѣчное должно развернуть твои силы и красоту, а не желаніе роста. Въ первомъ случаѣ ты будешь развиваться въ преизбыткѣ чистоты; во второмъ силы твои будутъ скованы могучей страстью къ личному росту.

„Свѣтъ на Пути".

* * *

Древняя Мудрость.

А. Безантъ.

ВВЕДЕНІЕ.

*(Продолженіе *).*

Въ экзотерическихъ еврейскихъ Писаніяхъ идея Троицы выступаетъ неясно, зато Двойственность совершенно очевидна, и Богъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ этихъ писаніяхъ являетъ собою проявленнаго Логоса, а не Единое Непроявленное.

Я Господь и нѣтъ иного. Я образую Свѣтъ и творю тьму: дѣлаю миръ и произвожу бѣдствія; Я, Господь, дѣлаю все это (Ис. XLV, 6,7).

Но у Филона ученіе о Логосѣ является уже вполнѣ опредѣленно, и оно же находится въ четвертомъ Евангеліи:

Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Богъ... Все черезъ Него начало быть и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть (Ев. Іоанна, I, 1, 3).

Въ Каббалѣ ученіе объ Одномъ, Трехъ, Семи, а затѣмъ и о многихъ излагается совершенно ясно:

Древнѣйшее изъ Древнѣйшихъ, Непознаваемое изъ Непознаваемыхъ, имѣетъ форму и въ то же время не имѣетъ формы. Оно имѣетъ форму, посредствомъ которой сохраняется вселенная. И въ то же время оно не имѣетъ формы, такъ какъ не можетъ быть постигнуто. Когда Оно впервые облеклось въ эту форму (Кетеръ, Корона, Первый Логосъ) Оно произвело изъ себя девять блистающихъ Свѣтовъ (Мудрость и Голосъ, образующіе совмѣстно съ Кетеръ Троицу, и затѣмъ семь низшихъ Сефиротовъ)... То Древнѣйшее изъ Древнѣйшихъ, Тайна изъ

---

*) См. № 1, стр. 35.

Тайнъ, Непознаваемое среди Непознаваемыхъ. Оно имѣетъ форму, которая присуща Ему, ибо Оно является (черезъ нее) намъ какъ Древній Человѣкъ, все превышающій, какъ Древнѣйшее изъ Древнѣйшихъ и какъ наиболѣе Непознаваемое изъ Непознаваемаго. Но и подъ той формой, посредствомъ которой Оно дѣлаетъ себя познаваемымъ, Оно все же остается Непознаваемымъ (Isaac Myer's Qabbalah, from the, Zohar pp. 274, 275).

Майеръ указываетъ, что „форма" не „есть Древнѣйшее изъ *Всѣхъ* Древнѣйшихъ, которое есть Аинъ-Софъ (Ain-Soph)".

И еще:

Три Свѣта свѣтятъ въ Святомъ Вышнемъ, которые соединяются въ Одно; и они основа Торы, а Тора открываетъ дверь всѣмъ... Придите и видьте Тайну Слова! То—три ступени и каждая существуетъ сама по себѣ, и все же всѣ онѣ Одно и всѣ связаны въ Одномъ, и не отдѣлимы онѣ одна отъ другой...

Три исходятъ изъ Одного, Одинъ существуетъ въ Трехъ, то—сила, сущая между Двумя, Двое питаютъ Одно, Одно питаетъ (всѣ вещи) со всѣхъ сторонъ, такимъ образомъ Все есть Одно (Тамъ же 373, 375, 376).

Излишне упоминать, что Евреи признавали ученіе о многихъ Богахъ. „Кто какъ Ты, Господи, между Богами?" (Исходъ XV, 11). Также признавались ими множество подчиненныхъ слугъ Божіихъ, „Сыновъ Божіихъ", „Ангеловъ Господнихъ", „Десять Ангельскихъ Воинствъ."

О возникновеніи вселенной Захаръ учитъ:

Въ началѣ была Воля Царя, предшествующая всякому существованію, которое перешло въ бытіе черезъ эманацію изъ этой Воли. Она начертала и запечатлѣла формы всѣхъ вещей, которыя долженствовали проявиться изъ скрытаго вида въ явный, въ вышнемъ ослѣпительномъ свѣтѣ Квадранта (священный Тетрактисъ) Myer's Qabbalah, pp. 194, 195.

Не существуетъ ничего, въ чемъ бы Божество не было имманентно; относительно Перевоплощенія еврейское ученіе состоитъ въ томъ, что Душа пребываетъ въ божественной Идеѣ до появленія своего на землѣ; если Душа останется совершенно чистой во время своего испытанія, она можетъ избѣгнуть новаго рожденія, но послѣднее является, повидимому, только теоретической возможностью, такъ какъ сказано:

Всѣ души подлежатъ круговороту (метампсихозъ, a'leen b'gilgoolah), но люди не знаютъ путей Святого Единаго, да будетъ Онъ благосло-

венъ!.. Имъ неизвѣстно, какимъ судомъ они были судимы во всѣ времена и до появленія своего въ этомъ мірѣ и послѣ того, какъ они покинутъ его (Тамъ же, стр. 198).

Слѣды вѣрованія въ перевоплощеніе встрѣчаются одинаково и въ Еврейскихъ и въ Христіанскихъ экзотерическихъ Писаніяхъ, примѣромъ чего можетъ служить утвержденіе, что Илья долженъ вернуться на землю, и что онъ вернулся въ лицѣ Іоанна Предтечи.

Если мы обратимся къ Египту, мы найдемъ тамъ въ самой сѣдой древности прославленную Троицу: Ра, Озирисъ-Изисъ, какъ двойственный Второй Логосъ, и Горусъ. Величественный Гимнъ къ Амону-Ра гласитъ:

Боги преклоняются передъ Твоимъ Величіемъ, вознося Души Того, Что произвело ихъ... и говорятъ Тебѣ: Миръ всѣмъ эманаціямъ безсознательнаго Отца сознательныхъ Отцовъ всѣхъ Боговъ... Ты—Производящій существа, мы обожаемъ Души, которыя изошли отъ Тебя. Ты производишь насъ, о Неизвѣданный, и мы привѣтствуемъ Тебя, поклоняясь каждой Бого-Душѣ, которая спускается отъ Тебя и живетъ въ насъ (приводится въ Тайной Доктринѣ Secret Doctrine, 3-й т., стр. 486).

„Сознательные Отцы Боговъ“—Логосы; „безсознательный Отецъ“—Первопричина, Единое Бытіе, безсознательное въ томъ смыслѣ, что сознаніе Его безгранично превышаетъ ту ограниченность, которую мы называемъ сознаніемъ.

Въ отрывкахъ „*Книги Мертвыхъ*“ мы узнаемъ идеи древняго Египта относительно перевоплощенія человѣческой Души, ея странствія и ея окончательнаго соединенія съ Логосомъ. Знаменитый папирусъ „писца Ани, торжествующаго въ мірѣ“, полонъ чертъ, напоминающихъ читателю Св. Писанія другихъ религій, его путешествіе по преисподней, его ожиданія новаго вхожденія въ свое тѣло (въ форму, принимаемую перевоплощающимся въ Египтѣ) и, наконецъ, его отождествленіе съ Логосомъ:

Сказалъ Озирисъ Ани: я есмь Великій Единый, сынъ Великаго Единаго; я есмь Огонь, сынъ Огня!..

Я снова соединилъ свои кости, Я сдѣлался цѣльнымъ и здоровымъ, Я сталъ вновь молодымъ; Я—Озирисъ, Господь Вѣчности (XL111, 1, 4).

Въ передачѣ „Книги Мертвыхъ“ Пьерретомъ, мы находимъ поразительное мѣсто:

Я есмь Существо съ таинственными именами, готовящее себѣ жилища на милліоны лѣтъ (стр. 22). Сердце, которое переходитъ ко

мнѣ отъ моей матери, мое сердце, необходимое для моего существованія на землѣ... Сердце, переходящее ко мнѣ отъ моей матери, сердце, необходимое мнѣ для моего превращенія (стр. 113, 114).

Въ религіи Зороастра мы находимъ идею Единаго Бытія, изображаемую какъ Безпредѣльное Пространство, изъ котораго возникаетъ Логосъ, Творецъ Ахурамазда:

Высочайшій во всевѣдѣніи и въ добрѣ, не имѣющій равныхъ въ великолѣпіи: область Свѣта есть обитель Ахурамазды (свящ. книги Востока The Bundahis V. 3, 4, V. 2).

Въ „Іасна", главной Литургіи Заратустріанъ, дань благоговѣнія отдается прежде всего Логосу:

Провозглашаю и совершаю мою [мою асну (богослуженіе)] Ахурамазду, Создателю, блистающему и преславному, величайшему и лучшему, наиболѣе прекрасному (по нашимъ понятіямъ), наиболѣе твердому, мудрѣйшему и одному изъ всѣхъ, тѣло котораго совершенно, который достигаетъ своихъ цѣлей безошибочно, благодаря Своему праведному порядку, Ему, который склоняетъ нашъ умъ къ хорошему, который излучаетъ Свою радость—творящую Милость въ даль; кто сдѣлалъ насъ и далъ намъ форму, и кто питалъ и защищалъ насъ, кто есть наиболѣе благій Духъ (Sacred Books of the East XXXI, pp. 195, 196).

Затѣмъ вѣрующіе поклоняются Амешаспендамъ и другимъ Богамъ, но высочайшій, проявленный Богъ, Логосъ, не является здѣсь тріипостаснымъ. Какъ у Евреевъ, такъ и въ религіи Зороастра, въ экзотерическихъ ученіяхъ эта основная истина утерялась современемъ. Къ счастью, есть возможность прослѣдить первобытное ученіе, исчезнувшее въ позднѣйшій періодъ изъ народныхъ вѣрованій. Д-ръ Гаугъ въ своей книгѣ „Essays on the Parsis" (переведенной д-ромъ Уэстъ и помѣщенной въ 5-мъ томѣ Oriental Series Trübner'a) устанавливаетъ, что Ахурамазда (Aûharmazd или Hôrmazd) есть Высочайшая Сущность и что изъ Нея исходили:

Двѣ первопричины, которыя, хотя и отличныя одна отъ другой, соединились и произвели міръ матеріальныхъ явленій, такъ же какъ и міръ духовный (стр. 303).

Онѣ назывались „Близнецами", и ихъ присутствіе признается повсюду, какъ въ Ахурамаздѣ, такъ и въ человѣкѣ. Одна вызываетъ реальность, другая—нереальность, и именно изъ нихъ—въ позднѣйшемъ Зороастріанствѣ — выработались противоположныя Начала добра и зла. Въ древнѣйшихъ ученіяхъ онѣ несомнѣнно выражали собою Второго Логоса, такъ какъ двойственность является его отличительнымъ признакомъ вездѣ. „Добро" и „Зло"

являетъ собою лишь Свѣтъ и Тьму, Духъ и Матерію, основную „пару противоположностей“ Вселенной, Два, исходящіе изъ Одного.

Разбирая послѣднюю идею, д-ръ Гаугъ говоритъ:

Таково первичное Зороастріанское представленіе о творческихъ Духахъ, которые образуютъ лишь двѣ стороны единой Божественной Сущности. Но съ теченіемъ времени эта доктрина великаго основателя религіи была измѣнена и искажена вслѣдствіе недоразумѣній и невѣрныхъ толкованій. Spentômainyush („добрый духъ“) былъ принятъ за имя Самого Ахурамазды, а затѣмъ Angrômainyush („злой духъ“), отдѣленный окончательно отъ Ахурамазды, сталъ разсматриваться какъ постоянный противникъ Ахурамазды; такъ возникъ Дуализмъ Бога и Дьявола (стр. 205).

Воззрѣніе д-ра Гауга находитъ поддержку въ *Gâtha Ahunavaiti*, которая была передана, по преданію, „Архангелами“ вмѣстѣ съ другими Гатами—Зороастру:

Вначалѣ существовала пара Близнецовъ, два духа, каждый изъ нихъ проявлялъ особую дѣятельность, именно: добрую и злую... И эти два Духа, соединившись, создали первое (матеріальную вещественность); одинъ—реальность, другой—нереальность,

...И чтобы споспѣшествовать этой жизни (чтобы увеличить ее) Armaiti появилась со своими богатствами, съ Разумомъ добрымъ и истиннымъ; она, вѣчно сущая, создала матеріальный міръ.., Всѣ совершенныя вещи, которыя извѣстны какъ лучшія изъ существъ, собраны въ великолѣпной обители Добраго Разума, Мудраго и Праведнаго (Iasna XXX 3, 4, 7, 10. De Haug's Transl. pp. 149—151).

Здѣсь ясно различимы три Логоса, Ахурамазда—первое начало—верховная жизнь; въ Немъ и черезъ Него „Близнецы“ или Второй Логосъ; затѣмъ Армаити, Разумъ, Творецъ Вселенной, Третій Логосъ *). Позднѣе появляется Митра и въ экзотерической вѣрѣ затемняетъ до нѣкоторой степени первичную истину; о Немъ говорится:

Кого Ахурамазда утвердилъ дабы соблюдать движущійся міръ и заботиться о немъ; Кто, никогда не засыпающій, всегда бодрствующій, охраняетъ твореніе Ахурамазды (Mihir Iast XXV 1, 103; Sacred Books of the East. XV111).

Митра былъ подчиненный Богъ, Свѣтъ Небесный, какъ Варуна былъ самимъ Небомъ, однимъ изъ великихъ правящихъ Духовъ. Высочайшіе изъ этихъ правящихъ Духовъ были шесть

*) Армаити была вначалѣ Богиней Мудрости. Позднѣе, какъ Творческое Начало, Она была отождествляема съ землей и обоготворяема какъ Богиня Земли.

Амешаспендовъ, главою которыхъ считался Вохуманъ (Vohûman), Добрая Мысль Ахурамазды,

Которые управляли всѣмъ матеріальнымъ твореніемъ (Sacred Books of the East V, p. 10, note).

Ученіе о перевоплощеніи не встрѣчается въ доселѣ переведенныхъ книгахъ, и оно не распространено среди современныхъ Парсовъ. Но мы находимъ тамъ идею Духа, заключеннаго въ Человѣкѣ, подобнаго искрѣ, которая долженствуетъ превратиться въ пламя и соединиться съ Верховнымъ Огнемъ, что̀ предполагаетъ развитіе, для чего необходимо перевоплощеніе. И вообще религія Зороастра не можетъ быть понята, пока не будутъ возстановлены „*Халдейскіе Оракулы*" и примыкающія къ нимъ писанія, ибо въ нихъ заключается истинный корень этой религіи.

Направляясь къ Западу въ Грецію, мы встрѣчаемся съ Орфической системой, описанной съ такой глубокой ученостью Дж. Мидомъ въ его произведеніи *Орфей*. „Неисповѣдимая, Трижды непознаваемая Тьма" была именемъ, даваемымъ Единому Бытію.

Соотвѣтственно теологіи Орфея, всѣ вещи происходятъ изъ необъятнаго Принципа, которому мы рѣшаемся—благодаря ограниченности и бѣдности человѣческаго понятія—давать имя, хотя Онъ совершенно невыразимъ и въ благоговѣйной рѣчи древняго Египта является *трижды непознаваемою Тьмою*, созерцаніе которой способно превратить всякое знаніе въ невѣдѣнье (Thomas Taylar, приводимый въ книгѣ Мида *Orpheus*, p. 93).

Отсюда исходитъ „Первичная Тріада", Міровое Добро, Міровая Душа, Міровой Разумъ, снова та же Божественная Троица. Относительно этой идеи Дж. Мидъ выражается такъ:

Первая Тріада, которая обнаруживается передъ разумомъ, есть лишь отраженіе или замѣститель Того, что не можетъ быть выражено, и ея Vпостаси суть слѣдующія: а) Добро, которое сверхъестественно; б) Душа (Міровая Душа), которая есть самопричинная Сущность, и в) Разумъ; нераздѣлимая, непреложная Сущность (тамъ же, p. 94).

Послѣ первой является рядъ постепенно спускающихся Тріадъ, которыя обладаютъ свойствами первой, но сліяніе этихъ свойствъ уменьшается все болѣе, пока не достигнетъ человѣка,

Заключаетъ въ себѣ потенціально сумму и субстанцію вселенной.,. „Раса людей и боговъ одна и та же" (слова Пиндара, который былъ Пиѳагорейцемъ, приводимыя Св. Климентомъ Strom. V, p. 709)... Поэтому человѣкъ получилъ названіе *микрокосма*, или малой вселенной, въ отличіе отъ макрокосма, великой вселенной (тамъ же, p. 271).

Человѣкъ обладаетъ νοῦς (Nous), или реальнымъ разумомъ, λόγος (Logos) или раціональной частью, и ἄλογος (Alogos), или ирраціональной частью; двѣ послѣднія являютъ, каждая, новую Тріаду, образуя, такимъ образомъ, болѣе разработанное седьмиричное подраздѣленіе. По этому воззрѣнію человѣкъ обладаетъ тремя тѣлами или проводниками, физическимъ тонкимъ и свѣтящимся тѣломъ, или αὐγοειδής (augoeïdes), который и

Есть „тѣло причинности" *) или кармическая одежда души, въ которой вся ея судьба собрана, или иначе: всѣ сѣмена всей причинности прошлаго. Это и есть „нить—душа", какъ ее иногда называютъ, „тѣло", переходящее изъ одного воплощенія въ другое (тамъ же, p. 284).

Относительно перевоплощенія:

Вмѣстѣ со всѣми послѣдователями Мистерій всѣхъ странъ Орфики вѣрили въ перевоплощеніе (тамъ же, p. 292).

Въ подтвержденіе этого Дж. Мидъ даетъ обильныя свидѣтельства и доказываетъ, что перевоплощенію учили Платонъ, Эмпедоклъ, Пиѳагоръ и другіе. Лишь путемъ праведной жизни могутъ люди избѣжать *колеса рожденій.*

Тайлоръ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ *Избраннымъ Произведеніямъ Плотина*, приводитъ слова Дамаскина относительно ученій Платона о Единомъ, превышающемъ Логоса, о Непроявленномъ Бытіи:

Возможно, что Платонъ въ самомъ дѣлѣ ведетъ насъ неисповѣдимымъ образомъ черезъ *Одно*, какъ черезъ посредствующее къ Неизрѣченному, пребывающему надъ Однимъ, о которомъ идетъ рѣчь, и это совершается посредствомъ жертвоприношенія *Одного* такъ же, какъ онъ ведетъ къ *Одному* жертвоприношеніемъ другихъ вещей... То, что находится по ту сторону *Одного*, должно быть почитаемо въ совершенномъ безмолвіи... *Единый* въ самомъ дѣлѣ хочетъ существовать Самъ по себѣ безъ всякаго другого; но *Неизвѣстное* по ту сторону *Одного* совершенно неизрѣченно, и мы свидѣтельствуемъ, что ни знать его, ни не знать его мы не можемъ, и что оно закрыто отъ насъ *сверхневѣдѣньемъ*. Отсюда, благодаря близости къ послѣднему, и Одно затемняется:, ибо, будучи поблизости необъятнаго Принципа, если позволительно такъ выразиться, Оно какъ бы пребываетъ въ святилищѣ этого поистинѣ мистическаго Безмолвія... Принципъ этотъ находится надъ Единымъ и надъ всякой вещественностью, будучи болѣе простымъ, чѣмъ они (pp. 341—343).

*) Causal body, corps causal.

Школы Пиѳагорейскія, Платоническія и Неоплатоническія имѣютъ столько точекъ соприкосновенія съ индусской и буддистской мыслью, что ихъ происхожденіе изъ одного и того же источника совершенно очевидно. Р. Грабе въ своемъ трудѣ *Die Sâmkhya Philosophie* (III pp. 85 до 105) указываетъ многія изъ этихъ точекъ соприкосновенія, и его выводы могутъ быть сокращенно выражены такъ:

Наиболѣе поразительно сходство или вѣрнѣе тождество ученія объ Одномъ и объ Единомъ въ Упанишадахъ и въ Элейской школѣ. Ученіе Ксенофана относительно единства Бога и Космоса и неизмѣнности Одного, и еще болѣе ученіе Парменида, который признавалъ, что реальность можетъ быть приписываема лишь Одному нерожденному, нерушимому и вездѣсущему, тогда какъ все разнородное и подлежащее измѣненію есть лишь видимость; и далѣе: что Быть и Мыслить—одно и то же; всѣ эти доктрины вполнѣ тождественны въ существенныхъ чертахъ съ содержаніемъ Упанишадъ и Ведантской философіи, которая произошла изъ нихъ. И еще болѣе раннее представленіе Ѳалеса о томъ, что все существующее произошло отъ Воды, вполнѣ сходно съ Ведической доктриной о возникновеніи Вселенной изъ первозданныхъ водъ. Позднѣе Анаксимандръ принялъ за основу (ἀρχή) всѣхъ вещей вѣчную, безконечную, неподлежащую опредѣленію Субстанцію, изъ которой произошли всѣ опредѣленныя субстанціи и въ которую онѣ возвращаются. Эта гипотеза вполнѣ тождественна съ утвержденіемъ, на которомъ основана вся Санкія *), что изъ Пракрити **) развивается вся матеріальная сторона вселенной. И знаменитое изрѣченіе: πάντα ῥεῖ выражаетъ присущій Санкіа взглядъ на то, что всѣ вещи вѣчно мѣняются подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ трехъ „gunas" ***). Эмпедоклъ, съ своей стороны, училъ о переселеніи душъ и эволюціи, въ чемъ, съ одной стороны, совпадалъ съ философіей Санкіа, теорія же его относительно того, что ничто не можетъ имѣть бытія, что ранѣе уже не существовало, соотвѣтствуетъ еще ближе ученію Санкіа.

---

*) Sânkhya—одна изъ шести философскихъ системъ Индусской религіозной мысли. *(Прим. перев.).*

**) Prakriti первозданная матерія, еще не вышедшая изъ безразличнаго равновѣсія. *(Прим. перев.).*

***) Gunas—три свойства космической матеріи: инерція, энергія и ритмъ; пока эти свойства въ полномъ равновѣсіи, до тѣхъ поръ матерія *не* можетъ служить проводникомъ для жизни, но лишь только равновѣсіе нарушено, наступаетъ творчество, возникаетъ проявленная Вселенная. *(Прим. перев.).*

Анаксагоръ и Демокритъ примыкаютъ въ своихъ ученіяхъ такъ же близко къ Индусской религіозной мысли, особенно же воззрѣніе Демокрита на природу и на роль Боговъ. То же самое можно сказать и относительно Эпикура, познакомившись съ нѣкоторыми любопытными подробностями его ученія. Но наиболѣе близкое и частое совпаденіе съ Индусскими ученіями и аргументаціями встрѣчается все же у Пиѳагора, что объясняется тѣмъ, что Пиѳагоръ посѣщалъ Индію и изучалъ индусскую философію, какъ утверждаетъ преданіе.

Въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ мы находимъ, что нѣкоторыя изъ Браманистскихъ (философія Санкіа) и Буддистскихъ идей играли выдающуюся роль въ мысли Гностиковъ. Слѣдующая выдержка изъ Лассена, приводимая Гарбе на стр. 97 *), доказываетъ это съ полной опредѣленностью:

Буддизмъ въ общемъ дѣлаетъ ясное различіе между Духомъ и Свѣтомъ и не смотритъ на послѣдній какъ на нѣчто *не* матеріальное; точка зрѣнія Буддизма на Свѣтъ тѣсно соприкасается со взглядомъ Гностиковъ. По этому взгляду Свѣтъ есть проявленіе Духа въ матеріи; разумъ, облекающійся въ Свѣтъ, приходитъ въ соприкосновеніе съ матеріей, въ которой свѣтъ можетъ уменьшаться, а подъ конецъ и совсѣмъ затемниться; въ послѣднемъ случаѣ Разумъ можетъ впасть даже въ полную безсознательность. О высочайшемъ Разумѣ утверждается, что Онъ не Свѣтъ и не Несвѣтъ, не Тьма и не Нетьма, такъ какъ всѣ эти выраженія указываютъ на отношенія Разума къ Свѣту, которыхъ вначалѣ совсѣмъ не было; лишь позднѣе свѣтъ сталъ облекать собою Разумъ и сдѣлался посредникомъ между Нимъ и матеріей. Отсюда слѣдуетъ, что буддистская точка зрѣнія приписываетъ высочайшему Разуму силу производить Свѣтъ изъ себя и въ этомъ отношеніи она снова согласуется съ ученіями Гностиковъ.

Гарбе указываетъ, что согласіе по поводу этого вопроса между Гностиками и Санкіа много тѣснѣе, чѣмъ между первыми и Буддизмомъ, ибо въ то время, какъ упомянутый взглядъ на соотношеніе между Свѣтомъ и Духомъ принадлежитъ позднѣйшему періоду Буддизма и вовсе не характеренъ для Буддизма какъ таковаго, Санкіа учитъ ясно и точно, что Духъ *есть* Свѣтъ. Еще позднѣе вліяніе мысли Санкіа ясно отразилось въ ученіяхъ Неоплатониковъ; хотя доктрина о Логосѣ или Словѣ и не исходитъ непосредственно изъ школы Санкіа, тѣмъ не менѣе она указываетъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ на происхожденіе свое изъ древней

*) Die Sânkhya Philosophie

Индіи, гдѣ идея *Vâch*, Божественное Слово, играетъ такую выдающуюся роль въ системѣ Браманизма.

Переходя къ Христіанской религіи, одновременной съ системами Гностиковъ и Неоплатониковъ, можно безъ труда прослѣдить большинство тѣхъ же самыхъ основныхъ ученій. Тройной Логосъ, Логосъ является въ Христіанствѣ подъ видомъ Троицы; Первый Логосъ источникъ всякаго Бытія--Богъ Отецъ; двойственный по своей природѣ Второй Логосъ—Сынъ, Бого-Человѣкъ; Третій, Творческій Разумъ—Духъ Святой, воздѣйствіе котораго на воды хаоса вызвало къ жизни видимые міры. Затѣмъ мы имѣемъ семь Духовъ Божіихъ [1]) и небесное Воинство Ангеловъ и Архангеловъ. Объ Единомъ Бытіи, о Первопричинѣ, изъ которой все исходитъ и въ которую все возвращается, имѣется мало указаній; но ученые отцы Католической церкви постоянно упоминаютъ непостижимаго Бога, не подлежащаго опредѣленію, безконечнаго, а слѣдовательно Единаго и Нераздѣльнаго. Человѣкъ сотворенъ по „образу Божію“ [2]) и слѣдовательно троиченъ по своей природѣ: Духъ, Душа и Тѣло [3]); онъ представляетъ собою „жилище Божіе“ [4]), „Храмъ Бога“, „Храмъ Духа Святаго [5]), опредѣленія, которыя точно повторяютъ индусскія ученія. Ученіе о перевоплощеніи въ Новомъ Завѣтѣ является какъ бы признаннымъ фактомъ; такъ, Іисусъ, говоря объ Іоаннѣ Крестителѣ, заявляетъ, что онъ Илія, „которому должно придти“ [6]); Онъ ссылается при этомъ на слова Малахія: „се Я посылаю Ангела моего передъ лицемъ Твоимъ, который приготовитъ путь Твой передъ Тобою“ (Малахія, 3, 1). И далѣе, когда, спрошенный учениками относительно пришествія Иліи ранѣе Мессіи, онъ отвѣчаетъ: „говорю вамъ, что Илія уже пришелъ, и не узнали его“... [7]). И въ другомъ мѣстѣ ученики Христа признаютъ перевоплощеніе за установленный фактъ, когда спрашиваютъ: есть ли слѣпота слѣпорожденнаго наказаніе за его собственные грѣхи? Отвѣтъ Христа не отрицаетъ возможности совершенія грѣховъ *до* рожденія, онъ указываетъ лишь на то, что въ этомъ частномъ случаѣ слѣпота вызвана не грѣхами слѣпорожденнаго [8]). Замѣчательныя слова въ Откровеніи Іоанна (III, 12) „побѣждающаго сдѣ-

[1]) Откров. IV, 5.
[2]) Быт. I, 26, 27.
[3]) Ѳессал. V, 23.
[4]) Ефесс. II, 22.
[5]) 1 Коринѳ. VI, 19.
[6]) Матѳ. XI, 14.
[7]) Матѳ. XVII, 12.
[8]) Іоанна IX, 1—13.

лаю столпомъ въ храмѣ Бога Моего и онъ уже не выйдетъ вонъ", являются указаніемъ на возможность избѣжать перевоплощенія. Изъ писаній Отцовъ Христовой Церкви можно было бы привести не мало указаній на распространенную вѣру въ перевоплощеніе. На это возражаютъ, что въ писаніяхъ этихъ упоминается лишь о предсуществованіи Души, но это возраженіе кажется мнѣ недѣйствительнымъ.

Единство въ области міровой этики не менѣе поразительно, чѣмъ единство представленія о вселенной и тождественность опытныхъ переживаній всѣхъ тѣхъ, которые освобождались изъ оковъ тѣла въ свободу высшихъ міровъ. Фактъ этотъ доказываетъ ясно, что первоначальное ученіе, религіозное и этическое, было въ рукахъ опредѣленныхъ Охранителей, стоявшихъ во главѣ цѣлыхъ школъ, гдѣ ученики изучали ихъ доктрины. Тождественность этихъ школъ и ихъ дисциплинъ становится ясной, когда мы изучаемъ ихъ нравственныя ученія и требованія, предъявлявшіяся къ ученикамъ, а также и тѣ состоянія сознанія и духа, до которыхъ они бывали поднимаемы. Въ *Тао-Тэ-Чингъ* сдѣлано слѣдующее колкое подраздѣленіе различныхъ типовъ ученыхъ:

Ученые высочайшаго класса, когда слышатъ о Тао, серьезно проводятъ свои знанія въ жизнь. Ученые средняго класса, когда слышатъ о Немъ, иногда соблюдаютъ Его, а иногда снова теряютъ Его. Ученые самаго низшаго класса, когда слышатъ о Немъ, лишь громко надъ Нимъ смѣются (Sacred Books of the East XXXIX, op. cit. XLI, 1).

Въ той же книгѣ мы читаемъ:

Мудрецъ ставитъ свою собственную личность на послѣдній планъ, и тѣмъ не менѣе она оказывается на первомъ мѣстѣ; онъ относится къ своей личности какъ бы къ чуждой для него, и тѣмъ не менѣе личность его сохраняется. Не потому ли осуществляются его цѣли, что у него нѣтъ личныхъ и частныхъ цѣлей? (VII, 2). Онъ свободенъ отъ самовыставленія, и поэтому онъ свѣтитъ; отъ самоутвержденія, и поэтому его отличаютъ; отъ самовосхваленія, и поэтому его заслуги бываютъ признаны; отъ самодовольствія, и поэтому онъ пользуется превосходствомъ. И потому, что онъ столь свободенъ отъ всякаго состязанія, никто въ мірѣ не способенъ состязаться съ нимъ (XXii, 2). Нѣтъ большей вины, какъ допускать честолюбіе; нѣтъ бо́льшаго бѣдствія, чѣмъ недовольство своей долей; нѣтъ большей ошибки, чѣмъ желаніе выигрыша (XLVI 2). Съ тѣми, кто добръ ко мнѣ, я добръ, и съ тѣми, кто не добръ (ко мнѣ), я тоже добръ; и такъ всѣ станутъ добрыми. Съ тѣми, кто искрененъ (со мной), я тоже искрененъ, и съ тѣми, кто неискрененъ (со мной), я тоже искрененъ, и такъ (всѣ) станутъ искрен-

ними (XLIX, 1). Тотъ, кто обладаетъ въ изобиліи атрибутами (Тао), подобенъ дитяти. Ядовитыя насѣкомыя не будутъ жалить его, дикіе звѣри не будутъ бросаться на него, хищныя птицы не станутъ поражать его (LV, 1). Я обладаю тремя драгоцѣнными вещами, которыя цѣню высоко и которыя строго храню. Первая: крѣпость; вторая: бережливость; третья: нежеланье главенствовать... Кротость увѣрена, что побѣдитъ даже на полѣ битвы, и твердо устоитъ на занятой позиціи. Небеса спасутъ ея обладателя, Его же (собственной) кротостью оберегая его (LXVII, 2, 4).

У Индусовъ были избранные высокіе духомъ ученые, которые получали особыя наставленія, и имъ Гуру передавали тайныя ученія, тогда какъ общія правила нравственной жизни извлекались изъ „Законовъ" Ману, изъ Упанишадъ, изъ Махабхараты и многихъ другихъ писаній:

Да будетъ рѣчь его правдива, да будетъ она пріятна и да не произноситъ онъ непріятной правды и да не произноситъ онъ пріятной лжи: вотъ вѣчный законъ (Ману IV, 198). Не приноси страданія ни одному существу, да собираетъ онъ духовныя достоинства (IV, 238). Для того дважды рожденнаго человѣка, черезъ котораго не производится даже малѣйшаго вреда кому-либо изъ созданныхъ существъ, не будутъ опасности ни съ одной (стороны) послѣ того, какъ онъ освободится отъ своего тѣла (VI, 40). Да переноситъ онъ терпѣливо жестокія слова, да не оскорбитъ онъ никого, и да не сдѣлается онъ чьимъ-либо врагомъ во имя этого бреннаго тѣла. Передъ разгнѣваннымъ человѣкомъ да не проявитъ онъ гнѣва, и да благословитъ онъ, когда проклинаютъ его (VI, 47, 48). Освободившись отъ страсти, страха и гнѣва, думающіе обо Мнѣ, прибѣгающіе ко Мнѣ, очистившіеся въ огнѣ мудрости, многіе проникали въ Мое Бытіе (Bhagavad Gîta IV, 10). Верховная радость предстоитъ тому Іогу, мысль (Manas) котораго успокоена, страсти котораго утихли, кто безгрѣшенъ и одной природы съ Браман'омъ (VI, 27). Тотъ, кто не питаетъ дурного чувства ни къ единому существу, дружелюбный и сострадательный, безъ привязанностей и эгоизма, уравновѣшенный въ радостяхъ и горестяхъ, всегда прощающій, всегда довольный, всегда гармоничный, я котораго всегда сдержанно, умъ (Manas) и духъ (Buddhi) котораго посвящены Мнѣ, онъ, поклоняющійся Мнѣ, дорогъ для Меня (XII, 13, 14).

Если мы обратимся къ Буддѣ, мы найдемъ Его окруженнымъ Архатами, къ которымъ онъ обращалъ свои тайныя ученія. Съ другой стороны въ его публичныхъ ученіяхъ встрѣчаются такія наставленія:

Серьезностью, добродѣтелью и чистотой мудрый человѣкъ дѣлаетъ изъ себя островъ, который никакимъ наводненіемъ не можетъ быть затопленъ (Udânavarga IV, 5). Мудрый человѣкъ въ этомъ мірѣ держится крѣпко за вѣру и за мудрость, онѣ его величайшія сокровища, онъ отвергаетъ всѣ другія богатства (X, 9). Тотъ, кто испытываетъ дурное чувство къ проявляющимъ дурныя чувства, никогда не можетъ сдѣлаться чистымъ, тотъ же, который никогда не испытываетъ дурного чувства, умиротворяетъ ненавидящихъ; ненависть приноситъ бѣдствіе человѣчеству, поэтому мудрый не знаетъ ненависти (XIII, 12). Побѣждайте гнѣвъ отсутствіемъ гнѣва, побѣждайте зло добромъ; побѣждайте скупость щедростью; побѣждайте неправду правдою (XX, 18).

Религія Зороастра учитъ воздавать хвалу Ахурамаздѣ и затѣмъ:

Все, что прекрасно, все, что чисто, все, что безсмертно и блистательно, все это благо. Благой Духъ мы почитаемъ, благое Царство мы чтимъ и благой Законъ и благую Мудрость (Iasna XXXVII). Да будетъ въ этомъ жилищѣ довольство, благословеніе, безпорочность и мудрость чистаго (Iasna LIX). Чистота величайшее благо. Счастіе, счастіе да будетъ съ нимъ: съ наиболѣе чистымъ въ чистотѣ (Ashem-vohu). Всѣ добрыя мысли, слова и дѣла дѣлаются со знаніемъ. Всѣ злыя мысли, слова и дѣла не дѣлаются со знаніемъ (Mispa Kumata. Избранныя мѣста изъ Avesta въ Ancient-Iranian and Zoroastrian Morals, Dhunjibhoy Jamsetji Medhora).

Евреи имѣли свои „школы пророковъ" и свое тайное ученіе Каббалу, а въ обнародованныхъ Писаніяхъ мы находимъ слѣдующія признанныя ученія нравственности:

Кто взойдетъ на гору Господню, или кто станетъ на святомъ мѣстѣ Его? Тотъ, у котораго руки неповинны и сердце чисто. Кто не клялся душою своею напрасно и не божился ложно ближнему своему (Псал. XXIII, 3, 4). „О человѣкъ! сказано тебѣ, что добро и чего требуетъ отъ тебя Господь: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудро ходить предъ Богомъ твоимъ (Михей VI, 8), Уста правдивыя вѣчно пребываютъ, а лживый языкъ только на мгновеніе (Притчи XII, 19). Вотъ постъ, которой Я избралъ: разрѣши оковы неправды, развяжи узы ярма и угнетенныхъ отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо: раздѣли съ голоднымъ хлѣбъ твой и скитающихся бѣдныхъ введи въ домъ; когда увидишь нагого—одѣнь его и отъ единокровнаго твоего не укрывайся (Исаія LVIII, 6, 7).

И Христосъ давалъ своимъ ученикамъ тайныя поученія (Матѳ. XIII, 10—17) и повелѣлъ имъ:

Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего передъ свиньями, дабы онѣ не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали васъ (Матѳ. VII, 6).

Какъ образецъ всенародныхъ поученій мы имѣемъ Заповѣди Блаженства и Нагорную Проповѣдь и такія наставленія:

А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ и гонящихъ васъ...

Итакъ, будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный (Матѳ. V, 44, 48). Сберегшій душу свою потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради Меня сбережетъ ее (Матѳ. X, 39). Итакъ, кто умалится, какъ это дитя, тотъ и больше въ Царствѣ Небесномъ (Матѳ. XVIII, 4). Плодъ же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. На таковыхъ нѣтъ закона (Галат. V, 22, 23). Будемъ любить другъ друга, потому что любовь отъ Бога, и всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога (1 посл. Іоанна IV, 7).

Школы Пиѳагора и Неоплатониковъ сохраняли преданіе для Греціи, и мы знаемъ, что Пиѳагоръ пріобрѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ ученій въ Индіи, тогда какъ Платонъ учился и получилъ посвященіе въ школахъ Египта. Относительно Греческихъ школъ существуютъ болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ относительно остальныхъ; Пиѳагорейскія имѣли какъ внѣшнюю дисциплину, такъ и внутреннюю, въ которой ученики, связанные обѣтомъ, проходили черезъ три ступени въ теченіе пяти лѣтъ испытанія (Подробности въ книгѣ Дж. Мида *Orpheus*, pp. 263 и слѣд.).

Внѣшнюю дисциплину Дж. Мидъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего мы должны вполнѣ отдаться Богу. Когда человѣкъ молится, онъ не долженъ никогда просить о личномъ благѣ, вполнѣ увѣренный, что все будетъ дано ему своевременно, что нужно и что сообразно съ Мудростью Бога, а не съ нашимъ личнымъ эгоистичнымъ желаніемъ (Dîod. Sic. IX 41). Одною лишь добродѣтелью достигаетъ человѣкъ блаженства, и это преимущество, исключительно принадлежащее разумному существу (Hippodamus De Felicitate II., Orelle. Opusc. Graecor. Sent. et Moral. II, 284). Самъ по себѣ, по своей натурѣ, человѣкъ не хорошъ и не счастливъ, но онъ можетъ стать таковымъ черезъ познаніе истинной доктрины (μαθήσιος καὶ προνοίας ποτιδέεται)—(Hерро, ibid). Наиболѣе священный долгъ есть сыновняя преданность. „Богъ осыпаетъ своимъ благословеніемъ того, кто уважаетъ и почитаетъ

виновника своихъ дней“ говоритъ Пампеліусъ (De Parentibus, Orelli op. cif. II, 345). Неблагодарность къ своимъ родителямъ самое черное изъ всѣхъ преступленій, пишетъ Периктіона (ibid. p,. 350), которую считаютъ за мать Платона. Чистота и тонкость настроенія всѣхъ пиѳагорейскихъ писаній была замѣчательна (Ollian Hist. Var. XIV, 19). Во всемъ, что касается цѣломудрія и брака, принципы ихъ отличаются величайшей чистотой. Всюду Учитель указываетъ на необходимость цѣломудрія и воздержанія; но въ то же время онъ совѣтуетъ состоящимъ въ бракѣ сдѣлаться родителями прежде, чѣмъ перейти къ безбрачію, для того, чтобы дѣти могли рождаться при благопріятныхъ условіяхъ, поддерживать праведную жизнь и наслѣдовать священную Науку Jamblichus, Vet. Pythag. Hierocl. ap. Stob. Serm. XLV, 14). Эта подробность особенно интересна потому, что совершенно такое же постановленіе находится въ Mânava Dharma Shâstra, въ великомъ Индусскомъ Кодексѣ...

Прелюбодѣяніе очень сурово осуждается (Jambl. тамъ, же). Кромѣ того, супругу предписывается самое кроткое обращеніе съ женой, ибо не взялъ ли онъ ее въ подруги „передъ Богами“? (Lascaulx: zur Geshichte der Ehre bei den Griechen въ Mèm. de l'Acad. de Bavière VII, 107).

Бракъ не былъ физическимъ союзомъ, но духовной связью. Поэтому и жена, въ свою очередь, должна любить своего супруга больше, чѣмъ себя, и во всемъ быть преданной и послушной ему. Интересно, что самые благородные женскіе характеры, которые появляются въ древней Греціи, были созданы въ школѣ Пиѳагора; то же самое можно сказать и относительно мужчинъ. Античные писатели всѣ согласны между собою въ томъ, что дисциплина этихъ школъ производила высокіе образцы не только чистѣйшихъ чувствъ и цѣломудрія, но и благородную простоту манеръ, деликатность и вкусъ къ серьезнымъ занятіямъ, равныхъ которымъ міръ не зналъ. Это признается и нѣкоторыми Христіанскими писателями (см. Iustin XX, 4). Идея справедливости направляла всѣ поступки членовъ Пиѳагорейскихъ школъ, а въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ они соблюдали величайшую терпимость и состраданіе.

Ибо справедливость есть основа всѣхъ добродѣтелей, какъ учитъ Полусъ (ap. Stob. Serm. VIII ed. Show, p. 232); справедливость поддерживаетъ миръ и равновѣсіе въ душѣ, она мать всякаго добраго порядка въ общинахъ, она творитъ согласіе между мужемъ и женой, вызываетъ любовь между господиномъ и слугой.

Слово было для Пиѳагорейца обязательствомъ. И онъ долженъ былъ жить всегда такъ, чтобы быть готовымъ во всякое время умереть (Hippolytus, Philos. VI, pp. 263—267).

Отношеніе къ добродѣтелямъ въ школахъ Неоплатониковъ

указываетъ на ясное различіе, которое тамъ дѣлалось между нравственностью и духовнымъ развитіемъ, или, какъ выражался Плотинъ: „цѣль не въ томъ, чтобы быть безъ грѣха, а чтобы быть Богоподобнымъ“ *). На первой ступени дисциплины достигалось уничтоженіе грѣховъ путемъ развитія „политическихъ добродѣтелей,“ которыя дѣлали человѣка совершеннымъ въ его поведеніи (добродѣтели физическія и этическія пріобрѣтались ранѣе), благодаря тому, что разумъ направлялъ и украшалъ неразумную природу. Слѣдующей ступенью было достиженіе „катартическихъ добродѣтелей“, которыя являются принадлежностью чистаго разума и освобождаютъ Душу отъ оковъ рожденія; „теоретическія добродѣтели“ приводятъ Душу въ соприкосновеніе съ высшими натурами, и „парадигматическія добродѣтели“ даютъ ей знаніе истиннаго Бытія:

Отсюда слѣдуетъ, что тотъ, кто поступаетъ сообразно „политическимъ“ добродѣтелямъ, есть *достойный человѣкъ*, тотъ же, кто дѣйствуетъ согласно съ „катартическими“ добродѣтелями, есть *демоническій человѣкъ* или *добрый демонъ* **). Тотъ же, кто дѣйствуетъ сообразно однѣмъ лишь теоретическимъ добродѣтелямъ, достигаетъ ступени *Божественности*, а тотъ, который дѣйствуетъ сообразно „парадигматическимъ“ добродѣтелямъ, называется *Отецъ Боговъ* (Note ou Intellectual Prudence, pp. 325—332).

Посредствомъ пріемовъ различнаго рода, учениковъ научали выходить изъ тѣла и подниматься въ высшіе міры; какъ травы извлекаются изъ своихъ влагалищъ, такъ и внутренній человѣкъ долженъ умѣть извлекать себя изъ своей тѣлесной оболочки. „Тѣло свѣта“ или „блистающее тѣло“ Индусовъ ***) то же, что „свѣтообразное“ тѣло (luciform) Неоплатониковъ, и въ немъ человѣкъ поднимается, чтобы найти свое высшее Я:

которое не можетъ быть воспринято ни глазомъ, ни словомъ, ни другими чувствами, ни аскетизмомъ, ни религіозными обрядами; лишь ясной мудростью, одной чистѣйшей сущностью возможно зрѣть въ медитаціи Нераздѣлимое Единое. Это высшее Я можетъ быть познано разумомъ, въ которомъ усыплена пятиричная жизнь (чувствъ). Разумъ всѣхъ существъ проникнутъ этими жизнями, но (въ разумѣ) очищенномъ проявляется высшее Я (Mundakopanishad, III ii, 8, 9).

*) Select Works of Plotenus, by Thomas Taylor (p. 11, изд. 1895 г.).

**) Добрый разумный Духъ, каковъ былъ демонъ Сократа.

***) Kathopanishad. VI. 17.

Лишь въ такомъ состоянiи можетъ человѣкъ вступить въ область, гдѣ кончается раздѣленiе, гдѣ „сферы кончаются“. Въ введенiи Дж. Мида къ *„Плотину“ Тайлора* онъ цитируетъ изъ Плотина описанiе сферы, которая несомнѣнно соотвѣтствуетъ **Turîya** *) Индусовъ:

Они также видятъ во всѣхъ вещахъ не то, что подвержено рожденiю, но то, въ чемъ является самая ихъ суть. И они усматриваютъ себя самихъ въ другихъ. Ибо тамъ всѣ вещи прозрачны, и нѣтъ тамъ ничего темнаго и непроницаемаго, но все тамъ видимо каждому внутренно и насквозь. Ибо свѣтъ встрѣчается всюду со свѣтомъ, такъ какъ каждая вешь заключаетъ въ себѣ все остальное и такъ же видитъ все остальное въ каждой другой вещи. Такимъ образомъ всѣ вещи существуютъ всюду и все заключается во всемъ. Каждая вещь подобнымъ же образомъ являетъ собою все. И сiянiе тамъ безпредѣльно. Ибо все тамъ велико, такъ какъ и то, что мало, все же велико. Солнце, которое тамъ, являетъ собою всѣ звѣзды, и каждая звѣзда есть въ то же время и солнце, и всѣ звѣзды. Тѣмъ не менѣе въ каждой преобладаетъ какая-либо иная особенность, и въ то же время всѣ вещи видимы въ каждой. Движенiе тамъ такъ же чисто, ибо (гармонiя) движенiя не нарушается двигателемъ, отличнымъ отъ него (p. LXXIII).

Описанiе неудачное потому, что область эта превышаетъ средства земной рѣчи, но подобное описанiе могло быть дано лишь человѣкомъ съ раскрывшимся зрѣнiемъ.

Цѣлые томы могли бы быть наполнены сходными чертами, извлеченными изъ св. Писанiя различныхъ религiй, но и того несовершеннаго обозрѣнiя, которое сдѣлано нами, достаточно для введенiя къ изложенiю древнихъ истинъ, которыми голодъ человѣчества утолялся во всѣ вѣка. Всѣ эти сходныя черты указываютъ на единый источникъ, и этотъ источникъ—Бѣлая Ложа, Iерархiя Адептовъ, которые слѣдятъ за эволюцiей человѣчества и направляютъ ее; Они сохраняли эти истины неприкосновенными и, отъ времени до времени, когда требовало того благо человѣчества, Они вновь провозглашали ихъ передъ мiромъ. Плодъ другихъ мiровъ, иного, болѣе ранняго человѣчества, развившiеся въ процессѣ жизни, сходномъ съ нашимъ, Они явились въ нашъ мiръ, чтобы помогать земному прогрессу, и съ древнихъ временъ

*) Turîya—четвертое состоянiе сознанiя, состоянiе *абсолютнаго сознанiя*. Первыя три состоянiя: 1) сонъ, 2) сновидѣнiе, 3) бодрствующее сознанiе. *(Прим. перев.)*.

до нашихъ дней, при посредствѣ цвѣта нашего собственнаго человѣчества, оказывали намъ свою помощь, и до сихъ поръ Они направляютъ серьезно стремящихся учениковъ, указывая имъ „тѣсный путь". И въ наше время Они продолжаютъ быть доступными для того, кто ищетъ ихъ, принося съ собой жертвенный огонь любви, преданности и безкорыстнаго стремленія познать для того, чтобы служить міру. И въ наши дни Они даютъ своимъ ученикамъ древнюю дисциплину и разоблачаютъ передъ ними древнія Мистеріи. Двѣ опоры, поддерживающія входъ въ Ихъ Ложу— Любовь и Мудрость, и черезъ эти тѣсныя врата можетъ пройти лишь тотъ, кто уже сбросилъ съ своихъ плечъ тяжелый грузъ желаній и себялюбія.

Трудная задача предстоитъ намъ: начавъ съ физической среды, мы будемъ медленно подниматься вверхъ, но прежде чѣмъ мы начнемъ болѣе подробное изученіе окружающаго насъ міра, взглядъ, брошенный съ птичьяго полета на великую волну эволюціи и на ея цѣль, могутъ помочь намъ. До возникновенія нашей планетной системы вся ея цѣлостность заключалась въ Разумѣ Логоса, существовала въ Немъ какъ идея—всѣ силы, всѣ формы, все, что въ теченіе всего послѣдующаго процесса Творчества выливалось въ объективную жизнь. Логосъ очерчиваетъ кругъ проявленія, въ границахъ котораго Воля Его желаетъ дѣйствовать. Онъ ограничиваетъ Себя, чтобы стать Жизнью Своей Вселенной. Послѣдовательно, какъ результатъ перваго акта творчества, образуются слои, постепенно уплотняющіеся, пока не появятся семь обширныхъ сферъ, и въ нихъ—центры энергіи, вихри космической матеріи, которые отдѣляютъ одну сферу отъ другой; когда же процессъ отдѣленія и сгущенія завершится, передъ нами предстанетъ центральное солнце, физическій символъ Логоса, и семь великихъ планетныхъ цѣпей, каждая изъ которыхъ состоитъ изъ семи шаровъ (глобусовъ).

Переходя отъ общаго къ той планетной цѣпи, составную часть которой представляетъ наша земля, мы увидимъ какъ вокругъ нея протекаютъ волны жизни, образуя послѣдовательно царства природы: сперва три элементальныя, затѣмъ минеральное, растительное, животное и, наконецъ, человѣческое. Ограничивая еще болѣе нашъ кругозоръ и устремляя его на нашъ собственный земной шаръ, мы станемъ наблюдать человѣческую эволюцію и увидимъ, какъ человѣкъ развиваетъ свое самосознаніе, проходя черезъ ряды многочисленныхъ цикловъ жизни. Сосредоточивая вслѣдъ затѣмъ наше вниманіе на отдѣльномъ человѣкѣ, мы бу-

демъ въ состояніи прослѣдить его ростъ. Мы увидимъ, что каждый жизненный періодъ разбивается на три отдѣла, что каждый періодъ связанъ со всѣми жизненными періодами прошлаго, результаты котораго оно пожинаетъ въ настоящемъ, а также и со всѣми періодами будущаго, для котораго оно служитъ посѣвомъ, и эта непрерывающаяся цѣпь причинъ и послѣдствій поддерживается закономъ, который не подлежитъ измѣненію. Мы увидимъ, что благодаря этому закону человѣкъ въ состояніи подниматься все болѣе вверхъ, съ каждымъ періодомъ жизни прибавляя нѣчто новое къ своимъ опытамъ, поднимаясь все выше въ чистотѣ, преданности, разумности, въ способности служить міру, пока, наконецъ, не станетъ тамъ, гдѣ стоятъ Тѣ, кого мы называемъ Учителями, готовый отдать своимъ младшимъ братьямъ то, что самъ получилъ отъ Старшихъ Братьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ № 1).

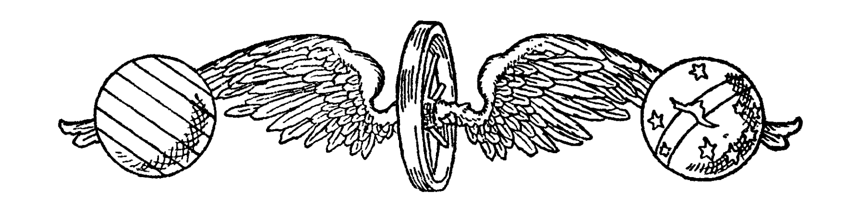
Перев. **Е. П.**

Не воображай, что ты можешь отдѣлить себя отъ человѣка дурного или неразумнаго. Онъ и ты—одно... Не забывай, что грѣхъ и стыдъ міра твой грѣхъ и твой стыдъ, ибо ты составляешь часть міра, и твоя Карма неразрывно вплетена въ общую Карму. И пока ты не достигнешь познанія, ты долженъ пройти повсюду, какъ по чистымъ, такъ и по грязнымъ мѣстамъ. Не забывай же, что загрязненныя одежды, до которыхъ ты боишься дотронуться, могли быть *твоими* въ истекшемъ днѣ, могутъ быть твоими въ грядущемъ. И если ты отвернешься съ ужасомъ, когда такая одежда наброшена будетъ на твои плечи, она только тѣснѣе прильнетъ къ тебѣ.

„Свѣтъ на Пути“.

* * *

Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ *).

Д-ра Р. ШТЕЙНЕРА

ГЛАВА II.

„Ученику“ **) указывалось въ самомъ началѣ его поприща на значеніе *благоговѣнія* и на развитіе *внутренней жизни*. Тайное знаніе даетъ также *практическія правила*, соблюденіе которыхъ помогаетъ вступленію на „путь“ и содѣйствуетъ развитію внутренней жизни. Эти практическія правила возникли не изъ произвола. Они основаны на древнихъ опытахъ и на древнихъ знаніяхъ. Они даются одинаковымъ образомъ повсюду, гдѣ указывается путь къ высшему познанію. Всѣ истинные Учителя эзотеризма сходятся относительно содержанія этихъ правилъ, хотя они и не всегда облекаютъ ихъ въ одинаковыя слова. Это неважное, собственно только кажущееся различіе, зависитъ отъ обстоятельствъ, о которыхъ говорить здѣсь не мѣсто.

Ни одинъ Учитель эзотеризма, давая опредѣленныя правила, не желаетъ—посредствомъ этихъ правилъ—господствовать надъ другими людьми. Онъ никого не хочетъ лишать самостоятельности. Потому, что нѣтъ лучшихъ цѣнителей и охранителей человѣческой самостоятельности, чѣмъ Учителя оккультизма. Выше было сказано ***), что Орденъ, обнимающій всѣхъ посвященныхъ, окруженъ стѣной, и два закона образуютъ тѣ скрѣпы, которыя соединяютъ въ одно цѣлое составныя части стѣны. Если же посвященный вы-

*) См. № 1, стр. 47.

**) Нѣмецкія выраженія: Geheimschüler и Geheimlehrer мы будемъ переводить словами „ученикъ“ и „Учитель“, подразумѣвая подъ этими словами ученика эзотерической школы и его Учителя.

***) Въ январьской книжкѣ журнала.

ходитъ изъ своего замкнутаго пространства наружу и вступаетъ въ общеніе съ людьми, тогда для него входитъ въ силу третій строгій законъ. Вотъ этотъ законъ: наблюдай за каждымъ своимъ дѣйствіемъ и за каждымъ своимъ словомъ, такъ, чтобы черезъ тебя не произошло давленія ни на одно свободное рѣшеніе человѣческой воли.

Кто убѣдился, что истинный Учитель эзоретизма проникнутъ такимъ настроеніемъ, тотъ знаетъ, что не потеряетъ ничего изъ своей самостоятельности, если послѣдуетъ практическимъ правиламъ, которыя ему предлагаются. Одно изъ первыхъ правилъ можетъ быть выражено приблизительно такъ: „Твори въ себѣ минуты внутренняго *покоя* и учись въ эти минуты отличать *существенное отъ несущественнаго*".

Первоначально всѣ правила и ученія Тайной Науки были даваемы не въ разговорной рѣчи, а на символическомъ языкѣ знаковъ. И кто хочетъ постигнуть все ихъ значеніе и всю силу, тотъ долженъ получить доступъ къ изученію этого языка символовъ. Доступъ этотъ въ зависимости отъ того, сдѣланы-ли первые шаги въ Тайномъ познаніи. Эти первые шаги можно сдѣлать, соблюдая въ точности всѣ правила, какія даются въ этихъ статьяхъ. Путь открытъ для каждаго, кто серьезно хочетъ вступить на него.

Вышеупомянутое правило относительно моментовъ внутренняго покоя—просто, и также просто слѣдованіе ему. Но къ цѣли оно приводитъ только тогда, когда выполняется на столько-же *серьезно* и *строго*, на сколько самое правило просто.

Чтобы выполнить его, ученикъ эзотерической школы выдѣляетъ изъ своей повседневной жизни короткое время, и въ это время отдается совершенно иному занятію, чѣмъ его повседневныя работы. И то, *какъ* онъ отдается этому занятію, должно быть совершенно иное, не похожее на обычное его отношеніе къ работѣ. Но это не нужно понимать такъ, какъ будто-бы эти минуты внутренней тишины не имѣли ничего общаго съ содержаніемъ его повседневной жизни. Напротивъ: человѣкъ, переживающій такіе выдѣленные моменты *правильнымъ* образомъ, скоро замѣтитъ, что черезъ нихъ то онъ и получаетъ увеличенную силу для совершенія своихъ повседневныхъ задачъ. Также не надо думать, что соблюденіе этого правила можетъ у кого-либо дѣйствительно отнять время, нужное для исполненія его обязанностей. *Если кто-либо не имѣетъ въ своемъ распоряженіи большаго времени, то достаточно и пяти минутъ каждый день.* Все дѣло въ томъ, *какъ* эти пять минутъ будутъ использованы.

Въ эти минуты человѣкъ долженъ вырвать себя совершенно изъ своей повседневной жизни. Его мысли и жизнь чувствъ должны получить совершенно иную окраску, чѣмъ она имѣла ранѣе. Онъ долженъ свои радости, свои страданія, свои заботы, свои испытанія и свои дѣла провести передъ внутреннимъ взоромъ души. И при этомъ онъ долженъ поставить себя такъ, чтобы на все пережитое смотрѣть съ высшей точки зрѣнія. Слѣдуетъ при этомъ вспомнить, до какой степени въ обыкновенной жизни различно относишься къ тому, что переживаешь самъ, и къ тому, что переживаетъ другой. Иначе это и быть не можетъ. Ибо съ тѣмъ, что человѣкъ переживаетъ или дѣлаетъ самъ, онъ *внутренно связанъ*, тогда какъ переживанія или поступки другого лишь извнѣ *разсматриваются* имъ. Вотъ въ эти выдѣленныя изъ обыденной жизни минуты и нужно сдѣлать усиліе и научиться собственныя переживанія и дѣла созерцать и обсуждать такъ, какъ будто-бы ихъ переживалъ или дѣлалъ не самъ созерцающій, а другой.

Представьте себѣ слѣдующее: Кто-нибудь пережилъ тяжелый ударъ судьбы. Какъ различно онъ относится къ нему, и къ совершенно подобному удару, постигшему его ближняго? И это совершенно естественно, это въ природѣ человѣческой. И такая же разница во внутреннемъ отношеніи къ себѣ и къ другимъ наблюдается и въ повседневныхъ обстоятельствахъ жизни. Ученикъ тайной школы долженъ найти силу поставить себя самого въ извѣстныя минуты передъ собой какъ чужаго и съ *внутреннимъ покоемъ* объективно обсуждающаго противостать себѣ самому. Когда ученикъ достигаетъ этого, его собственныя переживанія являются ему въ совершенно новомъ свѣтѣ. До тѣхъ поръ, пока онъ съ ними связанъ, пока онъ *въ нихъ* стоитъ, онъ столько же связанъ съ несущественнымъ, какъ и съ существеннымъ. Если же онъ достигнетъ внутренняго покоя при обзорѣ себя самого, тогда существенное отдѣлится отъ несущественнаго. Печаль и радость, каждая мысль, каждое намѣреніе, кажутся иными, когда ставишь такимъ образомъ себя передъ самимъ собою. Это похоже на то, какъ если-бы вы въ теченіи цѣлаго дня оставались въ одномъ мѣстѣ и смотрѣли на все, и большое и малое, съ одинаково близкаго разстоянія, а вечеромъ поднялись бы на сосѣдній холмъ и съ высоты бросали общій взглядъ на *всю* мѣстность. Тогда взаимоотношенія отдѣльныхъ частей мѣстности явятся совершенно иными, чѣмъ когда вы находились внизу. Цѣнность такого внутренняго спокойнаго самонаблюденія зависитъ не столько отъ того, *что* наблюдаешь, сколько отъ возникновенія духовной силы, спо-

собной создавать внутренній покой. Ибо каждый человѣкъ несетъ въ самомъ себѣ—рядомъ съ повседневнымъ человѣкомъ (назовемъ его такъ), еще и *высшаго человѣка.* Этотъ высшій человѣкъ остается скрытымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ пробужденъ. И разбудить этого высшаго человѣка въ себѣ можетъ только *самъ* человѣкъ. А пока этотъ высшій человѣкъ еще не пробужденъ, до тѣхъ поръ дремлющія въ каждомъ человѣкѣ высшія способности, ведущія его къ сверхчувственнымъ познаніямъ, останутся скрытыми, непроявленными.

Вышеупомянутая сила, ведущая къ внутреннему покою, есть магическая сила, которая дѣйствуетъ освобождающимъ образомъ и на извѣстныя высшія способности. И пока ученикъ не почувствуетъ въ себѣ этой магической силы, онъ долженъ продолжать серьезное и строгое выполненіе приведенныхъ правилъ. Для каждаго, поступающаго такъ, придетъ день, когда кругомъ него сдѣлается духовно-свѣтло, когда его внутреннему зрѣнію, о которомъ онъ ранѣе и не подозрѣвалъ, откроется совершенно новый міръ.

Ничто не должно измѣниться во внѣшней жизни ученика, когда онъ начнетъ выполнять данныя ему правила. Онъ долженъ, какъ и раньше, исполнять всѣ свои обязанности, страдать тѣми же страданіями и переживать тѣ же радости, что и прежде. Никакимъ образомъ не можетъ онъ черезъ это отойти отъ *„жизни"*. Болѣе того, весь остальной день онъ будетъ отдаваться этой жизни тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе въ эти выдѣленныя минуты онъ усвоитъ себѣ „высшую жизнь". Постепенно эта „высшая жизнь" начнетъ оказывать свое воздѣйствіе и на обыденную жизнь. Достигнутый въ эти избранныя минуты душевный миръ вліяетъ на весь обыденный день. Весь человѣкъ дѣлается спокойнѣе, пріобрѣтаетъ увѣренность во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и, чтобы ни случилось, онъ уже не выходитъ изъ равновѣсія. Постепенно начинающій „ученикъ" будетъ все болѣе руководить собою самъ и все менѣе поддаваться вліянію обстоятельствъ и внѣшнихъ событій.

Онъ перестанетъ сердиться на вещи, на которыя раньше сердился; многое, что его ранѣе устрашало, перестанетъ пугать его. Онъ усваиваетъ совершенно иное пониманіе жизни. Если онъ прежде подходитъ робко къ тому или другому дѣлу, думая: но у меня не хватитъ силы сдѣлать это, какъ слѣдуетъ.... Теперь онъ скажетъ себѣ: Я соберу *всѣ силы*, чтобы выполнить мою задачу какъ можно совершеннѣе.... и мысль, которая могла-бы его сдѣ-

лать робкимъ, онъ подавитъ. Ибо онъ знаетъ, что робость только помѣшаетъ ему.

И такъ, мысль за мыслью проникаютъ въ міросозерцаніе „ученика“, которыя оказываютъ плодотворное вліяніе на его жизнь. Онѣ заступаютъ мѣсто такихъ мыслей, которыя ранѣе мѣшали и ослабляли его. „Ученикъ“ начинаетъ вести свой жизненный корабль вѣрнымъ твердымъ ходомъ среди житейскихъ волнъ, тогда какъ ранѣе онъ носился по прихоти этихъ волнъ взадъ и впередъ.

И такого рода покой и увѣренность дѣйствуютъ опредѣленнымъ образомъ на все человѣческое существо: внутренній человѣкъ начинаетъ расти, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ расти и внутреннія способности, ведущія къ высшимъ познаніямъ. Потому, что своими успѣхами въ этомъ направленіи, „ученикъ“ достигаетъ постепенно того, что самъ начинаетъ рѣшать, *какъ* впечатлѣнія внѣшняго міра должны дѣйствовать на него. Напримѣръ, онъ слышалъ слово, которымъ кто-либо хотѣлъ обидѣть, или раздражить его. *До* своего ученичества онъ былъ-бы обиженъ или раздраженъ, теперь же онъ въ состояніи вырвать у слова его обижающее или раздражающее жало, прежде чѣмъ оно найдетъ путь къ его внутреннему міру. Или другой примѣръ: человѣкъ легко становится нетерпѣливымъ, когда ему приходится ждать. Когда же онъ вступилъ на „путь“, въ минуты достигнутаго внутренняго покоя онъ настолько проникается чувствомъ безцѣльности всякаго нетерпѣнія, что впредь, при всякомъ переживаніи нетерпѣнія, въ немъ немедленно возникаетъ чувство противодѣйствія. И тогда готовое уже возникнуть нетерпѣніе исчезаетъ, и время, которое иначе потерялось бы въ создаваемыхъ нетерпѣніемъ представленіяхъ, можетъ быть заполнено полезными наблюденіями, которыя могутъ возникнуть во время ожиданія.

Теперь нужно представить себѣ значеніе всего этого. Нужно ясно сознать, что „высшій человѣкъ“ находится внутри насъ въ безпрерывномъ развитіи. Но закономѣрное развитіе возможно для него только при помощи описаннаго покоя и увѣренности. Волны внѣшней жизни напираютъ на внутренняго человѣка со всѣхъ сторонъ, если человѣкъ не владѣетъ жизнью, а поддается ей. Такой человѣкъ подобенъ растенію, которое принуждено развиваться въ разщелинѣ скалы. Оно будетъ чахнуть до тѣхъ поръ, пока не попадетъ на просторъ. Создать необходимыя условія для „внутреннаго человѣка“ не могутъ никакія внѣшнія силы. Это можетъ только *внутренній покой*, предоставленный человѣкомъ своей душѣ. Внѣшнія условія могутъ перемѣнить только внѣшнее

положеніе его жизни; „духовнаго человѣка“ въ немъ они не разбудятъ никогда. „Ученикъ“ самъ долженъ вызвать рожденіе новаго „высшаго человѣка“ внутри себя.

Этотъ „высшій человѣкъ“ сдѣлается тогда „внутреннимъ властителемъ“, который твердою рукою будетъ направлять жизненныя условія внѣшняго человѣка. До тѣхъ поръ, пока „внѣшній человѣкъ“ господствуетъ и руководитъ, „внутренній человѣкъ“ остается рабомъ и не въ состояніи—вслѣдствіе этого—развить свои силы. Если мое настроеніе—раздражаюсь ли я, или владѣю собой—зависитъ отъ кого-либо другого, а не отъ меня самого, это признакъ, что я еще не нашелъ „властителя въ себѣ“. Я долженъ развить въ себѣ способность допускать впечатлѣнія внѣшняго міра до своего я только такъ, и съ такой стороны, которую я самъ опредѣлилъ, иначе я не могу сдѣлаться „ученикомъ“. И только въ той мѣрѣ, въ какой „ученикъ“ серьезно добивается этой силы, можетъ онъ прійти къ цѣли. Дѣло не въ быстрыхъ успѣхахъ, а въ серьезномъ исканіи. Бываетъ, что кто-либо годами дѣлаетъ напряженія, не видя замѣтнаго успѣха, но изъ тѣхъ, которые не отчаявались, а оставались непоколебимы, многіе совершенно внезапно для себя одерживали „внутреннюю побѣду“.

Конечно, бываютъ жизненныя условія, когда требуется особенно большая сила для того, чтобы творить внутри себя минуты внутренняго покоя. Но чѣмъ значительнѣе эта сила, тѣмъ значительнѣе и достигнутые результаты. Весь успѣхъ ученичества зависитъ отъ того, чтобы умѣть энергически, съ внутренней правдой и беззавѣтной искренностью ставить передъ собою—*какъ чужого*—себя самого со всѣми своими мыслями, чувствами и дѣйствіями. Но только одна сторона внутренней дѣятельности „ученика“ проявляется черезъ это рожденіе „высшаго человѣка“. Къ этому должно присоединиться еще нѣчто другое. Когда человѣкъ противопоставляетъ себѣ самого себя какъ чужого, онъ все же разсматриваетъ только *самого себя*; онъ смотритъ на тѣ переживанія и дѣйствія, съ которыми онъ благодаря своему жизненному положенію тѣсно сросся. Онъ долженъ перешагнуть черезъ это. Нужно возвыситься до *чисто* человѣческаго, не стоящаго уже ни въ какомъ отношеніи съ собственнымъ положеніемъ. Онъ долженъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ вещей, которыя могли касаться его какъ человѣка, но при совершенно иныхъ условіяхъ, въ совершенно другомъ положеніи жизни. Благодаря этому, въ немъ возникаетъ нѣчто выдающееся надъ личнымъ: взоръ его направляется въ *высшіе міры*, а не въ тѣ, съ которыми его сводитъ повседнев-

ная жизнь. И тогда человѣкъ начинаетъ чувствовать и испытывать, что онъ принадлежитъ къ этимъ высшимъ мірамъ. Это тѣ міры, о которыхъ его чувства и его повседневный опытъ ничего не могутъ сказать ему. И такимъ путемъ переноситъ онъ центръ своей сущности въ свое внутреннее *я.* Онъ прислушивается къ голосамъ внутри себя, говорящимъ съ нимъ въ минуты покоя, входитъ въ общеніе внутри себя съ міромъ духовнымъ. И тогда онъ отдаляется отъ шума повседневной жизни, шумъ этотъ умолкаетъ для него. Вокругъ него дѣлается *тихо. Спокойное созерцаніе* внутри, общеніе съ чисто духовнымъ міромъ наполняетъ всю его душу. Подобное тихое созерцаніе должно сдѣлаться необходимой потребностью „ученика". Онъ прежде всего весь погружается въ міръ мыслей. Но для этой тихой дѣятельности мысли необходимо развить *живое чувство.* Нужно научиться любить то, что къ нему притекаетъ отъ Духа. Въ скоромъ времени онъ перестаетъ воспринимать этотъ духовный міръ какъ нѣчто менѣе реальное, чѣмъ окружающія его повседневныя вещи. Онъ начинаетъ обходиться со своими мыслями, какъ съ вещами въ пространствѣ. И тогда приближается время, когда открывшееся ему въ тишинѣ внутренней работы мысли начинаетъ чувствоваться имъ, какъ нѣчто болѣе высокое и реальное, чѣмъ всѣ вещи въ пространствѣ. Онъ познаетъ, что въ этомъ мірѣ мысли высказывается сама жизнь. Онъ убѣждается, что мысли не только тѣневые образы, но что черезъ нихъ говорятъ бывшія для него прежде скрытыми *сущности.* Изъ тишины до него начинаетъ доноситься голосъ. Раньше онъ звучалъ чрезъ его ухо, теперь онъ звучитъ чрезъ его душу.

Внутренній языкъ — внутреннее слово — открылось ему. Высокое блаженство чувствуетъ „ученикъ", когда впервые переживаетъ этотъ моментъ. Надъ всѣмъ его внѣшнимъ міромъ проливается внутренній свѣтъ. Вторая жизнь начинается для него. Потокъ божественнаго міра изливается черезъ него.

Такая жизнь души въ мысляхъ, расширяющаяся все болѣе до полноты жизни въ духовной сути, называется въ Гнозисѣ и Теософіи *медитація* (созерцательное размышленіе). Подобная медитація есть средство къ сверхчувственному познаванію. Но не отдаваться блаженнымъ чувствамъ долженъ „ученикъ" въ такіе моменты. Въ его душѣ не должно быть неопредѣленныхъ ощущеній. Это только помѣшало бы ему прійти къ истинному духовному познанію. Ясно, остро, опредѣленно должны слагаться его мысли. Онъ долженъ проникнуться высокими мыслями, которыя думали въ такіе же моменты сосредоточенья исполненные духомъ люди,

и въ нихъ онъ найдетъ опору. Онъ долженъ взять за исходныя точки такія мысли, которыя въ свое время возникли изъ откровеній, полученныхъ во время медитаціи. Въ древней мистической и современной теософической литературѣ „ученикъ“ найдетъ такія писанія, которыя дадутъ ему матеріалы для его медитаціи. Въ этихъ писаніяхъ мудрецы или сами изложили мысли божественнаго знанія, или же передали ихъ міру черезъ своихъ учениковъ. Благодаря подобной медитаціи съ „ученикомъ“ происходитъ полное превращеніе. Въ немъ возникаютъ совершенно новыя представленія о дѣйствительности. Всѣ вещи получаютъ для него другое значеніе. Но нужно еще разъ повторить: не чуждымъ міру дѣлается „ученикъ“ чрезъ такое превращеніе; онъ ни въ какомъ случаѣ не удалится отъ своего повседневнаго круга обязанностей; наоборотъ, онъ убѣдится, что малѣйшее дѣйствіе, которое ему надо исполнить, малѣйшее его переживаніе стоятъ въ связи съ великими міровыми сущностями и міровыми событіями. И когда эта связь сдѣлается для него—благодаря минутамъ созерцанія—вполнѣ ясной, онъ будетъ возвращаться въ кругъ своихъ ежедневныхъ обязанностей съ новой, увеличившейся силой. Ибо онъ знаетъ теперь, что все, что онъ дѣлаетъ, и все, что онъ переноситъ, онъ дѣлаетъ и переноситъ ради духовнаго мірового Единства. *Сила для жизни*, а не вялость истекаетъ изъ медитаціи.

Увѣреннымъ шагомъ идетъ „ученикъ“ по жизненной дорогѣ. Что бы жизнь не принесла ему, онъ не перестанетъ твердо итти впередъ. Прежде онъ не зналъ, *почему* онъ долженъ работать, *почему* онъ долженъ страдать, теперь онъ это знаетъ. Очевидно, что медитація лучше будетъ вести къ цѣли, если она происходитъ подъ руководствомъ опытныхъ людей. Поэтому ищите совѣта и указанія такихъ опытныхъ руководителей *).

Что при другихъ условіяхъ было бы исканіемъ ощупью, при такомъ руководствѣ становится вѣрно достигающей цѣли работой. Кто обращается къ дѣйствительно знающимъ и имѣющимъ опытъ, тотъ стучится не напрасно. И искать онъ долженъ при этомъ лишь совѣта друга, а не такой высшей силы, которая желала бы господствовать. При этомъ обнаруживается всегда, что у тѣхъ, у кого дѣйствительно много знаній, такъ же много и скромности, и что ничто такъ не чуждо имъ, какъ вожделѣніе власти.

Кто при помощи медитаціи возвышаетъ себя до того, что связываетъ человѣка съ областью Духа, тотъ начинаетъ оживо-

*) Въ Индіи такихъ руководителей называютъ „Гуру“.

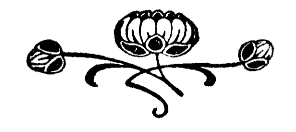
творять въ себѣ то вѣчное начало, которое всегда было и будетъ въ насъ и которое не ограничивается рожденіемъ и смертью. Только тѣ могутъ сомнѣваться въ этомъ вѣчномъ началѣ, которые еще не почувствовали его въ себѣ. Такимъ образомъ медитація является въ то же время и путемъ, ведущимъ человѣка къ познанію и къ созерцанію вѣчной нерушимой сути его собственнаго существа. Гнозисъ и Теософія говорятъ о вѣчности этой нерушимой сути человѣка, о ея перевоплощеніи. Часто спрашиваютъ: почему человѣкъ ничего не знаетъ о своихъ переживаніяхъ по ту сторону рожденія и смерти? Но не такъ слѣдовало бы ставить вопросъ. Слѣдуетъ спросить: *какъ* достигнуть такого познанія? Въ правильной медитаціи открывается *путь*. На этомъ пути оживаютъ воспоминанія, пережитыя по ту сторону рожденья и смерти. Каждый можетъ пріобрѣсти эти знанія; способность самому познать и созерцать то, чему учитъ мистика, Теософія и Гнозисъ, имѣется у каждаго, слѣдуетъ лишь избрать вѣрныя средства для развитія этой способности.

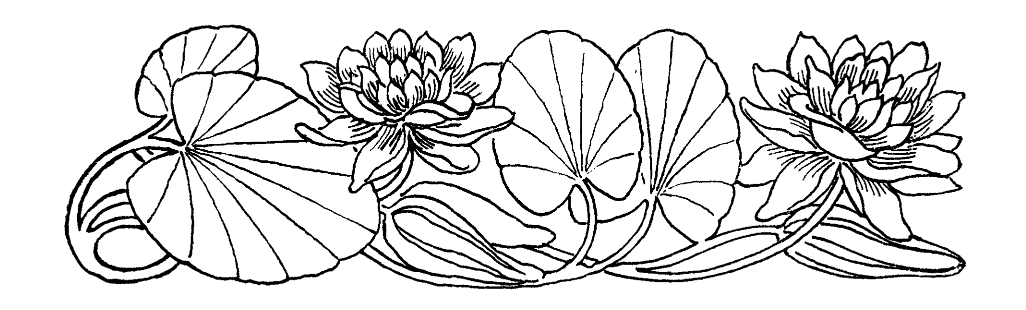
Только существо, имѣющее уши и глаза, можетъ воспринимать звуки и краски. Но глазъ не можетъ воспринимать ничего, если отсутствуетъ свѣтъ, который дѣлаетъ вещи видимыми. Эзотерическое ученіе даетъ средства для развитія духовнаго слуха и зрѣнія и для того, чтобы зажегся духовный свѣтъ. Учитель эзотеризма раздѣляетъ ведущія къ тому средства на слѣдующія три ступени:

1. *Приготовленіе.* Развиваетъ духовныя чувства.
2. *Просвѣтленіе.* Возжигаетъ духовный свѣтъ.
3. *Посвященіе.* Открываетъ общеніе съ высшими сущностями Духа. Объ этихъ трехъ ступеняхъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. В. Лалетинъ.

Теософія и новая психологія.

А. БЕЗАНТЪ.

Лекція IV *).

Ясновидѣнье и яснослышанье.

Сегодня мы будемъ изучать нѣкоторыя явленія, встрѣчающіяся все чаще и чаще въ наши дни, въ особенности по ту сторону океана, въ Америкѣ, и наиболѣе распространенныя въ ея западной части. Это возростаніе числа людей, обладающихъ силами, которыя въ настоящее время считаются ненормальными, зависитъ отчасти отъ климатическихъ условій, а отчасти отъ временной неустойчивости нервной системы, вызванной скрещиваньемъ различныхъ расъ, но изъ этихъ двухъ причинъ слѣдуетъ считать наиболѣе важной первую. Электрическое напряженіе атмосферы вліяетъ чрезвычайно сильно на нервы, а состояніе нервной системы тѣсно связано съ низшими формами ясновидѣнья. Есть основаніе утверждать, что число людей, обладающихъ ясновидѣньемъ, возрастаетъ за послѣдніе годы все болѣе и болѣе. Когда мнѣ пришлось быть на Калифорнскомъ побережьѣ, лѣтъ восемь тому назадъ, меня поразило, что совсѣмъ не приходилось доказывать собравшейся аудиторіи реальность приводимыхъ фактовъ; многіе изъ присутствующихъ сами испытывали явленія ясновидѣнья, а еще бо́льшее число слышало о подобныхъ явленіяхъ отъ родственниковъ и знакомыхъ, и, такимъ образомъ, задача теософическихъ лекцій въ Америкѣ должна была измѣнить свой характеръ. Приходилось объяснять вещи уже принятыя, а не доказывать реальность разбираемыхъ явленій, какъ это приходится дѣлать по *эту* сторону Атлантическаго океана. Хотя относительно реаль-

*) Первыя три лекціи напечатаны въ приложеніи къ № 1 „Вѣстника Теософіи" за 1908 г.

ности ясновидѣнья и въ Европѣ замѣчается большая перемѣна, благодаря множеству накопившихся фактовъ, такъ тщательно провѣренныхъ, что самый крайній скептицизмъ не можетъ болѣе отрицать ихъ.

Сегодня я намѣреваюсь распредѣлить по нѣсколькимъ отдѣламъ такъ-называемыя ненормальныя явленія и показать вамъ, по какимъ линіямъ они способны развиваться, съ какой стороной человѣческой организаціи они стоятъ въ связи, и въ какой степени теософическія теоріи способны проливать свѣтъ на эти явленія.

Представимъ же себѣ, что мы имѣемъ дѣло съ наблюдателемъ, съ внутреннимъ человѣкомъ, съ тѣмъ, который наблюдаетъ--по мѣрѣ силъ—черезъ свои дѣятельные органы. Онъ привыкъ владѣть своими физическими органами, ибо на протяженіи тысячелѣтій они были его орудіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ достаточно ясно понимаетъ явленія, которыя окружаютъ его въ физической сферѣ, и онъ знаетъ, что отвѣчаетъ на эти явленія каждый разъ, когда исходящія изъ нихъ вибраціи ударяютъ по той части его организма, которая способна отвѣчать на таковыя вибраціи, каждый разъ, когда онъ способенъ воспроизвести внутри своего тѣла вибраціи, схожія съ тѣми, которыя ударяютъ по этому тѣлу снаружи. Онъ знаетъ, что его способность чувствовать подвержена колебаніямъ даже и въ его физическихъ органахъ чувствъ, несмотря на ихъ полную опредѣленность. Способность слышать далеко не одна и та же у всѣхъ людей, она чрезвычайно колеблется даже въ предѣлахъ нормальнаго слуха. Прежде чѣмъ она перейдетъ въ сверхнормальное „яснослышанье", она будетъ опредѣляться какъ „исключительно острый слухъ", и не представляется ни малѣйшаго затрудненія даже для наиболѣе скептическаго ума признать всѣ эти различія. По всей вѣроятности, многимъ изъ присутствующихъ извѣстно, какимъ образомъ изслѣдуется слухъ посредствомъ такъ-называемой сирены; передъ собравшейся аудиторіей извлекаются все болѣе и болѣе высокія ноты, и по мѣрѣ того, какъ онѣ повышаются, одинъ за другимъ слушатели выбываютъ изъ строя, заявляя: „звуки прекратились". Въ дѣйствительности они вовсе не прекращались, обнаружилась только у ряда людей неспособность ихъ слышать; звуки продолжаютъ извлекаться, а небольшая часть слушателей продолжаетъ воспринимать ихъ и послѣ того, какъ одинъ за другимъ большинство присутствующихъ перестали ихъ слышать. Этотъ опытъ можно продолжать до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до ноты, ко-

торую никто изъ присутствующихъ не въ состояніи уловить. Здѣсь мы имѣемъ границу самаго остраго физическаго слуха. Что же требуется для того, чтобы пойти еще немного далѣе? Требуется еще бо́льшее напряженіе физическаго органа слуха, чтобы онъ могъ отвѣтить на еще болѣе быстрыя вибраціи. Тоже самое и относительно зрѣнія. И здѣсь стоитъ только сильнѣе развить органъ зрѣнія, сдѣлать его нѣсколько болѣе воспріимчивымъ, чтобы онъ могъ отвѣчать на вибраціи, въ нормальномъ состояніи не достигающія до него; ибо все дѣло въ томъ, что насъ окружаетъ безконечное число вибрацій, къ которымъ мы не чувствительны. Онѣ не существуютъ для насъ. Попробуемъ прежде всего распредѣлить по категоріямъ различныя явленія извѣстныя подъ общимъ именемъ „ясновидѣнья". Начнемъ съ увеличивающейся остроты физическаго зрѣнія, которая можетъ возрастать благодаря упражненіямъ и уходу. Подвигаясь въ подобныхъ упражненіяхъ шагъ за шагомъ впередъ, мы убѣдимся, что имѣемъ дѣло съ совершенно естественнымъ явленіемъ, съ лѣстницей, ступени которой ясно различимы.

Одинъ изъ пріемовъ, увеличивающихъ остроту зрѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы лицо, желающее усилить свое зрѣніе, оставалось извѣстное время въ полной темнотѣ. Темнота дѣйствуетъ на сѣтчатую оболочку глаза, дѣлая его болѣе чувствительнымъ. Подобныя наблюденія были производимы барономъ Рейхенбахомъ въ теченіе многихъ лѣтъ; онъ запиралъ на цѣлые часы своихъ паціентовъ въ темнотѣ и находилъ, что многіе изъ нихъ могли видѣть то, чего ранѣе не видѣли, именно свѣтъ, исходящій изъ магнита.

Онъ выбиралъ для своихъ опытовъ людей изъ всѣхъ классовъ общества и убѣждался, что многіе изъ нихъ могли видѣть магнитъ въ темнотѣ, при чемъ полюсы магнита они видѣли сильнѣе освѣщенными, чѣмъ его середину. Далѣе онъ наблюдалъ, что они могли видѣть не только магнитъ, но и магнетическій флюидъ, исходящій изъ конца пальцевъ магнетизера.

Затѣмъ мы разсмотримъ современный опытъ, очень интересный, подробности котораго мнѣ разсказывалъ извѣстный французскій ученый, интересовавшійся вопросомъ объ N лучахъ. Какъ вамъ можетъ быть извѣстно изъ отчетовъ, нѣкоторые люди могутъ видѣть эти лучи, а нѣкоторые не могутъ, и поэтому первою мыслью ученыхъ было конечно объ обманѣ чувствъ. Но излюбленная позиція нѣсколько пошатнулась, когда оказалось, что двое или трое ученыхъ, не видѣвши ранѣе N лучей, послѣ пре-

быванія въ полной темнотѣ въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ, достигли способности видѣть ихъ. Установленный, такимъ образомъ, фактъ представляетъ собою огромное значеніе для науки, тотъ фактъ, что благодаря упражненіямъ возможно развить въ себѣ способность видѣть болѣе, чѣмъ это доступно для нормальнаго зрѣнія. Ибо здѣсь мы имѣемъ дѣло съ совершенно новымъ методомъ, когда человѣкъ входитъ въ соприкосновеніе съ болѣе тонкими вибраціями, совершенствуя не внѣшній физическій аппаратъ, а внутренній аппаратъ своего собственнаго организма, методъ чрезвычайно распространенный на Востокѣ, гдѣ изслѣдователи придаютъ болѣе значенія усовершенствованію своихъ собственныхъ органовъ, чѣмъ механическихъ инструментовъ, помогающихъ наблюденіямъ извнѣ. Я не хочу этимъ сказать, что именно такіе эксперименты установили существованіе N лучей. Но они многое сдѣлали въ этомъ направленіи, и повтореніе подобныхъ опытовъ можетъ имѣть большое значеніе. Такимъ образомъ, мы добиваемся увеличенья тонкости обыкновеннаго человѣческаго зрѣнія благодаря тому, что подвергаемъ его опредѣленнымъ условіямъ.

Слѣдующая ступень развитія будетъ въ зависимости отъ того, что, нарушая равновѣсіе между мускульной и нервной системой, мы иногда можемъ вызвать бóльшую остроту зрѣнія и бóльшую тонкость слуха, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Когда человѣкъ обладаетъ сильнымъ и крѣпкимъ здоровьемъ, онъ остается слѣпъ и глухъ къ этимъ тонкимъ вибраціямъ. Но когда его мускульная сила уменьшается и является нервное напряженіе, вызванное-ли искусственными средствами въ родѣ поста (что особенно охотно употреблялось въ Средніе Вѣка), который, уменьшая физическую жизненность, дѣлаетъ нервную систему болѣе воспріимчивой, или же случайно, какъ при нервномъ переутомленіи, при этихъ условіяхъ возможно появленіе частичнаго ясновидѣнья, которое исчезаетъ, когда здоровье возстановится вполнѣ. Одна изъ моихъ старыхъ пріятельницъ, матеріалистка, отличалась въ этомъ смыслѣ замѣчательнымъ свойствомъ; интересно при этомъ отмѣтить, что несмотря на свое ясновидѣнье, она упорно оставалась невѣрующей матеріалисткой. Когда она переутомлялась или хворала, она видѣла тамъ, гдѣ—по ея убѣжденію *не было ничего.* Разъ она увидала при необыкновенныхъ условіяхъ своего друга, только что умершаго. Она видѣла въ сущности то, что мы называемъ „эфирный двойникъ“ и описывала съ точностью процессъ распаденія, которому эфирное тѣло подвергалось по

мѣрѣ разложенія его физическаго двойника; она передавала съ такою точностью, что каждый, знакомый съ этими фактами, могъ бы прослѣдить по ея описанію все видѣнное ею явленіе. Въ тѣ времена я не умѣла объяснить этого, но позднѣе я хорошо знала, *что* именно видѣла моя пріятельница. Другое явленіе, которое я наблюдала у нея же, относилось къ одному изъ ея знакомыхъ, съ которымъ она часто посѣщала концерты. Человѣкъ этотъ умеръ. Къ великому ея изумленію послѣ смерти господинъ этотъ явился однажды къ ней и пошелъ вмѣстѣ съ ней, разсуждая о музыкѣ съ такою живостью, что она съ трудомъ могла убѣдить себя, что онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ и она имѣетъ дѣло съ „обманомъ чувствъ". Объяснить это явленіе она не могла ничѣмъ. Въ этомъ случаѣ было то измѣненіе въ равновѣсіи, о которомъ я упоминала: истощеніе силы въ мускульной системѣ и чрезмѣрное напряженіе нервовъ. Обычное объясненіе такихъ явленій, будто это „галлюцинація", ровно ничего не объясняетъ, потому что неминуемо вызываетъ новый вопросъ: „а что такое галлюцинація"?

Галлюцинаціи эти чрезвычайно поучительны; тотъ фактъ, что онѣ появляются людямъ съ переутомленными нервами означаетъ то, что нервы вибрируютъ при высшемъ противъ обыкновенія напряженіи, и изъ того же факта вытекаетъ естественный выводъ, что будь такое высшее напряженіе возможно безъ потери физическаго здоровья, оно могло бы подвинуть насъ на значительный шагъ въ эволюціи, въ смыслѣ развитія нормальнаго зрѣнія.

Теперь мы подойдемъ къ другому разряду фактовъ, когда ясновидѣнье идетъ изъ той сферы, которую мы называемь „астральной", тогда какъ предыдущія явленія слѣдуетъ причислить къ отдѣлу „эфирныхъ". Подъ рубрикой „астральнаго зрѣнія" слѣдуетъ помѣстить большую часть появленій умирающихъ или только что умершихъ людей, являющихся своимъ близкимъ или незадолго до смерти, или непосредственно *послѣ* нея, и множество другихъ явленій, какъ „формы мыслей" и т. п. Среди нихъ встрѣчается очень любопытное явленіе, именуемое „второе зрѣніе", представляющее особенно значительный интересъ потому, что оно встрѣчается по большей части у людей мало культурныхъ, не особенно развитыхъ умственно, у которыхъ эмоціи преобладаютъ надъ интеллектомъ. У такой личности астральное тѣло очень дѣятельно, и въ немъ легко вызываются сильныя вибраціи. Кромѣ того, оно наклонно легко отвѣчать на вибраціи, идущія извнѣ, даже и тогда,

когда само находится въ состоянiи покоя. Если наблюдать еще пристальнѣе, мы замѣтимъ, что съ явленiями „второго зрѣнiя" дѣло идетъ не о томъ, что мы, теософы, назвали бы опредѣленнымъ *астральнымъ* зрѣнiемъ. Здѣсь мы имѣемъ вибрацiи въ астральномъ тѣлѣ характера скорѣе общаго, а не опредѣленное дѣйствiе въ тѣхъ центрахъ астральнаго тѣла, которые связаны съ астральнымъ зрѣнiемъ. Въ упомянутыхъ случаяхъ въ дѣятельное состоянiе приходятъ астральные центры, связанные съ физическимъ глазомъ, и это представляетъ большой интересъ, потому что физическiе органы чувствъ имѣютъ соотвѣтствующiе астральные дубликаты, астральные центры, но не тѣ, которые извѣстны въ теософическихъ ученiяхъ подъ названiемъ „чакрамовъ" или колесъ. „Чакрамы" органы астральнаго тѣла какъ *таковаго*, и они функцiонируютъ въ астральной сферѣ совершенно также, какъ физическiй глазъ въ физической сферѣ, но тѣ центры, которые мы условимся называть просто „астральные центры", соединены съ соотвѣтствующими физическими органами. Они „астральные" въ томъ смыслѣ, что представляютъ собою аггрегаты астральной матерiи въ астральномъ тѣлѣ. До нихъ не достигаютъ прямымъ путемъ впечатлѣнiя, идущiя отъ астральныхъ явленiй, которыя ясно видимы въ астральной сферѣ; они лишь воспринимаютъ астральныя вибрацiи и передаютъ ихъ физическимъ центрамъ, съ которыми они соединены, они представляютъ собою только соединительные мосты между астральнымъ и физическимъ мiрами, а не развитые астральные органы въ прямомъ смыслѣ этого слова. „Второе зрѣнiе" принадлежитъ къ этой группѣ, это—движенiе въ центрѣ астральныхъ чувствъ, передающееся физическому зрѣнiю; оно обладаетъ характернымъ признакомъ, отличающимъ его отъ настоящаго астральнаго зрѣнiя: это—по большей части *символическiй характеръ* второго зрѣнiя: оно передаетъ не опредѣленный случай, но символическое изображенiе того, что́ должно случиться. Въ извѣстный день года, который вѣроятно соединенъ въ горныхъ странахъ съ повѣрьемъ о появленiи того, кто долженъ въ этомъ году умереть, нѣкоторые горцы видятъ, какъ мимо нихъ проходитъ вереница ихъ сосѣдей; тотъ изъ нихъ, котораго не станетъ въ теченiе года, бываетъ окутанъ саваномъ и по тому признаку, на сколько саванъ бываетъ приподнятъ надъ фигурой обреченнаго, высчитывается, сколько времени остается до его смерти. Это явленiе символическое. Сцена эта имѣетъ мѣсто не въ астральной сферѣ, но ясновидящiй, который ее видитъ, передаетъ этимъ любопытнымъ символическимъ способомъ свое сверхфизическое

знаніе. Гдѣ настоящее ясновидѣнье, тамъ вещь видима такъ, какъ она есть, напримѣръ, когда видятъ тонущій корабль съ дорогимъ человѣкомъ на немъ, или другое ясное видѣніе подобнаго рода. Если сдѣлать еще шагъ далѣе, мы перейдемъ къ высшему ясновидѣнію, ментальному, когда въ физическій мозгъ проникаютъ вибраціи изъ ментальной сферы. Обыкновенно это бываетъ у геніевъ. Не рѣдко этого рода ясновидѣніе встрѣчается у художниковъ; художникъ видитъ и стремится видѣнное запечатлѣть на полотнѣ, и чѣмъ геніальнѣе художникъ, тѣмъ недовольнѣе онъ будетъ несовершенствомъ передачи того, что ему удалось видѣть въ моментъ вдохновенія. Но это будетъ уже не астральное, а ментальное ясновидѣнье. Тѣсно связана съ послѣднимъ тонкая форма ясновидѣнья, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ овладѣть новой истиной или общимъ принципомъ; напримѣръ, когда передъ ученымъ внезапно открывается принципъ, который синтезируетъ и разъясняетъ многое множество разрозненныхъ фактовъ. Когда онъ улавливаетъ основной законъ, благодаря которому хаосъ накопленныхъ наблюденій приходитъ сразу въ гармоническій порядокъ, ученый пользуется при этомъ безсознательно для себя одной изъ высшихъ формъ ментальнаго ясновидѣнья, и онъ при этомъ въ буквальномъ смыслѣ слова *видитъ*, хотя бы самъ онъ и не сознавалъ этого факта.

И такъ, мы различаемъ эфирное ясновидѣнье, которое можетъ быть достигнуто легкимъ напряженіемъ обыкновеннаго зрѣнія, или нарушеніемъ здороваго равновѣсія между мускульной и нервной системой, ясновидѣнье, появляющееся легко въ случаяхъ нервнаго напряженія и переутомленія. Затѣмъ мы имѣемъ чисто астральное ясновидѣнье, которое можетъ быть символическое и болѣе или менѣе смутное, или же, благодаря упражненіямъ, можетъ достигнуть отчетливости, опредѣленности и ясности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы беремъ ясновидящаго въ его нормальномъ состояніи, т. е. въ бодрствующемъ состояніи, а не въ трансѣ, и если такого рода астральное зрѣніе развивается посредствомъ тщательно проведеннаго метода, разумно и осторожно примѣняемыхъ пріемовъ, тогда получается астральное зрѣніе, которое дѣйствуетъ совмѣстно съ физическимъ зрѣніемъ, иными словами: получается *расширенное зрѣніе*. Подъ такимъ расширеннымъ зрѣніемъ я подразумѣваю способность человѣка видѣть въ нормальномъ состояніи и всѣ окружающія физическія существа, но рядомъ съ тѣмъ также и астральныя.

Такъ что для него міръ будетъ населенъ гораздо гуще, такъ

какъ онъ будетъ видѣть астральныя толпы, смѣшанныя съ физическими, и при этомъ нормальное сознаніе будетъ оставаться въ полной силѣ и наблюдать одновременно обѣ сферы: физическую и астральную.

Можно вызвать у самыхъ обыкновенныхъ людей астральное и даже ментальное зрѣніе, если привести ихъ въ состояніе транса.

Эти явленія крайне интересны, ибо если возможно у людей въ трансѣ извлекать способности, которыми они не владѣютъ въ бодрствующемъ состояніи, этимъ доказывается скрытое присутствіе такихъ способностей у человѣка, и, слѣдовательно, вопросъ только во времени, *когда* способности эти проявятся нормальнымъ образомъ. Мнѣ извѣстны многочисленные случаи, когда правильное ясновидѣнье было развито повторенными гипнотическими трансами. Въ этомъ случаѣ постепенное развитіе астральнаго зрѣнія проходило черезъ три опредѣленныя ступени: въ началѣ ясновидѣнье получалось въ трансѣ, которое было вызвано другимъ лицомъ; затѣмъ въ трансѣ, вызванномъ самимъ дѣйствующимъ лицомъ *безъ* участія посторонняго лица, и наконецъ ясновидѣнье начинаетъ появляться безъ всякаго транса въ нормальномъ состояніи бодрствующаго сознанія. Этотъ послѣдовательный путь имѣетъ особенно большое значеніе потому, что такъ много людей способно на ясновидѣнье въ искусственно вызванномъ гипнотическомъ трансѣ. Приведу одинъ случай, который кажется мнѣ особенно интереснымъ въ виду того, что онъ произошелъ съ человѣкомъ, многимъ въ Англіи извѣстнымъ, а также и въ виду его крайней обыденности. Это случилось съ моимъ другомъ, покойнымъ Чарльзомъ Брэдло*). Какъ извѣстно, онъ не вѣрилъ въ загробную жизнь. Онъ былъ матеріалистъ въ философскомъ смыслѣ слова, не вѣрилъ въ безсмертіе души человѣческой, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень сильный гипнотизеръ и ему удавались замѣчательные случаи исцѣленія. Онъ любилъ употреблять свою силу, хотя и не понималъ ея источника; но онъ былъ искренній человѣкъ и не могъ отрицать фактовъ, которые происходили подъ его собственнымъ контролемъ.

Онъ гипнотизировалъ отъ времени до времени свою жену, и въ трансѣ она становилась ясновидящей, что не мало удивляло его. Однажды, подъ его вліяніемъ, она впала въ трансъ, когда оба они были за нѣсколько сотъ миль отъ Лондона; тогда онъ сдѣлалъ ей внушеніе—интересно, что онъ при этомъ самъ не

*) Извѣстный англійскій парламентскій дѣятель, свободомыслящій, писалъ подъ псевдонимомъ „Иконокластъ“, умеръ въ 1891 году.

вѣрилъ въ то, что дѣлалъ—пойти въ типографію газеты National Reformer, гдѣ печаталась его статья, и сказать ему, что она тамъ увидитъ. Черезъ нѣкоторое время она воскликнула: „О глупая женщина! Она поставила большое R вверхъ ногами!" На другой день корректура была ему прислана по почтѣ, и онъ нашелъ букву R, перевернутую наборщицей, какъ ему сказала жена въ трансѣ, и этотъ случай остался для него навсегда необъяснимымъ. Онъ, конечно, *не могъ* знать, что именно въ эту минуту набиралась его статья и что наборщица перевернула букву R, слѣдовательно, мысленнаго внушенія здѣсь не могло быть. Этотъ случай имѣетъ особенную цѣнность благодаря тому, что онъ произошелъ съ людьми *не*вѣрившими, и что онъ не объяснимъ ничѣмъ инымъ, кромѣ того, что жена Брэдло *дѣйствительно* видѣла то, что утверждала. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ясновидѣньемъ на большомъ разстояніи въ трансѣ, а если такое ясновидѣнье возможно въ трансѣ, нѣтъ никакого основанія утверждать, что оно не возможно *внѣ* транса. Въ трансѣ люди становятся нечувствительными къ грубымъ вибраціямъ физической сферы, поэтому сравнительно нѣжныя высшія вибраціи, къ которымъ въ нормальномъ состояніи они не чувствительны, однѣ только и слышны имъ. Если вы будете стоять на шумномъ Ковентъ Гарденскомъ рынкѣ, вы не въ состояніи будете ясно разслышать нѣжный мотивъ, тихо наигрываемый на скрипкѣ; но тотъ же самый мотивъ, сыгранный нисколько не громче, будетъ совершенно ясно слышанъ въ тишинѣ ночи, каждая его нота будетъ отчетливо восприниматься ухомъ. Совершенно то же бываетъ съ человѣкомъ, находящимся въ трансѣ.

Вибраціи, которыя окружаютъ его и въ нормальномъ состояніи, но которыя тонутъ въ шумныхъ вибраціяхъ физической сферы, достигаютъ ясно до его слуха, когда шумныя физическія вибраціи стихаютъ. Это не значитъ, что тонкія вибраціи не могутъ достигать до его слуха въ нормальномъ состояніи; онѣ достигаютъ, но онъ ихъ не замѣчаетъ потому, что человѣкъ способенъ сознавать только то, на что обращено его вниманіе. Но если эволюція дѣйствительно существуетъ, и если силы природы не истощились, и если можетъ быть нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ наши пять чувствъ, тогда нетрудно допустить, что болѣе тонкія чувства, о которыхъ шла рѣчь, дѣйствительно существуютъ, и хотя на данной ступени развитія они находятся лишь въ зачаточномъ состояніи, современемъ они разовьются до полнаго совершенства у всѣхъ людей. Слѣдуетъ проникнуться сознаніемъ,

что вся наша организація находится въ процессѣ развитія, и всѣ явленія, о которыхъ была сейчасъ рѣчь, не только не сверхъестественны, но современемъ станутъ такими же обыденными, какъ наши теперешнія пять чувствъ.

Тоже самое относится и къ „яснослышанью". Относительно послѣдняго мы имѣемъ два всѣмъ извѣстные историческіе примѣра, упоминаемые въ книгѣ Майерса, которые я считаю особенно интересными потому, что дѣйствительность ихъ установлена неоспоримо. Я говорю о явленіяхъ, бывшихъ съ Сократомъ и съ Іоанной д'Аркъ. Въ случаѣ съ Сократомъ послѣдній ничего не видѣлъ, но слышалъ голосъ, который звучалъ только тогда, когда Сократъ собирался поступить дурно, или когда его поступокъ могъ помѣшать какому-нибудь полезному дѣлу. Изъ многочисленныхъ явленій, записанныхъ Сократомъ, я приведу два, которыя считаю особенно интересными: одинъ изъ нихъ извѣстный случай, когда человѣкъ, сидѣвшій съ нимъ за ужиномъ, намѣревался совершить убійство, при чемъ это намѣреніе не было извѣстно никому изъ присутствовавшихъ; человѣкъ этотъ всталъ изъ-за стола, а „голосъ" приказалъ Сократу остановить его, и онъ остановилъ его и удержалъ за столомъ. Во второй разъ человѣкъ этотъ всталъ, чтобы уходить, и во второй разъ „голосъ" предупредилъ Сократа, и снова Сократъ остановилъ его. Когда же человѣкъ тотъ всталъ въ третій разъ, „голосъ" молчалъ, и онъ, несмотря на двойное предупрежденіе (Сократъ оба раза объяснялъ ему, *откуда* исходитъ внушеніе), все же пошелъ навстрѣчу своему року. Второй случай былъ съ Сократомъ передъ его собственною смертью. Предупреждавшій его „голосъ" молчалъ, когда онъ шелъ. чтобы произнести свою рѣчь, вызвавшую его смертный приговоръ; и все время, когда онъ произносилъ слова, за которыя его осудили на казнь, „голосъ" продолжалъ молчать; когда же Сократъ узналъ о своемъ смертномъ приговорѣ, онъ выразилъ, что „разъ голосъ не остановилъ его рѣчи, ясно, что смерть его не можетъ быть зломъ"; такое заключеніе можно назвать великолѣпнымъ образцомъ того, *какъ* слѣдуетъ относиться къ такъ-называемымъ „сверхъестественнымъ" событіямъ. Въ немъ сказалось сознаніе, что смерть только переходъ къ высшему состоянію, котораго не слѣдуетъ избѣгать.

Другой примѣръ съ Іоанной д'Аркъ особенно интересенъ въ томъ отношеніи, что вся эта исторія получила юридическое подтвержденіе, и показанія самой Іоанны, знавшей, что они угрожаютъ ей казнью, и перекрестные допросы знатоковъ слѣдственнаго дѣла, имѣвшіе

цѣлью поколебать ея показанія—допросы, повторявшіеся день за днемъ въ расчетѣ на то, что она сдастся или запутается въ противорѣчіяхъ, ея постоянное утвержденіе одного и того же, за исключеніемъ одной только минуты слабости, вслѣдъ за которой она снова продолжала утверждать, что *дѣйствительно* слышала голоса свыше. Здѣсь мы имѣемъ ясное, опредѣленное, нѣсколько разъ повторенное свидѣтельство. Правдивость же его можно провѣрить на основаніи фактовъ ея жизни, которые свидѣтельствуютъ, что необразованная крестьянская дѣвушка дѣйствительно совершила все то, что повелѣвалъ ей слышанный ею голосъ. Если все это взять въ соображеніе, получится свидѣтельство глубокаго значенія, способное выдержать самую строгую провѣрку.

Признавая подлинность такихъ фактовъ, прежде чѣмъ итти далѣе, посмотримъ, *какія опасности* могутъ быть соединены съ ними. Хорошо извѣстно, что появленіе голосовъ—одинъ изъ самыхъ обычныхъ признаковъ угрожающаго помѣшательства. Когда кто-либо начинаетъ слышать голоса, психіатры качаютъ головами, и это дѣйствительно признакъ чрезмѣрнаго напряженія нервной системы, которое легко можетъ перейти въ сумасшествіе. Но оставляя въ сторонѣ это соображеніе, *что* такое эти голоса? Откуда идутъ они? Эти голоса идутъ изъ астральной сферы. Вы можете на это возразить: „но они часто высказываютъ совершенно неразумныя вещи". А въ физическомъ мірѣ развѣ мы не слышимъ зачастую совершенно неразумныя вещи? И я не думаю, чтобы сказанное астральными голосами могло превзойти по неразумію тѣ вещи, которыя мы изо дня въ день слышимъ здѣсь на землѣ. Бываютъ и такіе случаи, когда астральный голосъ подстрекаетъ къ преступленію. И тогда можетъ случиться, что человѣкъ, получившій подобный импульсъ, но еще не потерявшій власти надъ собой, скажетъ: „я чувствую страшное желаніе убить кого-нибудь". И если спросить его: убить опредѣленную личность? онъ отвѣтитъ отрицательно. Совершенная неразумность подобнаго побужденія признается съ полнымъ основаніемъ за признакъ умственнаго разстройства. И несомнѣнно, что за такимъ человѣкомъ необходимъ надзоръ, такъ какъ вполнѣ возможно, что подъ вліяніемъ внушенія онъ можетъ перейти къ выполненію преступнаго дѣла.

Откуда же приходятъ эти внушенія? Нерѣдко отъ убійцы, который совершилъ преступленіе и, благодаря неразумію человѣческихъ законовъ, былъ подвергнутъ казни, вслѣдствіе чего перешелъ изъ физической въ астральную сферу, гдѣ и получилъ полную возможность блуждать на свободѣ, стараясь заставить дру-

гихъ повторить свое преступленіе. Это особенность всѣхъ преступниковъ, что они въ астральномъ тѣлѣ снова и снова повторяютъ то самое преступленіе, за которое были лишены физическаго тѣла. Мало того, такой освобожденный преступникъ будетъ стремиться внушить то-же желаніе и тому изъ живущихъ на землѣ, кто имѣетъ наклонность отзываться на подобныя внушенія, особенно если нервы послѣдняго чрезмѣрно натянуты, и нарушено то нормальное равновѣсіе, при которомъ астральныя вибраціи *не* доходятъ до сознанія. Такимъ образомъ непонятная потребность убивать можетъ исходить отъ казненнаго преступника, котораго по недоразумѣнію считаютъ безвреднымъ, въ дѣйствительности же онъ можетъ быть въ астральной сферѣ гораздо опаснѣе, чѣмъ въ земной тюрьмѣ. Пока преступники остаются въ физическомъ тѣлѣ, въ виду того, что большинство изъ нихъ неразвитые люди, они почти не могутъ вредить силою мысли; но съ того момента, какъ ихъ освободили изъ физическаго тѣла, самая ихъ грубость и неразвитость дѣлаютъ ихъ крайне дѣятельными въ низшихъ областяхъ астральной сферы, откуда очень легко вступать въ сношенія съ живыми людьми. Долгъ общества стараться исправлять ихъ, а не выпускать на свободу, давая имъ возможность причинять вредъ дурными внушеніями. Но оставляя въ сторонѣ этотъ частный вопросъ, какой смыслъ заключенъ въ такихъ явленіяхъ?

Они даютъ необходимое предупрежденіе, что къ голосамъ и видѣніямъ изъ эфирной и астральной области нужно относиться такъ же, какъ мы относимся къ голосамъ и видѣніямъ, достигающимъ нашего сознанія черезъ физическіе органы. Необходимо отказаться отъ мысли, что разъ то или другое достигаетъ до вашего сознанія ненормальнымъ путемъ, оно по одному этому должно быть и хорошо и истинно. Въ дѣйствительности, такъ же безразсудно слѣдовать внушеніямъ, идущимъ изъ астральной сферы, не взвѣшивая и не обсуждая ихъ, какъ безразсудно было бы, проходя по Уайтчапелю, поддаваться каждому внушенію, идущему отъ перваго встрѣчнаго, проходящаго по улицѣ. Необходимо все, достигающее до насъ изъ потусторонняго міра, пропускать черезъ критику разума и совѣсти, и если исполненіе полученнаго внушенія не можетъ быть одобрено разумомъ и совѣстью, слѣдуетъ отказаться отъ него; иначе чѣмъ болѣе будетъ расти ваша чувствительность, тѣмъ легче будетъ для васъ подпасть подъ вліяніе дурного внушенія.

Можно дѣлать эксперименты, но только тогда, когда эксперименты эти не представляютъ опасности. Есть много вещей, ко-

торыя сенситивная личность можетъ видѣть и слышать безъ вреда для кого бы то ни было. Если слышится голосъ, говорящій, что вашъ другъ, свиданіе съ которымъ доступно, въ большой бѣдѣ и вы можете, не рискуя ничѣмъ, кромѣ возможности ошибиться, пойти къ своему другу, сдѣлать это *слѣдуетъ*. Только благодаря постояннымъ упражненіямъ можно научиться различать такія вещи. И если бы вы убѣдились, что вашъ другъ *не* нуждался въ васъ, отмѣтьте этотъ фактъ, но постарайтесь разобрать снова всѣ обстоятельства, при которыхъ произошло внушеніе, и понять, отчего могла выйти ошибка или недоразумѣніе. Записывайте всѣ такія наблюденія, и они послужатъ вамъ полезнымъ руководствомъ въ будущемъ. Но если бы вашъ другъ находился въ дали и вамъ трудно лично провѣрить, находится ли онъ дѣйствительно въ опасности, тогда дѣйствуйте обычнымъ путемъ—черезъ телеграмму или почту. И все же отмѣтьте, вѣрно или невѣрно было внушеніе.

Во всѣхъ сношеніяхъ съ потусторонними мірами необходимо руководствоваться велѣніями здраваго смысла, такъ же какъ и въ физическихъ сношеніяхъ, и не допускать атмосферы страха или почитанія только потому, что вы получаете какое-либо впечатлѣніе не обычнымъ путемъ, а черезъ тотъ проводникъ, который въ наше время у большинства находится еще въ зачаткѣ. Иначе вы будете итти путемъ легкомыслія и суевѣрія, а не путемъ знанія и опыта.

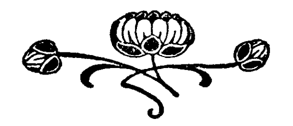
И все же не нужно никогда забывать, что именно по этимъ линіямъ подвигается эволюція; что у человѣчества развиваются болѣе тонкія и болѣе острыя чувства; что небольшое число людей уже вполнѣ развило въ себѣ эти чувства, и такіе люди были въ прошломъ, имѣются и въ настоящемъ, и что чувства эти разовьются нормальнымъ образомъ у всѣхъ, когда мы перейдемъ на высшую космическую ступень эволюціи.

Не слѣдуетъ только повторять собою то же неразуміе, какое милліоны лѣтъ назадъ, когда еще не было глазъ, могло обнаруживать слѣпое существо, если оно поднимало на смѣхъ другое существо, у котораго уже появились первые зачатки зрѣнія, слабая способность различать между темнотой и свѣтомъ. Нужно всегда памятовать эти два неподлежащіе сомнѣнію факта: что мы еще несовершенны, и что мы находимся въ стадіи неустаннаго развитія. Никогда не забывая эти основныя положенія, вы будете въ состояніи вынести полезные выводы изъ всѣхъ ненормальныхъ явленій, бывающихъ съ вами или съ вашими друзьями. Разсматривая ихъ безъ страха, безъ недолжнаго любопыт-

ства и возбужденія, не теряя головы и тщательно провѣряя и изучая ихъ, вы этимъ дѣйствительно можете ускорить свое психическое развитіе. И если физически видѣть лучше, чѣмъ оставаться слѣпымъ, слышать лучше, чѣмъ быть глухимъ, говорить лучше, чѣмъ быть нѣмымъ, то совершенно въ такой же мѣрѣ лучше имѣть утонченныя чувства, которыя способны функціонировать не въ одной только земной средѣ, а и въ болѣе широкихъ областяхъ вселенной. Потому что рядомъ съ однимъ безуміемъ провозглашающихъ, что такихъ явленій вовсе не существуетъ, и другимъ безуміемъ, которое слѣпо принимаетъ все слышанное, существуетъ и третье безуміе, не желающее считаться съ тѣмъ, что составляетъ внутреннюю суть вещей и считающее полезнымъ закрывать глаза на явленія, которыя отмѣчаютъ собою новую ступень на пути эволюціи.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Перев. Е. П.

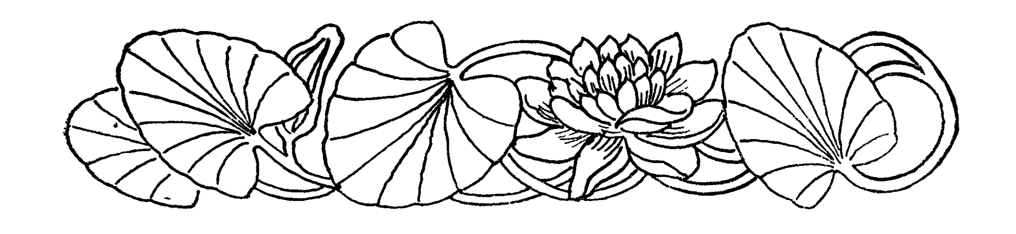
Ищи въ сердцѣ своемъ источникъ зла и вырви его. Онъ живетъ и приноситъ плоды въ сердцѣ преданнаго ученика такъ же, какъ и въ сердцѣ, полномъ желанія. Только сильный можетъ убить его... Тотъ, кто хочетъ вступить на стезю могущества, долженъ вырвать эту вещь изъ своего сердца. И тогда сердце начнетъ истекать кровью и вся жизнь покажется разрушенной. Это испытаніе *необходимо* выдержать... Собери для этого всѣ силы души своей, живи не въ настоящемъ и не въ будущемъ, живи только въ Вѣчномъ. *Тамъ* этотъ буйно разрастающійся побѣгъ не можетъ расцвѣсти: онъ погибаетъ въ атмосферѣ вѣчной мысли.

„Свѣтъ на Пути".

* * *

Миръ, котораго ты долженъ жаждать, есть тотъ ничѣмъ невозмутимый священный миръ, въ которомъ душа растетъ, какъ священный цвѣтокъ на тихихъ водахъ лагуны. И та власть, которой ученикъ долженъ добиваться, придаетъ ему видъ ничтожества въ глазахъ толпы.

„Свѣтъ на Пути".

Исторія Года.

Глава II *).

Пройдя черезъ мракъ отчаянья и понявъ, что всякое обладаніе лишь временно, что все мѣняется и исчезаетъ, Ученикъ готовъ пожертвовать всѣмъ, что́ имѣетъ, дабы служить божественной жизни, которая одна лишь сохраняется вѣчно и неизмѣнно. Отнынѣ онъ знаетъ, что и онъ самъ—существо измѣнчивое и преходящее и онъ готовъ отдать самую душу свою ради того, чтобы питался божественный зародышъ, глубоко скрытый въ немъ, который спасетъ его отъ колебаній и непостоянства, господствующихъ надъ матеріальной жизнью.

Вотъ первая и простѣйшая формула, произносимая при Церемоніи Посвященія:

Посвящаю духъ, долженствующій родиться внутри меня, служенію великому Духу Любви.

Въ наступающемъ году я буду пребывать въ Святилищѣ Любви.

Я не нарушу законовъ этого Святилища души.

Я буду помнить, что не долженъ просить любви, а долженъ давать любовь; что я долженъ отдать міру всего себя.

Я не буду дѣлать зла никому; я буду прощать всѣмъ. Въ отвѣтъ я желаю лишь одного: чтобы духъ, долженствующій родиться во мнѣ втеченіи этого мѣсяца, былъ признанъ Братствомъ душъ за душу, причастную вѣчной Любви.

Когда эта формула произнесена, Ученикъ дѣлаетъ глубокій поклонъ и наступаетъ тишина. Та тишина, въ которой говоритъ

*) См. „Вѣстн. Теософіи“ № 1, стр. 55.

Голосъ Безмолвія. Индивидуальность Ученика опредѣлилась, въ мірѣ Духа онъ признанъ и принятъ. Вѣсть, передающая ему о томъ, слышна въ его собственномъ сердцѣ, а также и въ сердцахъ тѣхъ, которые способны разслышать Голосъ Безмолвія, но до земного слуха тотъ Голосъ достигнуть *не* можетъ.

Толпа еще непрозрѣвшихъ душъ, которыя въ неясномъ полусознаніи уже испытываютъ влеченье стать частью божественнаго тѣла Любви, появляются въ этомъ великомъ событіи изъ драмы Міровой Души, но не съ открытымъ лицомъ, а съ наброшеннымъ покрываломъ... Въ этомъ сборищѣ участвуютъ тѣ, которые еще не докончили своего развитія, которые вѣрятъ въ своихъ личныхъ учителей и слѣпо вѣрятъ въ Бога, на котораго уповать ихъ учили съ дѣтства.

Сила и чистота ихъ желанія даетъ имъ право участвовать въ радостяхъ и страданіяхъ Посвященія, но они переживаютъ это участіе въ темнотѣ, въ темнотѣ души, еще не просвѣщенной истиннымъ Свѣтомъ.

Но, при свѣтѣ или въ темнотѣ, Духъ *долженъ* преклониться въ Святой Святыхъ своей души. Этотъ мигъ въ жизни Духа называется въ оккультизмѣ „глубокимъ поклономъ".

Когда же описанная Церемонія окончена и вполнѣ пережита, ученикъ достигаетъ ступени новаго знанія и развитія, которыя уже не могутъ быть утеряны никогда. Право присутствовать при этомъ пріобрѣтается чаще всего побѣдою надъ чувствомъ законнаго негодованія, вызваннаго испытанной обидой или несправедливостью. Ничто, кромѣ большой личной жертвы и самоотреченія подобнаго рода, не даетъ этого права. Подобное самоотреченіе, сотворенное въ духѣ, имѣетъ абсолютное значеніе, оно покрываетъ не отдѣльный случай несправедливости или обиды, но всѣ возможные случаи несправедливости и обиды. Въ позднѣйшихъ переживаніяхъ Ученику несравненно труднѣе побѣдить негодованіе при видѣ несправедливости, нанесенной другимъ, и особенно беззащитнымъ. Но прошедшій черезъ Церемонію Посвященія долженъ пройти въ свое время и черезъ бо́льшія глубины проникновенія, совершенство котораго будетъ расти по мѣрѣ усилій Ученика.

Припомните слова Великаго Учителя, обращенныя къ Его Ученикамъ: „гдѣ двое или трое собрались во Имя Мое, тамъ Я буду съ ними".

Первое опытное оккультное усиліе, предстоящее тѣмъ „двоимъ или троимъ", которые стремятся къ единенію, состоитъ въ

томъ, чтобы—присутствуя на Церемоніяхъ—узнать другъ друга въ духѣ. Но это возможно лишь тогда, когда каждый изъ двухъ или трехъ уже прошелъ по одиночкѣ черезъ Церемоніи и завоевалъ право присутствовать на нихъ сознательно во всѣ времена. И тогда, при возобновленіи Церемоній, возможно что эти двое или трое встрѣтятся въ духѣ и узнаютъ другъ друга и пройдутъ рука съ рукой черезъ болѣе глубокія мистеріи. Безъ такого товарищества почти невозможно вынести испытанія послѣднихъ Церемоній. Но нужно при этомъ твердо помнить, что „узнать" означаетъ здѣсь явленіе внутренней жизни, а никакъ не внѣшней, въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Ни дружба, ни любовь, какъ эти чувства понимаются человѣкомъ, пока онъ еще только человѣкъ, не могутъ представлять собою вѣрнаго указанія. И это абсолютно вѣрно, хотя бываетъ иногда, что эти чувства, называемыя нами дружбой или любовью, и служатъ выраженіемъ истиннаго союза духа.

Но никогда не слѣдуетъ смѣшивать это духовное единство съ внѣшнимъ союзомъ, какъ бы чистъ и глубокъ онъ ни былъ; самый фактъ устремленія вниманія въ невѣрномъ направленіи влечетъ за собою неминуемое возмездіе.

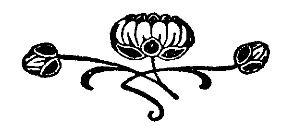
Какъ разъ во время оккультныхъ Церемоній происходитъ встрѣча членовъ Бѣлаго Братства, когда принадлежащіе къ божественному Ордену Любви впервые узнаютъ о существованіи другъ друга. Если, достигнувъ сознательности въ астральномъ мірѣ, Ученикъ узнаетъ въ рядомъ стоящемъ друга или возлюбленнаго земного своего существованія, тогда его успѣхъ на духовномъ пути достигъ высокой ступени. Ибо только послѣ многихъ и многихъ усилій удается Ученикамъ соединиться рука съ рукой въ физическомъ мірѣ. Но возможнымъ это можетъ стать лишь когда божественное въ человѣкѣ окрѣпнетъ и войдетъ въ силу настолько, чтобы могъ развернуться въ немъ лепестокъ цвѣтка—Лотоса *), нѣжный ароматъ котораго усилится при этомъ до столь явнаго благоуханія, что станетъ доступенъ даже и для земныхъ чувствъ. Но если бы это и случилось (и благословенъ тотъ, кому дается столь рѣдкій даръ), никто, кромѣ Посвященныхъ высшей ступени, не въ состояніи узнать о томъ иначе, какъ въ астральномъ сознаніи. Остальные могутъ вѣрить въ это такъ глубоко,

*) „Лотосъ" или „Чакрамъ" такъ называются въ оккультизмѣ тѣ органы будущей эволюціи человѣка, которые имѣются въ зачаточномъ состояніи у всѣхъ людей; въ вполнѣ развитомъ состояніи они служатъ посредниками между земнымъ сознаніемъ человѣка и астральнымъ и духовнымъ мірами.

что ихъ увѣренность почти равносильна знанію, и все же она должна оставаться для нихъ прекраснымъ романтическимъ предметомъ вѣры, дающимъ радость и помощь до тѣхъ поръ, пока отношеніе къ ней останется должное. Но основывать на ней свою дѣятельность, даже самую безкорыстную, нельзя. Законы Природы не могутъ быть нарушены безъ противодѣйствія съ ихъ стороны, и совершенно такъ же проявляются и законы высшихъ міровъ. Одинъ изъ первѣйшихъ принциповъ оккультизма или религіи власти требуетъ, чтобы человѣкъ работалъ въ гармоніи съ силами жизни. Поступая такъ, онъ пользуется этими силами; противодѣйствуя имъ, онъ неизбѣжно навлекаетъ на себя страданіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. Е. П.

Раскрытіе цвѣтка, это—тотъ дивный мигъ, когда пробуждается духовное вѣдѣніе: съ нимъ наступаетъ увѣренность, знаніе, довѣріе. Душа какъ бы останавливается въ восхищенномъ изумленіи. Слѣдующій за этимъ мигъ удовлетворенія и есть „неизрѣченная тишина". Знай, ученикъ, что тѣ, которые прошли черезъ эту тишину, приняли ея миръ и постигли ея силу. Они жаждутъ, чтобы и ты прошелъ черезъ нее. Вотъ почему каждый ученикъ, способный войти въ „Храмъ Познанія", *всегда* найдетъ своего Учителя.

„Свѣтъ на Пути".

* * *

Только отзвуки великой пѣсни Жизни достигнуть до твоего слуха, пока ты все еще человѣкъ. Но если ты будешь прислушиваться къ ней такъ, чтобы ни одна изъ ея мелодій не потерялась для тебя, и будешь стремиться познать отъ нея глубокій смыслъ окружающей тебя тайны, тогда ты сдѣлаешься своимъ собственнымъ учителемъ.

„Свѣтъ на Пути".

* * *

ЛЮБОВЬ.

(На слова 1-го посланія Апостола Павла къ Коринөянамъ, глава 13, 1—8).

Если бъ я языки всѣхъ народовъ позналъ;
Если бъ ангеловъ Божіихъ рѣчь понималъ;
Но любви нѣтъ во мнѣ,—какъ Апостолъ сказалъ:
Я лишь звонкая мѣдь и звучащій кимвалъ.

*
* *

И познаніе тайнъ, и пророчества даръ,
Сильная вѣра—спасенья залогъ....
Все безъ теплой любви—все безслѣдно, какъ паръ,
Если бъ и горы подвигнуть я смогъ.

*
* *

Если тѣло свое я отдамъ на сожженье;
Если бѣднымъ раздамъ свое я имѣнье;
Но любви не имѣю къ общинѣ людской,—
То и пользы не будетъ мнѣ въ томъ никакой!

*
* *

Любовь долготерпитъ, любовь не гордится
И не ищетъ нигдѣ никогда своего;
Она все покрываетъ, со всѣми мирится
И ни въ чемъ никогда не винитъ никого.

*
* *

Она вѣритъ всему, она все переноситъ,
Правдѣ сочувствуетъ и неправдѣ чужда;
Обо всѣхъ она Богу молитвы возноситъ. ..
Всюду она, гдѣ взываетъ нужда.

*
* *

Хоть науки исчезнутъ и не будетъ твореній ума;
И народы сотрутся и языковъ не будетъ тогда;
Хоть міры пропадутъ и покроетъ все тьма,—
Но любовь пребыла и пребудетъ всегда!

*
* *

ГНОСТИЧЕСКІЙ ГИМНЪ.

Посв. Вячеславу Иванову.

Славься Марія!
Хвалите, хвалите
Крестныя тайны
Во тьмѣ естества.
Mula-Prakriti *)—
Покровъ Божества!

Дремная греза
Отца Парабрамы
Сонная Майа—
Праматерь-матерія.
Грёза изъ грезы
(Вскрываются храмы)
Жертвы и смерти
Живая мистерія...

Марево-Мара
Море безмѣрное.
Amor-Maria—
Звѣзда надъ морями.
Мѣрною рябью
Разбилась вселенная.
Въ ритмѣ вскрывается
Тайна глубинная:
Въ пѣнныя крылья свои голубиныя.

Моремъ овита
Изъ влаги рожденная
Мать Афродита...
Звѣзда надъ морями.
— Море-Марія...

*). Первозданная матерія. См. прим. на стр. 18. *(Прим. ред.)*.

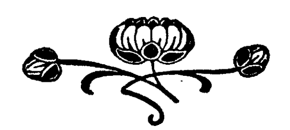
Майею въ мірѣ рождается Будда,
Въ областяхъ звѣздныхъ
Надъ міромъ царитъ.
Вѣрьте Свершителю вышняго чуда:
Пламя угасшее въ безднахъ
Горитъ...

— Майа-Марія!..
Майа, принявшая Бога на крестъ,
Майа, зачавшая Вечеръ-Гермеса,
Съ пламени вѣщихъ несущихся звѣздъ
Сорвана Дня голубая завѣса...
— Майа-Марія...

Мы въ безднахъ погасли,
Мы кругъ завершили,
Мы въ темныя ясли
Бога сложили...

Ave Maria!...

Максимиліанъ Волошинъ.

ТРИМУРТИ.

О Брама! Ты Одинъ начало всѣхъ рожденій,
Душъ нашихъ, обликовъ и формъ земныхъ Творецъ;
Отъ Твоего зерна мы всѣ взросли, Отецъ,
О Брама, смыслъ причинъ и сущность всѣхъ движеній.

* * *

О Вишну! Какъ Твоихъ не видѣть откровеній,
Живительный родникъ для жаждущихъ сердецъ;
Вѣдь тщетно никогда не молитъ вѣрный жрецъ...
О Вишну! Мой Господь, Спаситель, добрый геній.

* * *

О Шива! На Тебя надежда вся моя,
Освободитель—Духъ, къ закону бытія
Пріютъ готовящій и миръ послѣдній намъ.

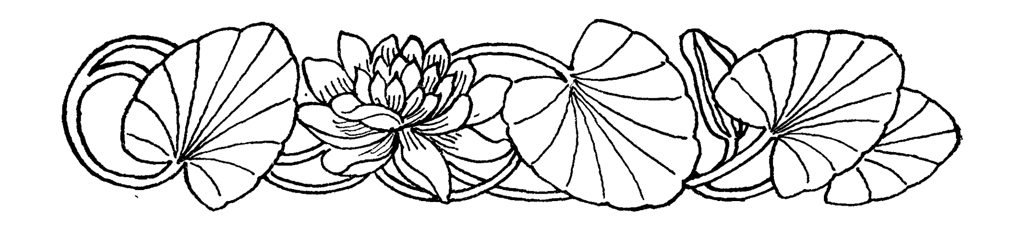
* * *

О Брама, Вишну, Шива! Въ лицахъ трехъ Единый
Невидимый, Живый и Нераздѣльный Брамъ,
Единосущный Богъ безъ края, безъ средины.

* * *

(Продолженіе слѣдуетъ).

Б. Форшъ.

Передъ вратами.

(Сказка).

Къ Сидящему на престолѣ два лучезарныхъ подвели человѣка, а архангелъ, указывая огненнымъ мечомъ на его сердце, произнесъ:

Вотъ еще одинъ принесшій въ цѣлости Печать Твою.

— Уготовь ему мѣсто,—сказалъ Сидящій на престолѣ архангелу съ мечомъ, а прочимъ лучезарнымъ сдѣлалъ знакъ подойти, и они, окруживъ человѣка своими бѣлыми крыльями, отдѣлили его отъ мрака, изъ котораго онъ пришелъ.

Человѣкъ, разбитый послѣдними усиліями освобожденія, стоялъ опустивъ голову.

Говори, какъ жилъ и почему не затемнилъ Печати Отца?—спросилъ Ангелъ.

-- Въ этомъ нѣтъ моей заслуги—проговорилъ человѣкъ. Я не затемнилъ твоей Печати, Отецъ, только потому, что совершеннѣе знака не встрѣтилъ на пути своемъ, ничего ярче, чѣмъ могъ бы ее замѣнить. И стереть ее я не пытался: вѣдь только благодаря ей—царской Печати—я помнилъ, что я твой сынъ, сынъ Царя, такъ какъ наслѣдства Твоего на землѣ я былъ лишенъ на всю свою жизнь.

Что говоритъ онъ, мы не понимаемъ?!—сказали лучезарные.

— Вы, отъ вѣка чистые, знающіе любовь,—слушайте о страданіи—сказалъ лучезарнымъ Сидящій на престолѣ и, взявъ человѣка за руку, поставилъ его прямо передъ собой.

Говори все—тихо признесъ Онъ.

— Я былъ еще очень маленькимъ ребенкомъ,—началъ человѣкъ, когда на всемъ и вездѣ увидалъ только одну дивную Печать Твою. Зло было чуждо мнѣ, и даже цвѣтка я не могъ сорвать, потому что онъ былъ прекрасенъ.

Со свѣтлой улыбкой довѣрія подошелъ я къ саду радостнаго дѣтства, гдѣ были матери съ нѣжными руками.

Твоя Печать горѣла на оградѣ, и ровные утренніе лучи Твоего солнца ласкали зеленыя лужайки съ цвѣтами, гдѣ дѣти весело играли въ мячъ и спускали кораблики въ смѣющіеся ручьи.

Я свѣрилъ Печать на оградѣ съ Печатью въ сердцѣ моемъ, линіи всѣ совпали, и, не сомнѣваясь въ своемъ правѣ, я рукой сына взялся за дверь въ садъ Отца моего.

Но сторожъ сада радостнаго дѣтства, Твой слуга, подошелъ ко мнѣ со свиткомъ и сказалъ: тебѣ здѣсь нѣтъ мѣста, ты не записанъ.

Но вѣдь это садъ моего Отца, гдѣ же мнѣ быть какъ не у него? удивился я. И почему садъ полонъ не Его дѣтьми, а чужими... Я не вижу у нихъ въ сердцѣ моей Печати. Смотри, они рвутъ цвѣты и убиваютъ птицъ для забавы. Отецъ вѣрно не знаетъ объ этомъ, а то бы онъ выгналъ ихъ изъ сада.

— Повѣрь, Отецъ твой знаетъ, для чего онъ назвалъ полный садъ гостей, такъ что тебѣ, родному сыну, пришлось остаться у ограды. Но ты помнишь обязанности любящаго сына? Съ радостью долженъ ты уступить свое мѣсто приглашеннымъ.

— Да будетъ воля Отца, покорно сказалъ я, ребенокъ, и остался все мое дѣтство стоять за оградой сада безмятежной радости.

Скоро одежда, въ которой я пришелъ, износилась, и не было руки, чтобы соткать мнѣ новую. Незащищенный ничѣмъ отъ холода, я скоро промерзъ до самой глубины моего дѣтскаго сердца.

Прижавшись къ оградѣ, я жадно слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ саду. Когда рука нѣжной матери ласкала равнодушнаго сына, я мысленно подставлялъ свою щеку, и такъ сильно было мое желаніе тепла, что вѣтеръ приносилъ мнѣ теплоту руки чужой матери.

Часто, лишенный игрушекъ, голодный, одной силой своего воображенія я все имѣлъ черезъ отверстіе ограды; я имѣлъ даже больше, чѣмъ дѣти, позванные въ садъ.

Руку матери, которую они докучливо отталкивали, чтобы бѣжать къ играмъ, я чувствовалъ весь день на своей щекѣ, чтобы я ни дѣлалъ вмѣстѣ съ ними...

Но иной разъ, Отецъ, я забывалъ обязанности любящаго сына... Когда холодъ за оградой бывалъ такъ нестерпимъ, что морозилъ даже мое воображеніе, когда мои дѣтскія ноги ныли

отъ жесткаго камня и мнѣ хотѣлось хоть какой-нибудь норы, чтобы укрыться, я начиналъ ненавидѣть гостей, занявшихъ мое мѣсто.

Я завидовалъ имъ, которые имѣли все и ничего не цѣнили.

И я падалъ у ограды, на холодные камни, и вылъ, какъ маленькій больной звѣрь...

Тогда, вызванные моимъ отчаяніемъ, приходили темные, злые духи; они шептали мнѣ въ уши странныя слова:

„Отецъ твой не добрый“— говорили они—если онъ такъ обидѣлъ тебя: для послѣдняго изъ гостей нашелъ мѣсто, а ты за оградой.

Разломай ограду, ворвись насильно, мы поможемъ тебѣ!

И у меня были соблазны, Отецъ.

Что надо сдѣлать для этого? спросилъ я.

— Сорви Печать съ сердца, растопчи ее своими ногами и скажи: у меня больше нѣтъ Отца.

— Что же будетъ въ сердцѣ моемъ вмѣсто Печати?

— Ничего...— смѣялись они. — Но зато ты войдешь въ садъ и оборвешь всѣ цвѣты, на которые любовались чужіе, а ихъ ты съ позоромъ выгонишь вонъ. Подумай, какое торжество...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу быть заодно съ ворами и разбойниками, я царскій сынъ!—кричалъ я въ ужасѣ.—И ты помнишь, Отецъ, какъ я, ставъ на колѣни, въ эти минуты соблазна, просилъ Тебя лишь о томъ, чтобы не сорвать мнѣ Печати твоей, не остаться съ пустымъ сердцемъ...

Дайте ему покрывало вѣчной дѣтской радости, — сказалъ Сидящій на престолѣ, и лучезарные облекли человѣка въ одежды, равныя ихъ одеждамъ.

Продолжай дальше о своей жизни,—приказалъ Ангелъ.

— Настала для меня юность, и неясное томленіе и слезы... и, повинуясь неодолимому влеченію, пошелъ я отъ сада безмятежнаго дѣтства къ саду чистой любви, на которомъ тоже была Печать Твоя. Я посмотрѣлъ на нее и, сравнивъ съ Печатью своего сердца, нашелъ и въ немъ тѣ же чистыя, прекрасныя линіи.

Въ священномъ трепетѣ я понялъ тайну соединенія двухъ въ одно, я услышалъ совершеннѣйшій аккордъ земной музыки. Горячая волна радостнаго ожиданія наполнила мою душу, растопила весь ледъ на замерзшемъ сердцѣ моего дѣтства, и оно, большое и сильное, забилось такъ, что я ничего не слышалъ изъ того, что говорилъ мнѣ лучезарный сторожъ.

Я увидѣлъ ее. Ее, до временъ отъ меня отдѣленную и до временъ мнѣ принадлежащую, единственную, дополняющую меня форму, съ которой я буду не дробь, а цѣлое, полное число.

Она только-что выбѣжала изъ темной аллеи на залитую солнцемъ лужайку и остановилась... Ея дѣтски-раскрытые, незатемненные глаза заблестѣли первыми слезами восторга. Она внезапно поняла всю красоту созданнаго Тобой и, прижавъ руки къ сердцу, воскликнула:

Господи, какъ хорошо!

— Какъ хорошо,—отвѣтилъ ей я, и, встрѣтясь глазами, мы оба разомъ двинулись другъ къ другу съ протянутыми руками, съ первой улыбкой юности, съ нетронутымъ сердцемъ, полнымъ аромата любви, полнымъ безконечнаго богатства чувствъ.

Два чистыхъ звука понеслись другъ другу навстрѣчу.

Двѣ души раскрылись сами собой, отъ одной полноты своей, свободно, прекрасно, какъ все, что находится подъ закономъ совершенной гармоніи.

Отецъ, отчего не дано имъ было слиться въ одну общую, большую душу? Тебѣ вѣдь нужны числа законченныя, однимъ было бы больше.

Простите, лучезарные, что мѣсто Свѣта омрачаю стономъ земной муки, но подумайте, что почувствовалъ я, когда мои восторженныя руки больно ударились о чугунную ограду, а сторожъ сада чистой любви, Твой безстрастный слуга, заслонилъ ту, которую я только-что увидѣлъ.

— Садъ полонъ гостей, и тебѣ, родному сыну, надлежитъ уступить имъ свое мѣсто.

Она моя отъ вѣка,—закричалъ я.—У нея въ сердцѣ та же Печать, что у меня,

— Да, ты не ошибся,—отвѣтилъ сторожъ,—но ей надлежитъ на этотъ разъ при свѣтѣ своей Печати возстановить искаженные знаки въ другомъ сердцѣ.

Зачѣмъ же мы встрѣтились и узнали другъ друга, если это напрасно,—съ горечью возразилъ я.

— Таковъ законъ любви на землѣ,—отвѣчалъ безстрастный Ангелъ.—Всегда искать и, найдя, не получить. Но уйди отъ воротъ, я уже сказалъ, что не долженъ впускать тебя.

И мой совѣтъ: не слѣди за ней изъ-за ограды; повѣрь, кромѣ большаго страданія ты ничего не получишь.

Но въ жестокихъ словахъ Ангела заключалась надежда уви-

дѣть ее, а страданія больше того, которое я испыталъ мгновеніе назадъ, уже не могло быть.

Вѣдь для того, въ чьемъ сердцѣ не искажена Печать, нѣтъ времени. Постиженіе его мгновенно.

Когда весь свѣтъ моей души потянулся къ ея свѣту и между нами опустилась желѣзная рука Судьбы, я сразу пережилъ всю глубину моего страданія, и теперь мнѣ оставалось лишь выпить его въ назначенныхъ мнѣ дняхъ.

Я втиснулся съ такой силой въ узкій промежутокъ, что желѣзныя прутья глубоко врѣзались въ мое тѣло и голову сдавило мнѣ какъ въ тискахъ.

Я не помѣщался весь, и мнѣ пришлось низко нагнуть голову и скорчить тѣло какъ въ судорогѣ, а сердце свое я сдавилъ обѣими руками, а то оно такъ громко стучало, что сторожъ сада опять подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Если упорствуешь на своемъ и хочешь быть у ограды — уйми свое сердце. Здѣсь его не должно быть слышно.

И вотъ, искалѣченный, лишенный послѣдней свободы раба и нищаго — возможности двигаться и дышать, задерживающій біеніе своего сердца и быстроту крови въ своихъ жилахъ, слѣдилъ я за той, которая была предвѣчно моя, къ которой тянулся весь свѣтъ моей души.

Я видѣлъ недоумѣніе и первое страданіе на ея лицѣ, когда сторожъ сада подвелъ къ ней другого, чѣмъ былъ я. Но она покорно взяла его за руку, а я съ новой силой сжалъ свое сердце и уже не выпускалъ его изъ помертвѣлыхъ рукъ.

Сторожъ сада былъ правъ. Я не долженъ былъ слѣдить за ней изъ-за ограды. Въ неудовлетворенной любви нѣтъ мгновенія, гдѣ бы страданіе не наполняло сердца до послѣднихъ краевъ.

Но уйти я не былъ въ силахъ. Я слѣдилъ за каждымъ шагомъ той, къ которой тянулся весь свѣтъ моей души. Я слышалъ всѣ ея слова, угадывалъ всѣ ея мысли, и каждую минуту я зналъ, что нужно сказать ей въ отвѣтъ.

Она чувствовала это и часто съ ожиданіемъ поворачивалась къ шедшему съ ней за руку, ожидая чуда, что онъ окажется мною. Но онъ никогда не говорилъ нужнаго слова, и я видѣлъ, какъ ея милое лицо все больше обволакивалось грустью.

Но самое ужасное все-таки наступало, когда она исчезала надолго въ темной аллеѣ и послѣднее пятно ея бѣлаго покрывала тонуло во мракѣ.

Тогда на меня со всѣхъ сторонъ накидывались голодныя страсти, хищные звѣри любви.

Ни одной звѣзды не сіяло для меня въ темномъ небѣ, а весь свѣтъ моей души она уносила съ собой. Какой же силой было мнѣ сопротивляться врагамъ?!

И я падалъ, лучезарные...

Но въ прочный союзъ съ темными страстями я не вступалъ, такъ какъ для этого надлежало стереть Печать Твою, а я зналъ, что не вынесетъ этого душа моя. Я зналъ это по разъѣдающимъ сердце слезамъ, которыми я мучительно смывалъ грязь даже минутнаго паденія.

Человѣкъ умолкъ и ниже опустилъ голову, а Сидящій на престолѣ всталъ и, взявъ лилію совершенной чистоты, равную лиліямъ ангеловъ, не знавшихъ позора паденія, вложилъ ее Самъ въ руку человѣка.

— Что же дальше въ твоей жизни?—спросилъ ангелъ.

— Дальше уже нѣтъ страданія, лишь одно горькое недоумѣніе,—сказалъ человѣкъ.

Послѣ того, какъ однажды она скрылась въ темной аллеѣ, чтобы больше никогда не появляться на зеленомъ лугу, освѣщенная солнцемъ, мое сердце такъ устало отъ тщетнаго ожиданія, что почти перестало биться.

Мнѣ уже нечего было бояться, что его безумный стукъ ворвется въ чужія жизни, и я выпустилъ его на волю.

Освобожденными теперь руками я оторвался отъ ограды чистой любви, оставляя на желѣзныхъ прутьяхъ ея мою окровавленную юность, и всѣмъ тѣломъ отвернулся отъ нея въ иную сторону.

И вдругъ я впервые замѣтилъ идущихъ издали, отъ сада дѣтской радости къ саду чистой любви, моихъ родныхъ братьевъ, Твоихъ дѣтей, съ такой же царской Печатью, что была на мнѣ.

Но они были настолько слабѣе меня и настолько уже устали, стоя за оградой радостнаго дѣтства, гдѣ они, какъ и я, должны были уступить свое мѣсто гостямъ, что я понялъ: если ихъ не поддержать, они уступятъ темнымъ силамъ и откажутся отъ Печати Твоей.

Тутъ въ первый разъ пожалѣлъ я, что не послушался ангела и не ушелъ отъ ограды, полюбивъ свое безполезное страданіе.

Я не могъ, съ искалѣченными ногами, бѣжать навстрѣчу моимъ слабѣющимъ братьямъ.

Я хотѣлъ кричать имъ, но я такъ привыкъ сдерживать даже

дыханіе, чтобы сторожъ сада чистой либви не прогналъ меня отъ ограды, что ни одного звука не вылетѣло изъ моего горла.

Жалость, чувство сильнѣйшее всѣхъ испытанныхъ мною мукъ, охватила меня. Душа моя наполнилась однимъ стремленіемъ прояснить зрѣніе моихъ слабѣющихъ братьевъ, которые уже остановились, очарованные радугой соблазновъ.

Я чувствовалъ: они сомнѣваются, точно ли простыя линіи Царской Печати совершеннѣе ея увлекательной сложности.

Тогда я вырвалъ одинъ изъ желѣзныхъ прутьевъ ограды, на которой осталась моя окровавленная юность, и торопился писать на камняхъ, чтобы слабѣющіе братья поспѣли прочесть, пока совсѣмъ не упадутъ.

Я все смиренно разсказалъ имъ про себя. Я не укрылъ ни одной своей слабости, ни одного паденія, потому что иначе они могли подумать, что я не зналъ соблазновъ, и не повѣрили бы тому, что я имъ говорилъ о Твоей Печати.

А я нашелъ слова, Отецъ, чтобы прославить ее достойно...

Я чувствовалъ это потому, что изъ моей души, по мѣрѣ того какъ я писалъ, уходилъ весь ядъ сомнѣній и сожалѣніе о томъ, что я не послушался темныхъ силъ и не ворвался за ограду сада.

Наконецъ я кончилъ и, думая теперь только о нихъ, моихъ слабѣющихъ братьяхъ, я испугался, что они въ глубокомъ муракѣ, который царитъ вездѣ за оградой, не замѣтятъ написаннаго мною.

Внѣ себя отъ грызущаго безпокойства за ихъ участь, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что я дѣлаю, я вынулъ Твою Печать изъ своего сердца и закрѣпилъ ею написанное на камнѣ...

Слабѣющіе братья увидѣли во тьмѣ камень съ моей Печатью и устремились къ нему.

Дивная радость охватила меня: я сейчасъ увижу, какъ новая сила будетъ вливаться въ ихъ потускнѣвшія души, какъ невыразимой благодарностью засвѣтятся ихъ глаза, обращенные ко мнѣ.

Я ожидалъ увидать плоды моей борьбы съ темными силами, я долженъ былъ понять, наконецъ, смыслъ моихъ страданій...

Отецъ, я уже благословлялъ умиляющую красоту Твоихъ словъ:

„Если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода".

Зачѣмъ Твой ангелъ смерти взялъ меня за руку и привелъ сюда.?

Зачѣмъ взялъ онъ меня за руку слишкомъ рано?!.

Сердце мое опять полно неосушенныхъ слезъ.

Губы мои горятъ отъ неотданныхъ поцѣлуевъ.

А сознаніе мое помрачилось ужасомъ безсмысленной жертвы: камнямъ, однимъ камнямъ отдалъ я сокровище моей души...

Къ чему мнѣ покрывало вѣчной дѣтской радости, на что лиліи совершенной чистоты?

Укажи мнѣ, взамѣнъ небесныхъ благъ, только смыслъ моихъ страданій!

— Какъ это ты такъ мало вѣришь Отцу,—съ укоромъ произнесъ Ангелъ.

— Незнающій страданія, можешь ли ты судить Человѣка...— остановилъ Ангела Сидящій на престолѣ.

— Откройте врата,—приказалъ Онъ.

Лучезарные открыли врата къ вѣчному свѣту, столь ослѣпительному, что одни облеченные въ одежды изъ рукъ самого Царя Духа могли въ немъ пребывать.

— Войди, возлюбленный сынъ мой, — сказалъ Царь, взявъ человѣка за руку.

Человѣкъ не двигался.

— Гдѣ они, мои слабѣющіе братья?—прошепталъ онъ.—Безъ нихъ я не приму блаженства.

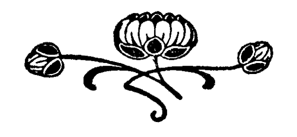
— Кто онъ, что не повинуется Отцу?—заговорили ангелы и въ страхѣ закрылись бѣлыми крыльями.

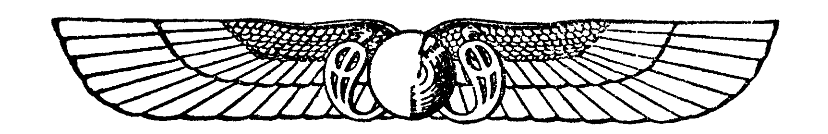
— Онъ изъ тѣхъ, которые до конца доводятъ одинъ подвигъ любви. Все остальное приложится ему. Вы, приведенные сюда его любовью, помогите его невѣрію,—сказалъ Царь.

Изъ вѣчнаго свѣта появились братья, за которыхъ человѣкъ положилъ свою душу.

Онъ рванулся имъ навстрѣчу и незамѣтно перешелъ въ вѣчность.

Ольга Форшъ.

Теософія въ Индіи.

Теософическое общество было основано 7 сентября 1875 г. въ Нью-Іоркѣ Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькотт'омъ, но Америка, какъ и весь западный міръ, была въ то время затоплена такой волной матеріализма, что начинать здѣсь теософическую работу было невозможно. Ее надо было начинать на Востокѣ, гдѣ живы были еще эзотерическія традиціи, гдѣ сліяніе науки и религіи не казалось несбыточной мечтой или безумнымъ бредомъ, гдѣ жила еще вѣра въ Сверхчеловѣчество, незримо руководящее эволюціей всего человѣчества.

Въ 1876 г. основатели Теософическаго общества выбыли въ Индію, и центромъ теософическаго движенія сталъ Бомбей, а позже Адьяръ.

Теософія не есть ученіе новое: она всегда пребывала въ сокровенной части религіозныхъ ученій, какъ божественная мудрость, синтезирующая въ себѣ знаніе макрокосма и микрокосма, но пыль вѣковъ покрыла ее глубокими наслоеніями. Религія дѣлалась все больше и больше экзотерической и постепенно кристаллизовалась вокругъ догматовъ и обрядовъ, изъ средства превратившихся въ цѣль, такъ какъ ихъ сокровенный смыслъ сталъ недоступенъ и былъ утерянъ.

И на Востокѣ, гдѣ еще не умерли эзотерическія традиціи, также совершалась грубая матеріализація религіозныхъ ученій, а на нивѣ этой матеріализаціи естественно выросли грубое суевѣріе съ одной стороны, ѣдкій скептицизмъ съ другой. Но эти наслоенія были сравнительно недавнія и по духу чужды Индіи. Подъ ихъ пепломъ еще дымился неугасшій огонь тѣхъ вѣрованій, которыя составляютъ самую жизнь и сердце индусскаго народа; изъ-подъ него иногда неудержимо вырывалось пламя ослѣпительной красоты. Съ живой вѣрой въ этотъ неугасшій огонь, съ вѣрой, что духовная жизнь Индіи можетъ воскреснуть и снова засіять тѣмъ свѣтомъ, отъ котораго зажигали свои свѣтильники всѣ арійскіе народы, Е. П. Блаватская и Г. Олькоттъ принялись за теософическую работу.

Какъ понимали они эту работу? Они понимали ее въ самомъ широкомъ смыслѣ. Религіознымъ подъемомъ вызвать къ жизни всѣ дремавшія силы народа, воскресить его науку, его искусство, его поэзію, одухотворить всѣ сферы національнаго творчества, вызвать къ жизни самыя глубокія стремленія индусскаго народа, содѣйствовать этому пробужденію всюду, всегда, во всѣхъ проявленіяхъ его, итти навстрѣчу всѣмъ его духовнымъ исканіямъ и запросамъ—таковъ былъ планъ предпринятой исполинской работы.

То обстоятельство, что работа Теософіи началась въ Индіи, повело къ ряду недоразумѣній, до сихъ поръ еще не вполнѣ разсѣявшихся. И теперь еще можно слышать обвиненіе, что Теософія пытается распространить нео-буддизмъ или что она враждебна христіанству. По этому вопросу мы уже высказывались *); сегодня отмѣтимъ лишь то, что историческій моментъ нельзя принимать за основное настроеніе движенія. Богатая теософическая литература, охватывающая собою религіозныя ученія всего міра, совершенно уничтожаетъ это обвиненіе, и можно только пожалѣть, что до сихъ поръ она у насъ такъ мало изучалась. Въ данномъ случаѣ критика предшествовала знанію предмета; отсюда много ошибокъ и недоразумѣній. Въ частности, по вопросу о христіанствѣ, книги „Путь совершенства" Анни Кингсфордъ, „Эзотерическое христіанство" Анни Безантъ, „Христіанство, какъ фактъ мистическій" д-ра Штейнера составляютъ богатый вкладъ въ изученіе мистическаго христіанства. Прибавимъ, что работа д-ра Р. Штейнера въ Германіи сосредоточилась почти исключительно на христіанствѣ и создала въ этомъ направленіи теченіе, выдающееся по глубинѣ и силѣ. Все это ясно показываетъ, что Теософія не съуживаетъ пониманія своей работы рамками одного какого-нибудь религіознаго ученія; она находитъ и изучаетъ великія духовныя истины въ каждомъ изъ нихъ. По выраженію Анни Безантъ, „Теософія является глашатаемъ того будущаго, когда всѣ религіи будутъ признавать себя вѣтвями Единой Религіи—Мудрости Божіей" **).

Пріѣхавъ въ Индію, основатели Теософическаго общества стали изучать жизнь Индіи, вступили въ наиболѣе интересныя научныя и литературныя общества и примкнули къ зачинавшемуся

*) Задачи Теософіи, Alba, стр. 4—5, и въ Сборникѣ „Вопросы Теософіи" статья Анни Безантъ: „Противорѣчитъ ли Теософія христіанству?"

**) Мы считали нужнымъ сдѣлать это маленькое отступленіе для того, чтобы наша статья не получила какого-нибудь тенденціознаго нежелательнаго освѣщенія.

тогда національному движенію „свадешизму“, имѣвшему цѣлью поднять кустарные промыслы и національное искусство. Они устроили первую выставку индусскихъ издѣлій, имѣвшую большой успѣхъ. Затѣмъ начались лекціи, собранія, бесѣды. Правительство стало коситься на пришельцевъ, а въ обществѣ заговорили о подозрительныхъ миссіонерахъ, но населеніе встрѣтило теософическую пропаганду сочувственно. Въ 1879 г. основатели Т. о-ва стали издавать журналъ „Теософистъ“, и Теософія стала распространяться среди ученыхъ и вліятельныхъ индусовъ, которые совершенно успокоились насчетъ завоевательныхъ побужденій этихъ необычайныхъ миссіонеровъ. Въ скоромъ времени много образованныхъ индусовъ примкнули къ движенію, и вопросъ о духовномъ возрожденіи Индіи сталъ самымъ жгучимъ вопросомъ дня. Генри Олькотт'у была дарована „нить брамина“, почесть, которую брамины считаютъ выраженіемъ величайшаго уваженія и дружбы.

Въ 1880 г. жители Цейлона пригласили основателей Теософическаго общества посѣтить ихъ островъ. Въ теченіе мѣсяца устраивались собранія, чтенія и бесѣды. Въ результатѣ нѣсколько сотъ человѣкъ примкнуло къ Теософическому движенію. Индусская пресса признала новое движеніе, и „Піонеръ“ 28 апрѣля 1880 г. выразился слѣдующимъ образомъ: „Независимо отъ вопросовъ, поднимаемыхъ теософами, ихъ труды заслуживаютъ полнаго вниманія. Европейцы посѣщаютъ Индію ради наживы или для того, чтобы обращать людей въ свою вѣру. Основатели Теософическаго о-ва явились къ намъ, проникнутые воодушевленіемъ и любовью къ индусской религіи, къ ея философіи и къ психологической наукѣ“.

Нѣкоторыя ученыя общества предложили Е. П. Блаватской и Г. Олькотт'у званіе почетныхъ членовъ. Предсѣдатель Санскритскаго общества Ади-Брама-Самаджъ и членъ Бабу-Ражпарипъ-Бозъ писали: „Это чудо изъ чудесъ, что иностранцы прибыли съ дальняго Запада въ Индію съ единственною цѣлью пробудить страну отъ вѣкового сна, съ цѣлью работать, какъ индусы среди индусовъ, для возрожденія индусскаго народа“...

Началось громадное духовное движеніе. Любопытно, что оно захватило и сферу народнаго образованія. Въ Индіи въ то время не существовало совсѣмъ школъ національнаго типа. Чтобы чему-нибудь научиться, индусская молодежь должна была посѣщать или государственныя школы въ европейскомъ духѣ, или узко-тенденціозныя школы миссіонеровъ. Въ обоихъ случаяхъ она должна была отказаться отъ своего родного языка и отъ изученія

своей религіи и своей литературы. Чутко прислушиваясь къ нуждамъ населенія, Теософическое общество занялось вопросомъ о правильной постановкѣ народнаго образованія. Подъ его вліяніемъ и при его содѣйствіи на Цейлонѣ постепенно открылись 3 коллэджа и 265 народныхъ школъ, черезъ которыя современемъ прошли около 30.000 дѣтей и молодежи.

На югѣ Индіи, въ особенности на Цейлонѣ, буддизмъ приходилъ въ упадокъ; народъ отступилъ отъ чистыхъ завѣтовъ Сакіа-Муни; пьянство и грубые предразсудки исказили благородное ученіе Будды. Но подъ вліяніемъ вдохновенной проповѣди Теософіи буддизмъ воскресъ къ новой жизни, онъ углубился, очистился и одухотворился. Г. Олькотт'у удалось оказать еще одну крупную услугу буддизму: послѣ своего путешествія въ Японію ему удалось установить тѣ 14 главныхъ положеній, на которыхъ можетъ объединиться сѣверный и южный буддизмъ. Такое же вліяніе Теософіи наблюдается и по отношенію къ другимъ религіямъ Индіи. Застывшій браманизмъ воскресаетъ къ новой жизни, общины Парсовъ послѣ вѣкового сна оживаютъ, и магометане начинаютъ проявлять глубокій интересъ къ изученію своей религіи. Наблюдается не только общій религіозный подъемъ, но и совершенно новое отношеніе, полное терпимости и взаимнаго уваженія между послѣдователями разныхъ религій. Взамѣнъ существовавшихъ вражды и недовѣрія, Теософія принесла миръ и взаимное пониманіе. Указывая на тожественность основныхъ ученій во всѣхъ религіозныхъ системахъ, она не только вдохновила и воскресила къ новой жизни эти различныя теченія, но и сблизила ихъ, вызвавъ совершено новое настроеніе, основанное на братствѣ и любви.

Въ 1882—3 г. основатели Теософическаго общества совершили по Индіи путешествіе, носившее сказочный характеръ. Народъ ихъ встрѣчалъ восторженно. Всюду, гдѣ они проѣзжали, открывались новые отдѣлы о-ва, и движеніе получило новый импульсъ. Вліяніе и значеніе Теософическаго общества расли съ каждымъ днемъ.

Е. П. Блаватская и Г. Олькоттъ купили на собственныя средства красивое помѣстье въ Адіарѣ, близъ Мадраса, и основали тамъ главный теософическій центръ. Позже, въ Бенаресѣ былъ основанъ второй центръ. Теософическіе съѣзды въ Индіи поочередно происходятъ то въ Бенаресѣ, то въ Адіарѣ.

Прочно основавъ дѣло Теософіи въ Индіи, Е. П. Блаватская переѣхала въ Европу и сосредоточила свою духовную энергію на организаціи теософическаго дѣла на Западѣ. Г. Олькоттъ про-

должалъ работать въ Азіи и жилъ въ Адіарѣ, гдѣ и умеръ 17 февраля 1907 г.

Ученица Е. П. Блаватской Анни Безантъ также посвящаетъ много силъ и времени Индіи, работая главнымъ образомъ на сѣверѣ, въ центрѣ браманизма. Въ 1898 г. она основала въ Бенаресѣ индусскую школу новаго типа (Central Hindu College), и съ тѣхъ поръ подъ ея вліяніемъ открылось уже 14 школъ по тому же образцу. Анни Безантъ постоянно объѣзжаетъ Индію, читаетъ лекціи, призываетъ къ духовной работѣ и указываетъ на необходимость поднятія народнаго образованія.

Индусская секція по числу членовъ занимаетъ первое мѣсто: она имѣетъ свыше 200 отдѣловъ. Отличительная черта этой секціи—неутомимая работа въ сферѣ народнаго образованія. Проявленныя ею инициатива и энергія въ этомъ отношеніи совершенно необыкновенны. Центральное мѣсто въ этой просвѣтительной дѣятельности занимаетъ основаніе Hindu College. Начавъ дѣло безъ копѣйки денегъ, Анни Безантъ сумѣла создать такой интересъ къ своей работѣ, что на стекавшіяся пожертвованія было воздвигнуто великолѣпное зданіе, имѣющее нѣсколько флигелей, лабораторію, библіотеку, общежитіе и музей. Вокругъ этого дѣла образовалась группа преданныхъ людей, отдавшихся всей душой постановкѣ новой школы.

Въ школѣ преподаются всѣ предметы, которымъ обучаются дѣти въ Европѣ; практикуются также гимнастика, спортъ, игры на свѣжемъ воздухѣ. Попутно изучаются ремесла и искусства; особенное вниманіе обращено на изученіе кустарныхъ промысловъ. Въ основѣ постановки дѣла принята 4-хъ-членная формула, стремящаяся обнять собою 4 стороны человѣческой природы.

Тѣло требуетъ физическаго воспитанія: эмоціи—нравственной культуры, умъ—интеллектуальной тренировки, духъ—религіознаго воспитанія. Только при гармоническомъ развитии всѣхъ силъ ребенка его развитіе можетъ совершаться правильно. Таково убѣжденіе руководителей новой школы *). Дѣло слишкомъ молодо, чтобы можно было уже прослѣдить въ жизни его результаты, но новая школа очень популярна и съ каждымъ годомъ она завоевываетъ себѣ въ населеніи бо́льшія и бо́льшія симпатіи и довѣріе. Чтобы попасть въ эту школу, дѣти совершаютъ громадныя

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія о постановкѣ дѣла можно найти въ журналѣ: «Hindu College», издаваемомъ Анни Безантъ. Вся подписная плата съ него идетъ на содержаніе недостаточныхъ учениковъ. Стоитъ онъ на наши деньги приблизительно 1 р. въ годъ.

путешествія пѣшкомъ. Они называютъ Анни Безантъ „матерью“.— „Мать, возьми насъ въ школу!“—говорятъ они настойчиво. Общежитіе переполнено такими недостаточными учениками, которые явились издалека, чтобы учиться. Достаточные же ученики вносятъ минимальную плату.

Недавно при коллэджѣ открылся отдѣлъ для дѣвочекъ. Имъ завѣдуетъ человѣкъ разносторонне образованный и всецѣло преданный дѣлу—Франческа Арундэль. Здѣсь условія работы труднѣе. Школѣ приходится бороться съ вѣковыми предразсудками, по которымъ индусская дѣвушка лишена образованія и обречена на ранній бракъ.

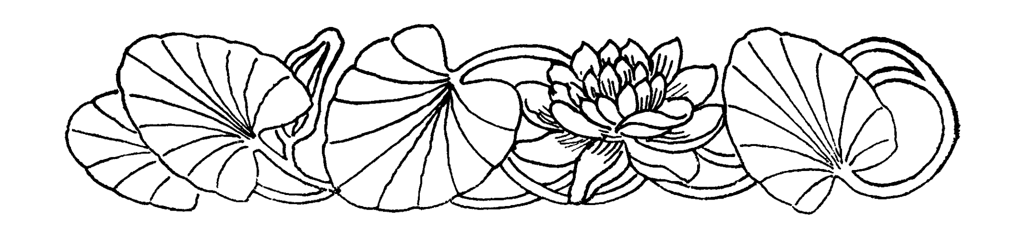
Ученики старшихъ классовъ сильно интересуются Теософіей. Они имѣютъ свой клубъ, свои собранія, свою библіотеку и свою самостоятельную организацію.

Такимъ образомъ, теософическая работа въ Индіи не только происходитъ въ теософическихъ кружкахъ, изучающихъ эзотеризмъ религіозныхъ ученій, философскія системы и литературу всѣхъ народовъ, но она проникла въ самую глубь жизни и захватила всѣ сферы народной дѣятельности. Въ области науки, искусства, народнаго образованія, всюду наблюдается огромный подъемъ и интенсивная работа. Это явленіе настолько ярко, что его подмѣтили серьезные органы печати, неоднократно указывавшіе на „возрожденіе Индіи“. „За послѣдніе два десятка лѣтъ,—говорятъ они—въ Индіи происходитъ небывалое движеніе, подъемъ всѣхъ духовныхъ силъ народа“. Это наблюденіе особенно цѣнно еще потому, что его часто дѣлаютъ журналы и газеты не имѣющіе ничего общаго съ Теософіей, а иногда даже занявшіе по отношенію къ ней враждебную позицію.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что работа Теософіи не ограничивается одной сферой отвлеченной мысли. Вызывая религіозный подъемъ и интенсивный духовный трудъ, она несетъ съ собою то вдохновеніе, которое преображаетъ и одухотворяетъ всю жизнь народа.

Alba.

Обозрѣніе Теософической литературы.

Изъ декабрьскихъ иностранныхъ журналовъ нами получены еще только англійскіе, индусскіе и одинъ французскій.

Въ „Теософистѣ“ есть статья Сриниваза Ивенгар'а о метафизическихъ вопросахъ, статья С. Анкедезарта о Символахъ Заратустры и интересная замѣтка: Медицинское движеніе противъ вивисекціи. Медицинское движеніе противъ вивисекціи въ Англіи сильно разрослось и захватило широкіе медицинскіе круги. Союзъ борьбы съ вивисекціей напечаталъ недавно свое воззваніе въ нѣсколькихъ большихъ англійскихъ газетахъ, призывая врачей и ученыхъ всѣхъ профессій перенести борьбу въ парламентъ и добиваться законодательнаго акта въ пользу отмѣны жестокихъ и позорныхъ обычаевъ мучительства животныхъ. Петиція въ парламентъ была покрыта 55 подписями врачей, изъ которыхъ одна принадлежитъ знаменитому хирургу, получившему золотую медаль за свое искусство.

Въ этой бумагѣ говорится, что подписавшіеся желаютъ привлечь вниманіе всѣхъ законодателей страны на необходимость, чтобы движеніе противъ вивисекціи имѣло своего представителя въ королевской комиссіи разслѣдованій, и чтобы были собраны возможно полнѣе медицинскія свидѣтельства противъ вивисекціи. Они увѣрены, что выслушаніе всѣхъ этихъ доводовъ подготовило бы путь къ прекращенію варварскаго обычая мучительства животныхъ.

Какъ Теософы, мы не можемъ не привѣтствовать каждое гуманитарное движеніе, свидѣтельствующее о повышеніи нравственныхъ требованій въ человѣчествѣ и о растущемъ въ немъ чувствѣ отвѣтственности передъ тѣмъ, что слабо и беззащитно. Все, что живетъ, имѣетъ право на наше вниманіе и уваженіе. Животныя, оказывающія столько услугъ человѣку, имѣютъ особыя права на нашу любовь и защиту, и если мы грубо попираемъ эти права, то мы

этимъ только доказываемъ всю нашу нравственную несостоятельность. Что же касается тѣхъ химерическихъ выгодъ, которыя будто бы все человѣчество извлекаетъ отъ организованнаго мучительства животныхъ, то мы, на основаніи нѣкотораго знакомства съ литературой этого вопроса, позволяемъ себѣ сильно усомниться въ нихъ.

Часто противъ движенія, борющагося съ вивисекціей, приходится слышать такой аргументъ: не есть ли сантиментальность тратить силы на защиту животныхъ въ то время, какъ существуетъ столько жестокихъ формъ эксплоатаціи людей? На это мы возразимъ: указаніе на большее зло не есть оправданіе меньшаго; надо бороться и съ тѣмъ, и съ другимъ.

Въ „Theosophical Review“ обращаютъ на себя вниманіе статья Кэла о Гегелѣ и христіанствѣ, разсказъ Микаэла Уда „Названіе тьмы“ и статья д-ра Штейнера.

„Есть извѣстныя формулы—говоритъ д-ръ Штейнеръ—которыя имѣютъ глубокій духовный смыслъ и обладаютъ особой тайной силой, потому что онѣ построены на знаніи психическихъ и духовныхъ законовъ. Даются эти формулы на помощь человѣчеству тѣми, кто знаетъ больше насъ, посвященными, Учителями и ихъ учениками. Тѣ, кто внутренно сосредоточиваются на этихъ формулахъ, получаютъ помошь, приливъ свѣта и силъ, потому что они раскрыли себя для того духовнаго потока, который поддерживаетъ вселенную и который вливается во всѣхъ молящихся, во всѣхъ устремившихъ свой взоръ на цѣли вѣчныя.

На Востокѣ молитва изъ сосредоточеннаго мышленія переходитъ въ созерцаніе и въ усиліе слиться съ Божественнымъ источникомъ жизни. На Западѣ она носитъ характеръ мольбы, мольбы нашего внутренняго бога, рвущагося къ возсоединенію со своимъ Господомъ.

Свою интересную статью д-ръ Штейнеръ заканчиваетъ такъ: „Въ каждой молитвѣ есть глубокій эзотеризмъ, ибо всѣ молитвы родились отъ сокровенной мудрости. Тѣ, кто видятъ въ молитвѣ лишь наборъ словъ или наивное стремленіе человѣческаго сердца къ чему-то лучшему и высшему, не понимаютъ еще, что такое истинная молитва“.

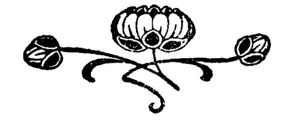
Въ декабрьскомъ № „Hindu College“ есть интересная статья о Вратас'ахъ индусской женщины. Вратасъ значитъ священный обѣтъ. Каждая замужняя женщина въ Индіи считаетъ своимъ долгомъ ежегодно произнести какой-нибудь обѣтъ и свято его выполнять, такъ какъ она вѣритъ, что каждый ея актъ отреченія приноситъ кому-нибудь изъ членовъ семьи здоровье или радость.

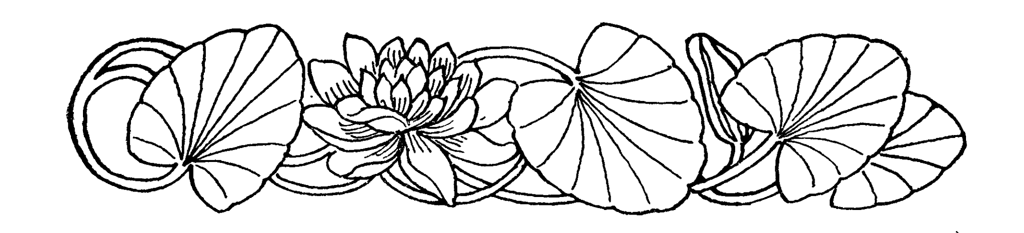
Есть также интересная статья о возрожденіи индусской музыки и объ учрежденіи музыкальной школы въ Лагорѣ; авторъ ея, Шрикрилена Гари Герклекаръ, напоминаетъ о древнихъ музыкальныхъ преданіяхъ въ Индіи, благодаря которымъ до нашихъ дней сохранились Ведическіе гимны. Онъ указываетъ на тонкую психическую организацію индусскаго народа и на любовь его къ красотѣ. По его мнѣнію, музыка имѣетъ большое будущее въ Индіи.

„Журналъ Лотосъ", посвящаемый юной теософической публикѣ въ Англіи, даетъ популярную статью о задачахъ теософическаго движенія, повѣсть Е. Северсъ: „Завоеватель" и прелестный очеркъ по ботаникѣ Уорсдэл'а.

Въ декабрьскомъ № „Теософическаго обозрѣнія" надо отмѣтить статью проф. О. Лоджа о безсмертіи души съ научной точки зрѣнія и комментаріи къ Идиліи бѣлаго Лотоса, Субба Рао. Повидимому, журналъ не выработалъ еще стройнаго плана и чрезвычайно разнообразный матеріалъ дается имъ безъ всякой руководящей нити. Прибавимъ, что нѣкоторые затронутые вопросы, съ нашей точки зрѣнія, освѣщены далеко не правильно, о чемъ „Вѣстникъ Теософіи" современемъ поговоритъ особо.

Alba.

Научное обозрѣніе.

Гипотеза Гюстава Лебона.

Ученіе Гюстава Лебона (Gustave Lebon) о внутриатомной энергіи, какъ источникѣ всѣхъ физическихъ и химическихъ силъ, изложено имъ въ двухъ томахъ, появившихся въ печати подъ заглавіемъ: L'évolution de la matière и L'évolution des forces. Эти двѣ книги тѣсно связаны между собой единствомъ основныхъ положеній, представляющихъ стройное цѣлое и совершенно подрывающихъ нѣкоторыя основныя ученія господствовавшаго до послѣдняго времени „научнаго" міросозерцанія. Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся познакомить нашихъ читателей со взглядами Лебона, представляющими большой интересъ, какъ со стороны чисто научной, такъ и со стороны ихъ близости къ нѣкоторымъ ученіямъ, бывшимъ достояніемъ адептовъ оккультизма еще въ глубокой древности.

Многія наблюденія привели Лебона къ убѣжденію, что матерія и энергія тожественны по своей природѣ, и что одна начинается тамъ, гдѣ кончается другая; другими словами: разрушаясь, матерія превращается въ энергію. Разрушеніе же и превращеніе ея безпрерывны; возникая въ эфирѣ, вещество и сила въ немъ же растворяются черезъ вѣка. Это возвращеніе матеріи къ своему первоначальному источнику, эфиру, г. Лебонъ считаетъ ея смертью, полнымъ исчезновеніемъ безъ всякой надежды на возрожденіе. За эфиромъ, говоритъ онъ, наступаетъ ничто, le néant *).

Всѣ главныя химическія и физическія силы, извѣстныя намъ до сихъ поръ въ природѣ, берутъ свое начало внутри атома, т. е. во внутреннихъ колебаніяхъ и нарушеніяхъ его равновѣсія, являясь

*) Въ другомъ мѣстѣ Г. Лебонъ отожествляетъ это понятіе небытія съ „Нирваной", повторяя такимъ образомъ досадную ошибку, столь распространенную на Западѣ.

такимъ образомъ результатомъ его распада. Матеріи, какъ и планетамъ, суждено проходить кругъ рожденія, роста, увяданія и смерти. Продуктъ сгустившагося эфира, она накопляетъ въ себѣ, благодаря быстротѣ вращенія своихъ атомовъ, огромный запасъ энергіи, но затѣмъ наступаетъ зрѣлость атома, его равновѣсіе слабѣетъ, и тогда достаточно ничтожнаго вліянія, чтобы вызвать его нарушеніе, а слѣдовательно и распадъ атома.

Радіоактивность (свойство матеріи излучать изъ себя частицы, обладающія скоростью движенія свѣта и способностью проникать черезъ тѣла) свойственна въ большей или меньшей степени всѣмъ тѣламъ въ природѣ; она не что иное, какъ проявленіе внутриатомной силы, т. е. колоссальной энергіи, сгущенной въ маломъ атомѣ, сохраняющемъ свое равновѣсіе благодаря быстротѣ вихревыхъ движеній своихъ частицъ. Какъ только колебательныя и вращательныя движенія частицъ претерпѣваютъ какую-нибудь перемѣну, равновѣсіе нарушается, атомы начинаютъ распадаться, и этотъ процессъ характеризуется выдѣленіемъ частицъ, потерявшихъ свойства того тѣла, изъ котораго онѣ исходятъ. Электричество, теплота, свѣтъ суть именно такіе продукты медленнаго распада атомовъ. Состояніе матеріи, потерявшей свои основныя свойства, Г. Лебонъ называетъ промежуточной стадіей между вѣсомымъ и невѣсомымъ, матеріальнымъ и нематеріальнымъ состояніемъ вещества.

Какъ извѣстно, оффиціальная наука, признавая до послѣдняго времени принципъ постоянства матеріи, опиралась на тотъ фактъ, что какія бы превращенія ни претерпѣвало вещество, переходя изъ одного состоянія въ другое, вѣсъ его остается неизмѣннымъ, что можно всегда доказать при помощи вѣсовъ. На это Г. Лебонъ возражаетъ, что какъ бы ни были совершенны вѣсы современныхъ химиковъ, они не въ состояніи уловить потерю вѣса ниже одной сотой доли миллиграмма. Между тѣмъ, въ силу прочности равновѣсія атомовъ, диссоціація ихъ происходитъ крайне медленно, хотя и безпрерывно. Кюри вычислилъ, что полный распадъ одного грамма радія длится милліонъ лѣтъ. Г. Лебонъ и Круксъ сокращаютъ время этого процесса до ста лѣтъ, но и эта послѣдняя цифра достаточна для доказательства медленности распада матеріи. Еслибъ можно было произвести полную и быструю диссоціацію одного грамма мѣди, то отъ этого возникла бы энергія въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы привести въ движеніе товарный поѣздъ на протяженіи въ $4^1/_4$ разъ большемъ окружности земного шара (по горизонтальной плоскости).

Согласно астрономическимъ наблюденіямъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что атомы тѣлъ имѣютъ различный возрастъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже достигли старости, слѣдствіемъ чего является ихъ меньшее равновѣсіе. Эта гипотеза объясняетъ, почему радіоактивность нѣкоторыхъ тѣлъ проявилась въ довольно позднюю эпоху исторіи земли. Если бы она началась раньше, радіоактивныя тѣла давно бы распались, многія изъ нихъ уже исчезли бы съ лица земли, силы же, возникшія отъ быстрой диссоціаціи матеріи, перевернули бы строй жизни нашей планеты.

Мы сказали, что равновѣсіе атомовъ очень устойчиво. Въ такомъ случаѣ, какъ не объяснить ту легкость, съ которой матерія распадается подъ вліяніемъ такихъ незначительныхъ причинъ, какъ лучъ свѣта? На это Г. Лебонъ отвѣчаетъ: чтобы произвести глубокое измѣненіе въ равновѣсіи матеріи, важна не величина усилія, а качество его. Всякое равновѣсіе чувствительно лишь къ особому раздражителю; задача состоитъ именно въ томъ, чтобы его найти. Когда искра попадаетъ на большое количество пороха, то она вызываетъ явленія, сила которыхъ во много разъ превосходитъ интенсивность вызвавшей ихъ причины. Чтобы раздвинуть частицы куска стали, требуются огромныя механическія усилія; между тѣмъ незначительное количество теплоты, сообщенной ему простымъ прикосновеніемъ руки, достаточно, чтобы удлинить его, т. е. чтобы вызвать это раздвиганіе частицъ. Итакъ, матерія, не чувствительная къ дѣйствію сильныхъ агентовъ, можетъ оказаться безсильной передъ слабымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, къ которымъ она чувствуетъ сродство. Напримѣръ, электричество, одинъ изъ наиболѣе частыхъ продуктовъ распада матеріи, является въ то же время однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ этого распада.

Всѣ продукты распада матеріи, полученные путемъ излученія радіоактивныхъ тѣлъ, представляютъ собою различные виды электричества, какъ-то: электроны, іоны, эманація, катодные лучи, лучи X.

Извѣстно, что большинство современныхъ ученыхъ принимаютъ гипотезу объ атомномъ строеніи электричества. Съ точки зрѣнія этой гипотезы матерія является, въ сущности, ни чѣмъ инымъ, какъ сгущеннымъ электричествомъ. Всѣ атомы содержатъ электрическія частицы различной величины, названныя электронами. При іонизаціи, т. е. разложеніи тѣлъ путемъ электролиза, послѣднія распадаются на + и — іоны, которые суть ни что иное, какъ тѣ же электроны, окруженные извѣстнымъ количествомъ частицъ матеріи, находящихся въ нейтральномъ состояніи. Слѣдовательно, электроны

представляютъ собой ядро іоновъ; они состоятъ изъ вихрей эфира: таковъ современный взглядъ науки на ихъ строеніе.

Эманація открыта Рутерфордомъ въ торіи и радіи; она представляетъ собой полуматеріальное вещество, которое быстро исчезаетъ, превращаясь въ частицы электричества. Катодные лучи излучаются самопроизвольно изъ радія и торія. Легче всего получить ихъ, пропуская индуктивный токъ въ стеклянный баллонъ съ электродами (при сравнительной пустотѣ). Какъ только возникаетъ токъ, на катодѣ получается снопъ лучей, прикосновеніе которыхъ расплавляетъ металлы. Каковъ бы ни былъ газъ, вводимый въ трубку Крукса, продукты получаются одни и тѣ же, изъ чего можно заключить, что атомы самыхъ различныхъ тѣлъ заключаютъ въ себѣ одинаковые элементы и что они разнятся между собой только количествомъ внутриатомной силы.

Когда катодные лучи (электроны трубки Крукса) или лучи, получаемые при свободной радіоактивности нѣкоторыхъ тѣлъ, встрѣчаютъ препятствіе, они даютъ начало X лучамъ, которые по мнѣнію Лебона, являются однимъ изъ послѣднихъ этаповъ распада матеріи, до ея превращенія въ эфиръ. Движеніе этихъ лучей прямолинейно, магнитъ ихъ не отклоняетъ, они не отражаются, не преломляются, не поляризуются, какъ свѣтъ; они проходятъ сквозь самыя массивныя тѣла; однимъ словомъ, они уже не обладаютъ почти никакими матеріальными свойствами, еще частично отмѣченными у предыдущихъ продуктовъ диссоціаціи.

По мнѣнію Г. Лебона, открытіе катодныхъ лучей дало впервые возможность предположить универсальность диссоціаціи матеріи; оно показало, что изъ различныхъ простыхъ тѣлъ можно извлекать нѣчто, совершенно не похожее на эти тѣла и однородное. Открытіе же радія, обладающаго въ сильной степени способностью излученія, свойственной всѣмъ тѣламъ въ болѣе слабой степени, блестяще подтвердило принципъ распада матеріи и присутствіе внутриатомной энергіи, признавъ которую становится возможнымъ объяснить явленія электризаціи черезъ вліяніе намагничиванія тѣлъ, а также много явленій теплоты, видимаго и невидимаго свѣта, фосфоресценціи и т. п.; ибо свѣтъ не что иное, какъ видимыя и невидимыя излученія матеріи при всякой t° до абсолютнаго нуля. Слѣдовательно, матерія постоянно превращается въ свѣтъ. Что такое теплота? Слѣдствіе колебательныхъ и вращательныхъ движеній частицъ матеріи, говоритъ намъ физика, вращеніе которыхъ происходитъ вокругъ собственной оси и вокругъ общаго центра. Но теплота и электричество почти всегда проявляются вмѣстѣ.

Скрученная проволока даетъ начало электричеству и теплотѣ; всякое тѣло, нагрѣтое докрасна, излучаетъ потоки электрическихъ частицъ. Явленія фосфоресценціи, т. е. свойства тѣлъ свѣтиться подъ вліяніемъ тренія, удара, теплоты, свѣта X-лучей и т. д., Г. Лебонъ тоже относитъ къ явленіямъ, сопутствующимъ диссоціаціи матеріи, ибо газы, напримѣръ, свѣтятся только подъ вліяніемъ электричества, при іонизаціи, т. е. тогда, когда происходитъ разложеніе атомовъ. Что касается явленія идукціи въ электричествѣ, то при прежнихъ воззрѣніяхъ приходилось допускать, что отъ ограниченнаго запаса энергіи можетъ получиться огромное, неизсякаемое количество ея, тогда какъ это явленіе гораздо естественнѣе объясняется безпрерывнымъ превращеніемъ матеріи въ энергію вслѣдствіе ея медленной диссоціаціи.

Итакъ, гипотеза Лебона касается почти всѣхъ явленій изъ области химіи и физики. Формулируетъ онъ ее слѣдующимъ образомъ:

1. Матерія, считавшаяся раньше неразрушимой, медленно исчезаетъ путемъ постоянной диссоціаціи входящихъ въ нее атомовъ.

2. По своимъ свойствамъ продукты распада матеріи составляютъ промежуточныя вещества между тѣлами вѣсомыми и невѣсомымъ эфиромъ, т. е. между тѣми двумя мірами, которые наука считала до сихъ поръ раздѣленными глубокою пропастью.

3. Матерія, считавшаяся до сихъ поръ инертной и способной возвращать лишь ту энергію, которая была сообщена ей первоначально, является, наоборотъ, вмѣстилищемъ огромной внутриатомной энергіи, которую она въ состояніи расходовать, не занимая ничего извнѣ.

4. Большинство силъ вселенной, между прочимъ электричество и солнечная теплота, являются слѣдствіемъ внутриатомной энергіи, проявляющейся при диссоціаціи матеріи.

5. Сила и матерія—двѣ разновидности одной и той же сущности. Матерія—устойчивая форма внутриатомной энергіи. Теплота, свѣтъ, электричество и т. д. представляютъ собой неустойчивыя формы той же энергіи.

6. Диссоціируя атомы, т. е. дематеріализируя матерію, мы только превращаемъ прочную форму энергіи, получившую названіе матеріи, въ тѣ неустойчивыя формы ея, которыя принято называть электричествомъ, свѣтомъ, теплотой и т. п. Слѣдовательно, матерія безпрерывно превращается въ энергію.

7. Законъ эволюціи, господствующій надъ живыми существами, точно такъ же примѣнимъ и къ простымъ тѣламъ; химическія разновидности не болѣе устойчивы, чѣмъ живыя.

8. Энергія столь же подвержена разрушенію, какъ и матерія, изъ которой она исходитъ.

Однимъ изъ главныхъ свойствъ матеріи считается вѣсъ; все, что не подвластно закону тяготѣнія, не могло быть признано матеріальнымъ и все, что не доступно нашимъ 5 чувствамъ, замѣняемымъ въ лабораторіяхъ ученыхъ усовершенствованными чувствительнѣйшими приборами, принималось за результатъ разстроенной мозговой дѣятельности. Но вотъ открываются вещества, лишенныя нѣкоторыхъ основныхъ свойствъ матеріи вообще и тѣхъ тѣлъ, изъ которыхъ онѣ исходятъ, въ обычныхъ классификаціяхъ имъ не находится мѣста; кромѣ того, эти вещества оказываются носителями совершенно новыхъ, чудесныхъ свойствъ, какъ-то: способности проникать сквозь твердые, непрозрачные предметы, нестись съ быстротой молніи въ пространствѣ, вызывать свѣченіе, плавленіе и излученіе въ другихъ тѣлахъ, попадающихся имъ на пути, и т. д. Наконецъ, невѣсомый, невидимый, считавшійся до сихъ поръ гипотетичнымъ, эфиръ, признанъ тѣломъ, обладающимъ вполнѣ опредѣленными свойствами, при чемъ, какъ это ни невѣроятно, онъ оказывается лишеннымъ плотности и вѣса, несмотря на большую твердость. Такимъ образомъ наука вплотную подошла къ тому невидимому для обыкновеннаго зрѣнія міру, существованіе и познаваемость котораго всегда утверждались оккультизмомъ. Съ каждымъ днемъ приходится все чаще убѣждаться въ томъ, что наши лабораторіи, вѣсы, приборы и всѣ существующіе способы изслѣдованія, доступные ученымъ, не въ состояніи, несмотря на ихъ тонкость и сложность, анализировать то море звуковъ, красокъ, свѣта, формъ, движеній, которое наполняетъ вселенную и лишь самую незначительную часть которой мы познаемъ. Отмѣчая этотъ фактъ и признавъ, что въ природѣ есть „молчаливый звукъ“ и „темный свѣтъ“, Г. Лебонъ чистосердечно говоритъ: „передъ явленіями, не имѣющими ничего общаго съ тѣми, которыя мы привыкли наблюдать, мы находимся въ положеніи глухого отъ рожденія по отношенію къ музыкѣ или слѣпого по отношенію къ краскамъ. Никакіе образы не въ состояніи имъ объяснить, что такое звукъ и цвѣтъ.“ Совершенно вѣрно; но правы ли были ли бы слѣпые и глухіе, если бы они упорно утверждали, что то, о чемъ имъ сообщаютъ люди зрячіе и обладающіе слухомъ, есть лишь игра разстроеннаго воображенія или просто сплошная выдумка?

Перейдемъ теперь къ нѣкоторымъ сопоставленіямъ между научными данными, сгруппированными въ книгѣ Г. Лебона и выте-

кающими изъ нихъ теоретическими выводами, и между нѣкоторыми положеніями, давно признанными въ оккультизмѣ.

Во второй главѣ (III часть) „L'évolution de la matière", посвященной эфиру, мы читаемъ слѣдующее: „Мы вынуждены признать существованіе эфира, ибо оно кажется даже болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ существованіе матеріи. Безъ него были бы необъяснимы явленія тяготѣнія, свѣта, электричества, теплоты, всего того, что мы знаемъ. Вселенная была бы молчалива и мертва. Какъ это ни странно, эфиръ имѣетъ сходство только съ твердыми тѣлами. Твердость его должна превосходить твердость стали, иначе онъ не могъ бы передавать свѣтовыя колебанія со скоростью 300.000 километровъ въ секунду. Извѣстный физикъ, лордъ Кельвинъ, смотритъ на эфиръ, какъ на твердое, эластичное тѣло, наполняющее вселенную. Но свойства этого твердаго тѣла необычайны: его твердость какъ бы соединяется съ незначительной плотностью, дабы своимъ треніемъ эфиръ не могъ замедлить передвиженія планетъ въ пространствѣ. Приходится признать, что эфиръ твердое тѣло, лишенное вѣса и плотности". Въ другомъ мѣстѣ Лебонъ категорически заявляетъ, что существованіе эфира *болѣе* достовѣрно, чѣмъ существованіе матеріи. „Хотя эфиръ невѣсомъ -говоритъ Кельвинъ—но мы можемъ допустить, что достаточное давленіе могло бы его конденсировать". Эта-то конденсація и произошла въ началѣ вѣковъ, образовавъ атомы, на которые многіе физики смотрятъ, какъ на вихрь сгущеннаго эфира; съ эфиромъ мы встрѣчаемся всюду, мы можемъ придать ему колебательное движеніе, мы можемъ измѣнять его направленіе, измѣрять его проявленія, но не изолировать его. Его внутренняя природа остается для насъ мучительной тайной. Вѣроятно, эфиръ является первоначальнымъ источникомъ и конечнымъ терминомъ вещей, субстратомъ міровъ и всего того, что движется на ихъ поверхности.

Откроемъ теперь брошюру объ оккультной химіи A. Besant. Оккультисту, говорится въ ней, хорошо извѣстно, что за газообразнымъ состояніемъ тѣлъ слѣдуетъ эфирное, такъ же точно, какъ за твердымъ состояніемъ слѣдуетъ жидкое. Ему извѣстно, что понятіе „эфиръ" обнимаетъ четыре состоянія, столь же различныя между собой, какъ твердое тѣло отъ жидкаго и газообразнаго; такимъ образомъ, всѣ химическіе элементы имѣютъ 4 состоянія въ эфирѣ, изъ которыхъ послѣднее—тончайшее однородно для всѣхъ тѣлъ. Это состояніе есть послѣднее атомное состояніе физической сферы. Эфиръ проникаетъ всѣ тѣла, каждую частицу ихъ.

Для наблюденія 4-го состоянія эфира нужно диссоціировать атомъ много разъ до тѣхъ поръ, пока, въ концѣ концовъ, продуктомъ его дальнѣйшаго разложенія явилась бы уже не физическая матерія, а астральная. Въ такомъ видѣ онъ представляетъ собою послѣдній недѣлимый физическій атомъ. Для наблюденія былъ взятъ атомъ водорода, при чемъ это наблюденіе возможно лишь при иммобилизаціи атома. Если мы прослѣдимъ всѣ превращенія такого атома вплоть до 4-го состоянія эфира, однороднаго для всѣхъ тѣлъ, то мы увидимъ слѣдующую картину: весь атомъ состоитъ изъ спиралей, въ свою очередь состоящихъ изъ меньшихъ спиралей, а эти послѣднія изъ еще меньшихъ. Благодаря переливамъ этихъ спиралей, атомъ, совершая колебательныя и вращательныя движенія, кажется свѣтящимся.

Зарожденіе атома начинается всегда кипѣніемъ силы (исходящей изъ 4-го измѣренія пространства, т. е. изъ астральной сферы) въ той точкѣ, которая явится будущимъ центромъ соединенія частицъ. Вращеніе происходитъ двояко: вокругъ собственной оси и вокругъ другой оси, перпендикулярной плану рисунка (атомъ какъ бы кувыркается). Химическій атомъ водорода заключаетъ въ себѣ 18 недѣлимыхъ физическихъ атомовъ; число ихъ пропорціонально атомному вѣсу. То же самое наблюдается и въ другихъ атомахъ съ той лишь разницей, что строеніе ихъ сложнѣе и атомный вѣсъ больше (кислородъ, азотъ).

Эти данныя добыты путемъ наблюденія астральнымъ зрѣніемъ, для котораго эфиръ становится видимымъ. Для человѣка, обладающаго этимъ зрѣніемъ, какъ видно, эфиръ перестаетъ быть „мучительной тайной“. Впрочемъ, можно все это объявить сплошнымъ вымысломъ или игрой разстроеннаго воображенія—все, кромѣ астральнаго зрѣнія, существованіе котораго установлено многочисленными наблюденіями ученыхъ надъ лицами, погруженными въ естественный или искусственный сомнамбулическій сонъ.

Въ главѣ о свѣтѣ и теплотѣ Г. Лебонъ говоритъ: „Глазъ не все видитъ; изъ океана формъ онъ выбираетъ только то, что ему доступно, и думаетъ, что эта искусственная граница истинна. То, что намъ извѣстно о живомъ существѣ—только часть его дѣйствительной формы. Если бы нашъ глазъ могъ различать инфракрасные лучи, оставаясь нечувствителенъ къ другимъ, то живое существо представлялось бы намъ въ видѣ облака съ мѣняющимися очертаніями.

Дальше: всякое тѣло, температура котораго приближается къ 37°, должно быть окружено свѣтящимся ореоломъ, котораго мы

не видимъ исключительно по причинѣ нечувствительности нашего глаза. Въ сущности, нѣтъ темныхъ тѣлъ въ природѣ, есть только несовершенные глаза. Какое угодно тѣло есть постоянный источникъ видимыхъ или невидимыхъ, но все же свѣтовыхъ излученій.

Оккультистамъ давно извѣстно это свойство излученія, присущее всѣмъ тѣламъ въ природѣ; образуемый ими свѣтящійся овоидъ носитъ названіе ауры. Она видна людямъ, у которыхъ развито астральное зрѣніе. За послѣдніе годы сдѣлано даже не мало попытокъ, отчасти удачныхъ, уловить нѣкоторую часть излученій ауры человѣка и различныхъ предметовъ при помощи фотографической камеры.

Вернемся теперь въ гипотезѣ Г. Лебона о происхожденіи вселенной. Принимая въ общихъ чертахъ ученіе Лапласа, французскій ученый усматриваетъ въ различныхъ фазисахъ эволюціи планетной системы слѣдующіе 2 главныхъ момента: 1) фазисъ конденсаціи энергіи въ матерію, 2) расходованіе этой энергіи, сопровождаемое распадомъ матеріи. Несмотря на свое многовѣковое равновѣсіе, атомы не перестаютъ медленно излучать изъ себя частицы вещества, а слѣдовательно уменьшать свою скорость. Часть устойчивости теряется, начинается разложеніе, сперва медленное, затѣмъ ускоренное, пока элементы не вернутся въ эфиръ, изъ котораго они вышли. Этотъ процессъ повторяется въ атомѣ, который Лебонъ сравниваетъ съ маленькой солнечной системой, также переживающей эти два періода: 1) конденсаціи энергіи въ форму и 2) распада этой формы, т. е. обратнаго превращенія ея въ энергію. „Быть можетъ добавляетъ Лебонъ—за этимъ конечнымъ разрушеніемъ, на протяженіи вѣковъ, слѣдуетъ новый циклъ рожденія и смерти, хотя нѣтъ никакой возможности опредѣлить срокъ подобныхъ разрушеній и возрожденій. Вѣроятно, они вѣчны". Когда читаешь посвященныя этому вопросу страницы книги Лебона, то невольно напрашивается сопоставленіе его идей съ теософическимъ ученіемъ о безпрерывномъ чередованіи жизни и смерти міровъ, извѣстныхъ у индусовъ подъ названіемъ Manvantara (періодъ проявленія) и Pralaya (періодъ отдыха). Согласно этому ученію, всему существующему, вызванному Божественной жертвой къ жизни (ибо, проявляясь, Божество ограничиваетъ себя), суждено много разъ проходитъ циклъ рожденія и смерти, пока, сдѣлавшись совершенной, часть не возвратится снова въ нѣдра Единаго источника, изъ котораго все исходитъ. Снова и снова приходится констатировать, что современная наука формулируетъ въ новыхъ терминахъ то, что съ незапамятныхъ временъ утвер-

ждалось ясновидцами, обладавшими способностью духовной интуиціи *).

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что кромѣ физическихъ силъ Лебонъ признаетъ существованіе жизненныхъ силъ, природа и процессъ дѣятельности которыхъ, по его мнѣнію, совершенно не извѣстны. „Глубина тайны жизни и ея поразительной сложности — говоритъ онъ—познаются нами больше всего при изученіи клѣтки. Та химическая работа, которую производятъ клѣтки, заключаетъ въ себѣ не только самыя трудныя операціи нашихъ лабораторій, но и гораздо болѣе трудныя, воспроизвести которыя мы не въ состояніи. Невѣдомыя силы, управляющія этими точными и чудно цѣлесообразными дѣйствіями, ведутъ себя такъ, какъ если бы онѣ обладали ясновидѣніемъ, во много разъ превышающимъ нашъ разумъ. Ученый, которому удалось бы своимъ умомъ рѣшить тѣ задачи, которыя крошечныя клѣтки рѣшаютъ каждый мигъ, оказался бы настолько выше другихъ людей, что на него можно было бы смотрѣть, какъ на Божество.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Возможность разложенія простыхъ тѣлъ безспорно устанавливаетъ принципъ единства матеріи, на которомъ всегда настаивали алхимики.

2) Признавъ существованіе эфира неоспоримымъ, современная наука открываетъ путь къ возможности признанія и дальнѣйшихъ болѣе утонченныхъ состояній матеріи, существованіе которыхъ утверждается оккультизмомъ.

3) Признавъ причину равновѣсія атомовъ въ вихревомъ движеніи ихъ элементовъ, наука подтвердила данныя, давно собранныя путемъ прямого наблюденія астральнымъ зрѣніемъ.

*) Не лишены интереса воспоминанія Лебона относительно тѣхъ затрудненій, которыя пришлось ему преодолѣть для того, чтобы завоевать вниманіе и побѣдить враждебность ученаго міра. По этому поводу онъ вспоминаетъ, что Омъ, открывшій знаменитый законъ, носящій его имя, вызвалъ къ себѣ не только враждебное отношеніе со стороны ученыхъ, но подвергся еще преслѣдованіямъ. Онъ лишился своего мѣста, и, чтобы не умереть съ голоду, былъ вынужденъ давать уроки. Робертъ Мейеръ, открывшій законъ о сохраненіи энергіи, не могъ добиться никакого вниманія къ своимъ трудамъ; онъ пытался покончить жизнь самоубійствомъ и въ концѣ концовъ сошелъ съ ума.

Напомнимъ кстати, что еще въ 1832 году полковникъ Олькоттъ признавалъ электричество однимъ изъ видовъ матеріи, а Е. П. Блаватская утверждала, что оно имѣетъ атомное строеніе. Эти положенія общеприняты въ настоящее время, но тогда они были презрительно отвергнуты ученымъ міромъ.

4) Допуская вѣроятность циклическаго круговорота жизни и смерти міровъ, Г. Лебонъ подтверждаетъ древнерелигіозныя вѣрованія всего Востока.

5) Устанавливая тожество вещества и силы, какъ двухъ разновидностей одной и той же сущности, современная наука подтверждаетъ лишь то, что давно было извѣстно и въ глубокой древности и въ современныхъ школахъ оккультизма, а именно, что всякая энергія, наблюдаемая на физическомъ планѣ, есть не что иное, какъ проявленіе субстанціи другого плана. Другими словами, матерія и энергія постоянно превращаются другъ въ друга; понятія эти нераздѣлены, однородны. Такъ, напримѣръ, электричество, признаваемое нынѣ состоящимъ изъ частицъ, получившихъ названіе электроновъ, беретъ свое начало въ астральной субстанціи, являясь такимъ образомъ ея проявленіемъ, ея превращеніемъ въ силу на физическомъ планѣ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать слѣдующее предположеніе. Не въ атомной ли энергіи или, вѣрнѣе, въ умѣньи пользоваться ею, подчиняя ее духовному началу, слѣдуетъ искать объясненія удивительныхъ феноменовъ диссоціаціи и возстановленія матеріи, производимыхъ восточными „іоги“, а также развитія той электрической силы, извѣстной у индусовъ подъ названіемъ kundalini, владѣя которой Моисей, бывшій адептомъ египетскаго оккультизма, вызывалъ громъ и молнію вокругъ шатра, охранявшаго священную скинію?

М. К.

Письма къ читателямъ.

Въ прошломъ письмѣ мы коснулись Мудрости. Когда у насъ на Западѣ говорятъ о Мудрости, чаще всего является представленіе о безстрастномъ философѣ или даже объ отжившей старости. А между тѣмъ, Мудрость—ступень сознанія, черезъ которую современемъ пройдетъ все выросшее человѣчество. Ступень эта достигается тогда, когда ярко освѣщенный, остро переживаемый кругъ личнаго опыта, личныхъ чувствъ и ощущеній все болѣе расширяется, и развивающееся внутреннее зрѣніе человѣка дѣлаетъ его способнымъ различать тѣ миріады невидимыхъ нитей, которыя соединяютъ освѣщенное поле его личныхъ переживаній съ жизнью остального міра. Представимъ себѣ могучій дубъ; вначалѣ онъ былъ той идеальной точкой внутри жолудя, невидимой и невѣсомой, которую вѣрнѣе всего назвать *идеей*; но въ этой идеѣ заключался весь дубъ со всей своей сложной красотой. Чтобы осуществилась эта идея, потребовались миріады веществъ, множество силъ, взятыхъ изъ почвы, воды, воздуха и отъ солнца. Попробуемъ погасить въ своемъ воображеніи солнце, уничтожить почву и влагу, и —дубъ исчезнетъ, онъ станетъ невозможенъ, какъ и вся природа, которая можетъ существовать только въ совершенномъ единствѣ всего мірозданія, въ глубочайшей взаимной зависимости каждой отдѣльной формы жизни и всего Цѣлаго. То же можно сказать и о разумной человѣческой душѣ: она стоитъ лицомъ къ лицу съ объективнымъ міромъ и вбираетъ въ себя все, что въ состояніи взять отъ земли и отъ неба, и отъ великой человѣческой семьи со всѣми многообразными культурами различныхъ вѣковъ и народовъ. Все это душа вбираетъ въ себя, какъ дубъ вбираетъ элементы земли и солнца, и нѣтъ въ человѣкѣ ничего, ни единаго атома, физическаго или духовнаго, котораго онъ не получилъ бы отъ міра. Онъ *все* взялъ отъ міра и долженъ *все* отдать міру. Въ

этомъ—вся тайна вселенской этики, и на справедливомъ равновѣсіи между „взятымъ“ и „отданнымъ“ держится вся гармонія міроздания.

Мудрость владѣетъ ключомъ къ пониманію единства Жизни. Но, чтобы достигнуть Мудрости, необходимо пройти черезъ *самопознаніе*, самопознаніе же неминуемо вызываетъ потребность водворить порядокъ въ своей душѣ, въ ея внутреннемъ обиходѣ, приводитъ къ необходимости *душевной культуры*. Появленіе этой потребности—чрезвычайно важный моментъ въ развитіи человѣчества; и можетъ быть во всемъ мірѣ нѣтъ народа, для котораго въ такой степени важно пробужденіе этой потребности, какъ для народа русскаго. Восхищеніе вызываетъ у европейца ширина, талантливость, быстрота, съ которыми все схватывается русскимъ умомъ, и тотъ же европеецъ смотритъ съ глубокимъ недоумѣніемъ на преступную безпечность, съ которой русскій человѣкъ относится къ своей собственной и къ чужой жизни, къ своему земному устроенію, къ тѣмъ подробностямъ существованія, изъ которыхъ выростаетъ красота Жизни. Когда-то меня сильно поразили слова Гейне, если не ошибаюсь въ его Reisebilder: „wenn ich einen Liflãnder von *unserem* Dibitsch und von *unserem* Russland spreshen höre, ist es mir, als ob ein Hering den Wallfisch für seinen Landsmann und das Weltmeer für seine Heimath hielte“ *). Эти слова звучатъ очень странно въ устахъ европейца, но не въ устахъ поэта. Интуиція поэта повѣдала Гейне, что у русской души есть свойства, которыхъ не найти ни у одного народа. Если вглядѣться въ особенности русскаго народа и его жизни, его особыя свойства можно объяснить тремя главными причинами: шириной и необъятнымъ просторомъ земли русской (причина географическая); вѣками длящимися, почти непрерывавшимися страданьями народными отъ „труса, глада, нашествія иноплеменныхъ“, темноты и т. д. и т. д., что въ прямой связи съ ея незащищеннымъ просторомъ (причина историческая); и третья, психологическая причина, явившаяся какъ отраженіе двухъ первыхъ условій въ душѣ народной, это—ранѣе чѣмъ у другихъ народовъ пробудившееся *сверхличное начало*, то, что индусы называютъ Budhi (Духовность), второй принципъ отраженной въ человѣкѣ божественной Троицы **), о чемъ мы поговоримъ съ читателемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

*) „Когда я слышу лифляндца, говорящаго про *нашего* Дибича и про *нашу* Россію, мнѣ кажется, что селедка называетъ своимъ соотечественникомъ кита и своей родиной открытый океанъ“. (Цитату привожу на память).

**) Эта причина, конечно, главная *(Прим. ред.)*.

Интуиція подсказала поэту ширину русской души, сложившейся на необъятномъ просторѣ открытыхъ равнинъ, гдѣ такъ привольно разгуливать бурямъ и непогодамъ, на ея выкованную въ страданіяхъ терпѣливую силу, на ея устремленіе вверхъ къ Вѣчному. Но все это пока—непроявленныя свойства народной души; истинная ихъ цѣнность обнаружится въ народномъ творчествѣ, которое еще впереди. Весь смыслъ человѣческаго существованія на землѣ въ творчествѣ; все, начиная съ нѣдръ матери-земли съ ея камнями и металлами и кончая собственной душой, должно пройти черезъ сознательное творчество человѣка. Вся земная жизнь, всѣ прошлыя, настоящія и будущія цивилизаціи, всѣ эти громады городовъ, величественные храмы, чудные сады, вся человѣческая культура отъ мельчайшихъ ея подробностей до величайшихъ произведеній вдохновеннаго генія—не болѣе какъ средство для того, чтобы появилось человѣческое творчество, и цѣль вовсе не въ этихъ внѣшнихъ формахъ, а въ развитіи творческой силы души. Западный европеецъ и тотъ лифляндецъ, о которомъ упоминаетъ поэтъ, несравненно культурнѣе русскаго, но онъ сотворилъ изъ своей культуры „кумира“, онъ превратилъ ее изъ средства въ цѣль, онъ готовъ отдать за нее все, вплоть до божественнаго дара—свободы своей собственной души... Преклоняясь передъ ея внѣшними формами, онъ забылъ, что признакъ истинной, праведной культуры въ томъ, чтобы жизнь *всѣхъ* становилась легче, благороднѣе и красивѣе; онъ не хочетъ видѣть, что культура, которая вызываетъ жестокость и грубость, какъ мы это видимъ въ современномъ мірѣ, которая выращиваетъ индивидуальный и народный эгоизмъ, явно нарушая законы Духа, что такая культура превращается изъ источника блага въ источникъ зла и становится не благословеніемъ, а поводомъ для зависти, вражды и разъединенія. Но и *безъ* культуры великій народъ не можетъ существовать. Чтобы выполнить свою міровую миссію, онъ долженъ внести *свое* въ общечеловѣческое творчество. Первая половина исторической жизни русскаго народа, которая такъ ярко запечатлѣлась въ выраженіи: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ“, заканчивается на нашихъ глазахъ. Чтобы продолжать жить исторически и жить хорошо, русскій народъ долженъ водворить праведный порядокъ въ своей великой и обильной землѣ. Иначе, не смотря на свои колоссальные размѣры, Россія сведется къ ничтожеству. Тоже самое примѣнимо и къ психологіи русской души. Какъ необъятныя поля Россіи и неисчислимыя богатства ея природы требуютъ ухода, просвѣщеннаго труда и водворенія хоро-

шаго порядка, столько же это необходимо и для русской души. Мы гордимся нашей широтой. Мы презираемъ „мѣщанство“, намъ нравится наша яркость, смѣлость порывовъ, острота переживанiй, неожиданные взрывы, жуткая неуравновѣшенность – то „къ звѣздамъ поднятье, то въ бездну паденье“. Но пока все это богатство не подчинится *контролю воли*, не пройдетъ *черезъ самопознанiе* и не осуществится въ *жизненномъ творчествѣ*, до тѣхъ поръ оно не столько служитъ жизни, сколько мѣшаетъ жить. Какъ въ роскошномъ, но неустроенномъ домѣ, гдѣ все свалено въ хаотическомъ безпорядкѣ, электрическiе провода перепутаны, водопроводные краны не дѣйствуютъ, рояль не настроенъ и т. д. Не окажется ли гораздо пригоднѣе для жизни скромное жилище, въ которомъ все приведено въ стройный порядокъ? Это сравненiе безусловно вѣрно въ томъ отношенiи, что чѣмъ богаче и сложнѣе душевная жизнь человѣка, тѣмъ настоятельнѣе нужны внутренняя культура, самопознанiе, приведенiе всѣхъ свойствъ въ гармоническое сочетанiе. Психологiя западныхъ народовъ создавалась подъ влiянiемъ внѣшней культуры; творя ее, они по собственному почину налагали узду на свою низшую природу. Ихъ культура была одновременно и школой народнаго воспитанiя. Не то у насъ. Нашему добровольному участiю въ культурномъ творчествѣ ставились всевозможныя преграды, оттого оно и не воспитывало насъ. На Западѣ самовоспитанiе шло *извнѣ*, отъ внѣшней культуры; намъ нужно начать самовоспитанiе *извнутри*, создать высокую внутреннюю культуру, которая и будетъ направлять линiи нашего внѣшняго творчества. Это возможно потому, что наша очередь творить пришла тогда, когда западные народы успѣли уже выработать огромный историческiй опытъ, изъ котораго намъ остается лишь разумно выбирать самое лучшее. Благодаря этому условiю и благодаря особенностямъ нашей народной психологiи *), наша историческая задача становится совершенно особой; объединить все лучшее изъ западно-европейскаго творчества въ такую культуру, которая будетъ служить *всему* народу, дастъ возможность поднять и облагородить жизнь *всѣхъ*. Но безъ душевной культуры подобная миссiя не выполнима. Наука, разрабатывающая „культуру души“, на Западѣ даже и не возникала. Но она всегда существовала на Востокѣ; средоточiя ея были въ тѣхъ оккультныхъ школахъ, которыя во всѣ вѣка помогали сильнымъ духомъ подняться

*) Никто не освѣщалъ такихъ глубокихъ слоевъ русской психологiи, какъ Достоевскiй; онъ подмѣтилъ *сверхличное начало* въ русской душѣ и выразилъ свое провидѣнье во вдохновенной рѣчи, сказанной на Пушкинскомъ праздникѣ.

на высшую ступень развитія, выражавшуюся въ душевной чистотѣ, благородномъ настроеніи и въ самоотверженной дѣятельности на пользу міра. Одна изъ задачъ современной теософіи — повѣдать міру методы этихъ школъ высшей духовной культуры. Коренной основой, на которой опиралась древняя наука о душѣ, служитъ ученіе объ эволюціи человѣка. Наука эта разсматривала не одно земное существованіе личности, но весь великій круговоротъ жизни, чрезъ который проходитъ безсмертная душа человѣка и во время своихъ многочисленныхъ воплощеній на землѣ, и въ періоды потусторонняго развитія между смертью и слѣдующимъ рожденіемъ. Для нея земное существованіе человѣка было лишь промежуточнымъ эпизодомъ, имѣющимъ огромное прошлое *позади* и необъятное будущее *впереди*.

У Эмерсона есть интересная страница, ярко рисующая религіозное міровоззрѣніе Запада. Въ ненастную осеннюю ночь въ древнемъ замкѣ собралось нѣсколько рыцарей вокругъ пылающаго камина. Они тихо бесѣдуютъ о безсмертіи души. Вдругъ въ залу влетаетъ птичка и, сдѣлавъ нѣсколько круговъ въ освѣщенномъ пространствѣ, снова улетаетъ въ темноту ночи. Для присутствующихъ птичка эта явилась живымъ символомъ таинственной загадки жизни. Откуда появилась она? Куда улетѣла? Религіозная мысль Запада не отвѣчаетъ на эти вопросы. Ей извѣстны условія человѣческаго существованія лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ земного міра. Оттого у насъ на Западѣ столько духовнаго смятенья, такое мучительное недоумѣнье передъ неразгаданными тайнами бытія. Совершенно иное отношеніе у религіозной мысли Востока къ жизни и къ смерти: для нея судьба птички *внѣ* освѣщеннаго зала не тайна. Она знаетъ ея прошлое, знаетъ и то, что, покинувъ освѣщенное пространство, она не погибнетъ во вракѣ, а дождется зари и съ новыми силами и съ ликующею пѣснью полетитъ навстрѣчу восходящему свѣтилу.

Въ слѣдующихъ письмахъ мы будемъ бесѣдовать съ читателемъ о культурѣ души въ томъ освѣщеніи, которое дается ученіями Древней Мудрости.

Другъ читателя.

Философія Іога. Лекціи, читанныя въ Нью-Іоркѣ зимою 1895—96 гг. Суоми Вивекананда о „Раджа-Іогѣ" или подчиненіи внутренней природы, и афоризмы Патанджали съ коментаріями. Переводъ съ англійскаго Я. Попова. Сосница. 1906 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ 1903 г. вышла брошюра М. А. Новоселова „Забытый путь опытнаго Богопознанія" (цѣна 25 к.). Авторъ проводитъ мысль, что основной источникъ Богопознанія есть внутреннее откровеніе духа, и что познаніе это можетъ быть пріобрѣтено путемъ опыта. Мы должны стремиться *видѣть* Его своими глазами, *слышать* своими ушами, и наши руки должны *осязать* Слово жизни. Обильныя выдержки изъ св. Исаака Сирина, Климента Александрійскаго, блаж. Августина и другихъ учителей Церкви убѣждаютъ въ томъ, что всѣ святые отцы стремились къ раскрытію въ себѣ „духовнаго вѣдѣнія", къ явному, ощутительному познанію Бога въ сердцѣ своемъ.

Къ такому же опытному Богопознанію призываетъ и Суоми Вивекананда, когда онъ заявляетъ, что всѣ религіи, какъ и всѣ науки, основаны *на опытѣ*, и что ни одинъ человѣкъ не можетъ стать религіознымъ, если онъ самъ личнымъ опытомъ не познаетъ истины своихъ религіозныхъ воззрѣній. Іога есть та наука, которая, по словамъ Вивекананда, учитъ насъ достигать такого опытнаго Богопознанія. Въ книгѣ дается рядъ практическихъ совѣтовъ для упражненія въ сосредоточеніи, въ созерцаніи, въ управленіи своимъ дыханіемъ и т. д. въ цѣляхъ полученія „почти безграничнаго могущества" надъ внѣшней и надъ внутренней природой. Книга интересна какъ очеркъ индусской психологіи, совершенно оригинально ставящій вопросъ объ актахъ внутренняго самонаблюденія. Тайна эволюціи сводится къ обнаруженію совершенства, которое уже имѣется, въ потенціальной формѣ, въ ка-

ждомъ существѣ. Авторъ вполнѣ опредѣленно высказывается противъ какого бы то ни было давленія (внушенія) на волю другого человѣка, говоритъ объ управленіи сознаніемъ, о молитвѣ, объясняетъ необходимость пищевой діэты, идею храмовъ, случаи передачи мыслей и даже здоровья на разстояніи (цѣлители вѣрой) и рядъ другихъ не менѣе интересныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, авторъ не чуждъ нѣкоторыхъ матеріалистическихъ и утилитарныхъ тенденцій и недостаточно оттѣняетъ, что духовное и нравственное развитіе должно быть результатомъ *внутренней* работы и не можетъ быть достигнуто внѣшними опытами. Примѣненіе указанныхъ имъ пріемовъ, безъ очищенія сердца, можетъ принести только вредъ. Іогу можно изучать только въ непосредственномъ общеніи съ Учителемъ, при полномъ цѣломудріи мыслью, словомъ и дѣломъ. Внѣ этихъ условій упражненіе въ Іогѣ опасно и можетъ привести къ разстройству здоровья и къ умопомѣшательству.

Прибавимъ, что Раджа Іога (царственная Іога) имѣетъ право себя именовать только та Іога, которая идетъ путемъ нравственнаго очищенія и внутренняго просвѣтленія. Всякая іога, начинающая съ пріемовъ внѣшнихъ, есть Хата, а не Раджа Іога. Вотъ почему настоящую книгу, несмотря на ея несомнѣнныя достоинства и большой интересъ, мы не можемъ признать чистой выразительницей Раджа Іога; въ ней есть несомнѣнная примѣсь и Хата Іога. Издана книга превосходно.

К. Кудрявцевъ.

„Утро жизни", ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей старшаго возраста *) (3 р.).

Съ нынѣшняго года въ Кіевѣ выходитъ новый журналъ для юношества: „Утро жизни". Программа его интересная. „Стремясь привить своимъ юнымъ читателямъ идеалы добра и красоты—говоритъ журналъ—редакція „Утра жизни" вмѣстѣ съ тѣмъ является рѣшительной противницей узкой тенденціозности и навязанной морали, считая художественность лучшимъ средствомъ для достиженія намѣченной цѣли. Для близкаго и непрестаннаго общенія съ читателями редакція открываетъ особый отдѣлъ, гдѣ, по мѣрѣ возможности, будутъ помѣщаться письма, замѣтки и лучшія произведенія самихъ читателей. Всѣ отрасли литературы, науки и искусствъ найдутъ свое отраженіе въ „Утрѣ жизни". „Сознавая важное значеніе развитія художественнаго чутья и

*) Редакція: Пушкинская, 32. Кіевъ.

вкуса, редакція обратила особенное вниманіе на внѣшность изданія, давая репродукціи главнымъ образомъ съ вещей, имѣющихъ самостоятельную художественную цѣнность".

Всецѣло присоединяясь къ изложенному плану и считая красоту тѣмъ путемъ, черезъ который легче всего въ юности пробуждаются стремленія духовныя, мы всей душой привѣтствуемъ начинанія кіевскаго журнала. Первый № журнала начинается съ задушевнаго и художественнаго обращенія къ юнымъ читателямъ, которымъ рекомендуется не пропустить утро жизни, не полетавъ на коврѣ-самолетѣ, ибо „кто его на зарѣ не видалъ, тотъ и не увидитъ во вѣки". Въ книжкѣ рядъ интересныхъ и оригинальныхъ очерковъ. „Колдунъ", „Въ туманахъ Шотландіи", „Джіордано Бруно" и яркій и глубокій разсказъ „Индійскій Мудрецъ" придаютъ журналу особый, художественный колоритъ. Очень хороши также очерки о кристаллахъ и замѣтка о картинахъ Нестерова.

Въ январьской книжкѣ въ видѣ иллюстрацій дан. 3 картины Нестерова. Къ статьямъ подобраны изящные и оригинальные рисунки.

Русская литература для юношества очень бѣдна, и то, что выходитъ, носитъ слишкомъ часто какое-нибудь тенденціозное освѣщеніе. По нашему глубокому убѣжденію, задачи эстетики въ самомъ близкомъ родствѣ съ задачами духовными, и намъ кажется, что, подходя къ своимъ читателямъ съ этой стороны, новый журналъ взялъ вѣрную ноту и сталъ на правильный путь.

А. К.

Редакторъ-Издательница А. А. Каменская.